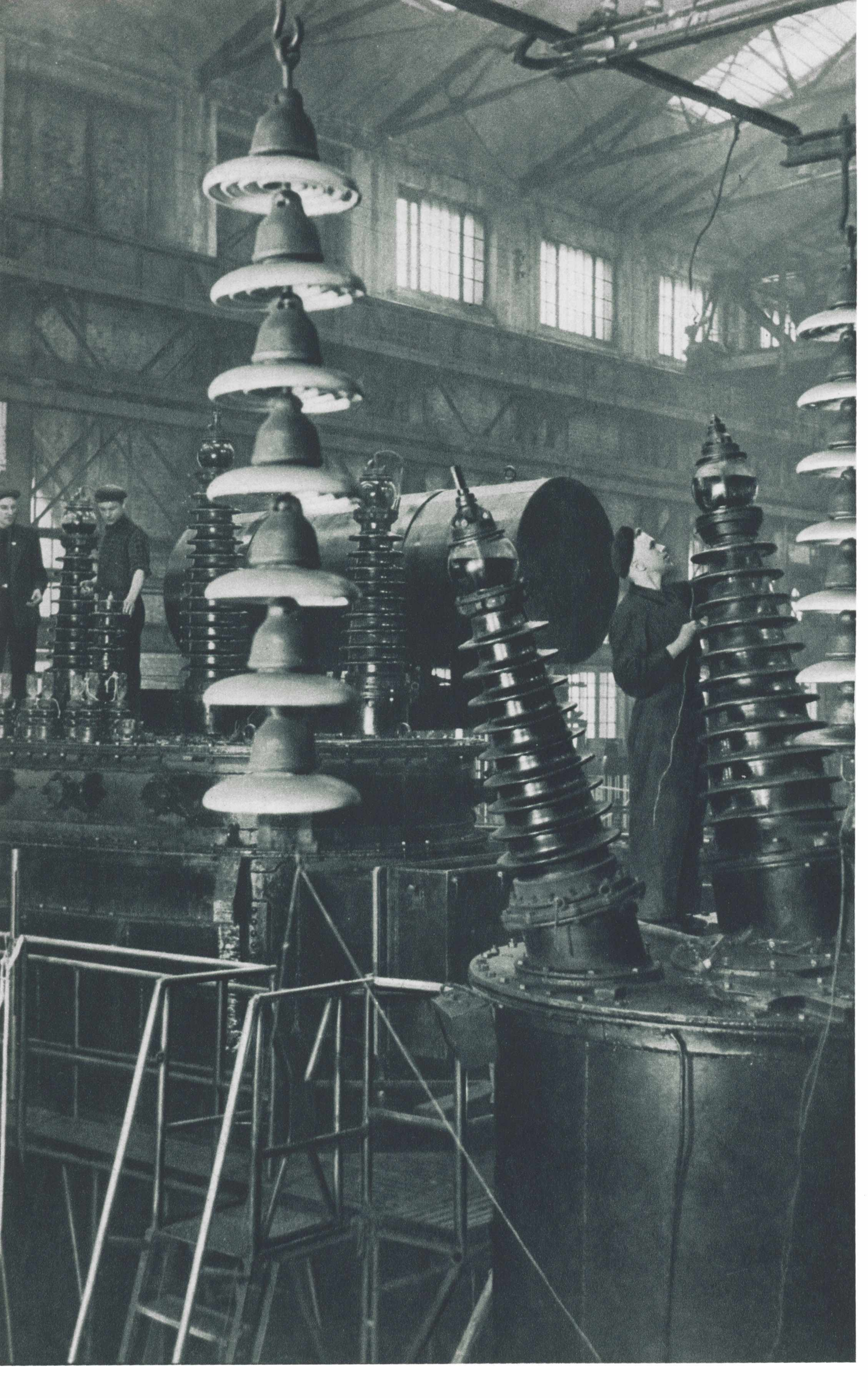

ОГОНЁК
№ 20 МАЙ 1953
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Знаменитые мастера земледелия

Новая, счастливая жизнь началась у крестьян Тернопольщины, когда она стала советской. В Мельнице-Подольском районе организовался первый колхоз. Среди активистов колхозного строя особенно отличалась Евгения Долинюк, которой с 1949 года поручили руководить звеном.

В молодые колхозы приезжали мастера высоких урожаев, делились опытом своей работы. Был на Тернопольщине и знатный звеньевой колхоза «Червоный партизан» с Днепропетровщины Герой Социалистического Труда Марк Озерный, прославившийся рекордными урожаями кукурузы. Долинюк знала об огромных початках, выращенных на участке его звена.

— Разве у меня руки иные или я не согласна так работать?.. — говорила Евгения Долинюк. И твердо решила она добиться таких же рекордных результатов.

В большом труде, в неустанной учебе прошел первый год звеньевой. Весной ее пригласили в Киев на совещание. Здесь она увиделась с Озерным, записала в блокнот все, что слышала об агротехнике кукурузы.

...И вот Евгению Алексеевну вызвали в районный центр. Секретарь райкома партии говорил ей:

— Поздравляем с высокой наградой, с присвоением звания Героя Социалистического Труда!

Счастливый, незабываемый день!

Снова встреча с Марком Озерным. Теперь Долинюк говорит ему:

— Вот и мы у себя добились высоких урожаев. Попробуем даже с вами соревноваться.

Бывшая забитая крестьянка стала достойным соперником знаменитого мастера земледелия Марка Евстафьевича Озерного.

В нынешнем году звеньевые Днепропетровщины и Тернопольщины намерены добиться новых рекордов в сборе урожая.

В. ШУМОВ

На первой странице обложки: Герои Социалистического Труда Е. Долинюк и М. Озерный.
Фото Н. Федорова.

← Сборка мощных трансформаторов на Московском трансформаторном заводе имени В. В. Куйбышева.

Фото В. Руйковича и В. Гребнева.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 20 (1353) 17 МАЯ 1953

31-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

НА ПОЛЯХ ПОДМОСКОВЬЯ

Необычайно выглядит поле, на котором работает машина «СКГ-4». Так называется последняя новинка нашего сельскохозяйственного машиностроения — сажалка картофельная, гнездовая, четырехрядная, выпущенная Рязсельмашем.

Мы привыкли к тому, что в дни посадки картофеля на колхозных полях с утра до вечера работают сотни людей. Но вот перед нами 40 гектаров колхоза имени Молотова, Балашихинского района, Московской области. Поле пустынно. Издали кажется, что здесь вообще не ведутся работы. И только подъехав ближе, видишь на дальнем краю трактор, тянущий небольшую по размерам, выкрашенную в серый цвет картофелесажалку. На машине стоят два прицепщика. Они следят за глубиной заделки.

«СКГ-4» ведет посадку квадратом. Одновременно с посадкой клубней машина вносит в гнезда минеральные удобрения.

Норма для одной сажалки, обслуживаемой бригадой в 7 человек,— 6—7 гектаров в день. Таким образом, на обработку 40 гектаров бригада затрачивает 5—6 дней. Ручная посадка на такой площади потребовала бы участия 40—50 человек.

Но этим не ограничиваются огромные преимущества новой машины. Квадратно-гнездовой метод посадки картофеля резко сокращает потребность в рабочей силе при культивации полей. При квадратно-гнездовой посадке урожайность повышается на 30 процентов.

Нынешней весной картофелесажалки «СКГ-4» начали работать на колхозных полях во многих районах Московской области.

Картофелесажалка на поле колхоза имени Молотова, Балашихинского района, Московской области.

Фото Дм. Бальтерманца.

ЧЕРКЕШЕНКА

Вл. СОЛОУХИН

Велик и богат жизнью город Москва. Пожалуй, нет часа, а может быть, и мгновения, чтобы не совершилось в Москве что-то значительное и важное, знаменательное для общего поступательного движения страны. Хирург взял скальпель и склонился над операционным столом — началось спасение человеческой жизни. Ремесленник впервые включил мотор станка — началась трудовая биография человека. Секретарь райкома вручил партийный билет взволнованному юноше — стало больше одним коммунистом. Конструктор перечеркнул чертеж (все не так!) — родился новый замысел машины. Писатель поставил точку в конце рукописи — появился новый роман. Все это (да разве только это!) происходит незаметно для самих москвичей, в самый обычный день.

В то ветреное холодное утро москвичи, проходившие мимо здания Академии общественных наук, конечно, не знали, что рядом с ними, в самом здании, волнуется человек, как, может быть, мало кто волновался в ту минуту даже в таком городе, как Москва.

Ученый совет кафедры истории СССР собрался полностью. Заполнял зал, всё приходили и приходили аспиранты академии, ученые, гости. Люди усаживались, негромко переговариваясь между собой.

— Она черкешенка?

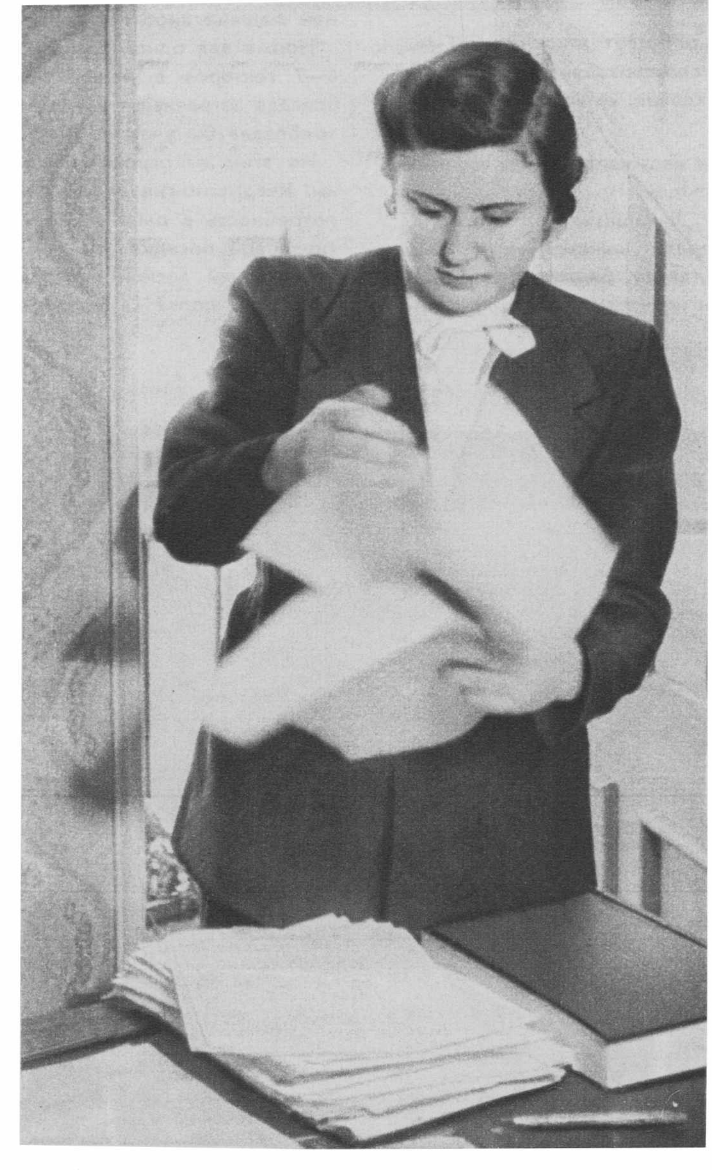
— Да, да.

За столом вместе с членами Ученого совета сидела темноволосая женщина с черными глазами и тонким красивым ртом. Она перелистывала переплетенную рукопись. Наконец, все затихло, и тогда поднялся председательствующий — академик Борис Дмитриевич Греков.

— Разрешите начать заседание Ученого совета кафедры,— сказал он.— На повестке дня защита диссертации товарищем Лаказовой на тему: «Культурное строительство в Черкесии в годы довоенных сталинских пятилеток».

Борис Дмитриевич Греков сообщил имена официальных оппонентов и предоставил слово для зачтения биографической справки диссертанта.

«Родилась в ауле Старокувинском, Черкесской автономной области...» — слушали люди. И, может быть, за сухими фразами вставала перед ними красота «диких гор», и песнь «черкешенки младой», и своеобразный быт горцев, и все, чем богато романтическое направление русской поэзии. Но перед слушателями сидела и волновалась Пашахан Лаказова, защищающая диссертацию о культурном строительстве в Черкесии. Вспоминались далекие события, которые не входят в официальные биографические справки, но которые больше всего характеризуют человека.

Кандидат исторических наук Пашахан Лаказова.
Фото И. Романова.

...Знойный августовский день на исходе. Солнце уже коснулось гряды холмов, и в долину Большого Зеленчука начали стекать, наполняя ее все больше и больше, густые южные сумерки. В них растворились и исчезли длинные резкие тени от пирамидальных тополей, от саклей, от каменных заборов вокруг каждой сакли.

Собаки, встревоженные возвращением в аул людей, целый день работавших на полях, успокоились. Шум Большого Зеленчука постепенно преодолел все остальные предвечерние шумы и теперь один господствовал в долине. В эти часы редко увидишь человека идущего из аула: все собираются к своим домам на ночлег. Однако две девочки, Пашахан и Абидат, обе худенькие, черноглазые и загорелые, миновали последнюю саклю и побежали в сторону реки. Они пробежали шагов триста и уселись на большой, прогретый за день камень. Вокруг не было ни души, и все же девочки боязливо оглянулись, опасаясь, не подслушал бы кто их разговора.

— Ну, ты согласна? — первая заговорила Пашахан.

— Согласна. Только страшно уж очень: взять и убежать.

Несмотря на все принятые предосторожности, девочки говорили шепотом.

— Чего тут страшного? За один день дойдем. А нет, так поспим где-нибудь. Только еды нужно запасти. Давай так: два дня будем еду запасать, а на третий убежим.

— Давай!..

На третий день рано-рано утром девочки ушли из аула. Старый пес Шайтан все бежал за Пашахан, точно чуял, что маленькая хозяйка навсегда или, по крайней мере, надолго покидает саклю.

Как ни семенили девочки по пыльной, укатанной за лето дороге, пространство двигалось к ним навстречу очень медленно. Вот уже и солнце взошло, а родной аул все еще на виду, да и Шайтан отнимал много времени. Пашахан грозила ему пальцем, кричала на него, не утерпев, хватала за лохматую шерсть и поворачивала мордой к аулу. Ничего не помогало. И только когда аул стал исчезать из виду, собака забеспокоилась, отстала. Несколько раз она оглянулась то на аул, то на девочек и побежала обратно.

А вскоре появился на дороге клуб пыли, впереди которого можно было различить двух всадников.

— Наверное, нас догоняют,— сказала Абидат.

— Нет, кто нас будет догонять? Да они и не знают, куда мы пошли.

Но Абидат была права. Всадники оказались братьями девочек. Они бесцеремонно завернули своих сестренок в бурки, бросили поперек седел. Шайтан был тут же. Он радостно махал хвостом, и по всему его виду можно было понять, что он очень доволен.

Дома отец говорил Пашахан:

— Ты позоришь меня перед людьми. Разве ты не знаешь, что девочки не могут учиться? Аллах не велит учиться девочкам. Нельзя идти против воли аллаха!

Пашахан внимательно слушала отца, а через два дня убежала снова — на этот раз уже одна. И снова брат привез ее обратно завернутую в бурку. Тогда она бежала в третий раз, выбрала другую дорогу и уже долго потом не видела родного аула.

...И еще вспоминается. Пашахан сидит на уроке, одна-единственная девочка среди мальчиков. Учитель что-то пишет на доске мелом. Потом он говорит:

— Пашахан, прочитай, что я написал.

— Пы-а-ша-а-хы-а-н, — по слогам разбирает девочка, еще не понимая смысла слова.

— Ну, так что же получилось?

— Па-ша-хан... — В классе смеются, смеется сама Пашахан. Ее личико залила краска радости и смущения. Так она узнала, как выглядит ее имя, если его написать мелом.

...«С 1933 года она работает в обкоме комсомола, заведуя областным бюро юных пионеров...» — сообщает биографическая справка.

А Пашахан видит себя в отдаленном ауле Хабез. Она проводит собрание в школе, а к вечеру ей нужно быть в обкоме: слушается ее отчет. Неожиданно налетел буран. Машины из области, конечно, не будет при такой погоде. Пашахан подумала, подумала, да и пошла пешком. Сырой, тяжелый снег слепил глаза. Ветер пронизывал так, что даже быстрая ходьба по тяжелой дороге не успевала согревать озябшего тела. Пришла прямо в обком, лица на ней нет, еле на ногах держится. Секретарь обкома попросил к себе в кабинет. И досталось же тогда Пашахан!

— Кому нужно это ваше геройство? — строго спрашивал секретарь. — Ваш вопрос мы перенесли. Да если бы и нет, кто, я вас спрашиваю, разрешил вам рисковать жизнью?

Пашахан ничего не могла ответить.

— Идите отдыхать, завтра поговорим...

...«В 1946 году, — слушают присутствующие биографическую справку, — Пашахан Лаказова избирается депутатом Верховного Совета Союза ССР. В эти годы, учась в Высшей партийной школе в Москве, товарищ Лаказова не теряет связи с родной Черкесией и много помогает области в деле восстановления хозяйства, разрушенного войной...»

...Каждый день, приходя с занятий, Пашахан заставала дома много писем. Чаще всего они были от председателей колхозов и директоров МТС. Бóльшую часть письма, как правило, занимал отчет: зяби вспахано столько-то, кукурузы уродилось столько-то, на трудодень будет выдано столько-то. Потом колхозники делились планами. И лишь после всего этого шли просьбы. Чего только не было в этих просьбах! Там были и тракторы, и тепловые двигатели, и учебники, и клапаны, и шестеренки конические, и сердцевина радиатора, и комбайны, и флянцы.

И Пашахан шла то в Министерство сельского хозяйства, то в Глававтотракторсбыт, то в Центросоюз.

А в 1948 году ей пришлось пойти в Совет Министров Союза ССР. Сама Пашахан рассказывает об этом так:

«Накопились у меня вопросы, которые в министерствах решить было почти невозможно. Я подумала, подумала и записалась на прием к заместителю председателя Совета Министров. С личной просьбой, пожалуй, не решилась бы беспокоить, но тут, понимаете, дело касалось всей Черкесии. Было это в апреле. Погода весенняя, Москва солнцем залита. Я волновалась...

Позвонили мне утром, что сегодня меня примут. Я сразу на телефон, связалась с краем, с областью. Кричу им в трубку, что сегодня буду в Совете Министров, может, нужно еще чего, так заодно уж. Из края говорят: передайте, что прошла черная буря, серьезный урон краю. А из области сена просят. Я записала все, а сама думаю: какое уж тут сено!

И вот я в приемной. Народу много, народ все большой. Ну, думаю, долго мне ждать придется. Присела на стул, жду. Правду говоря, и присесть не успела, слышу: меня называют. Я тогда не поняла, почему меня первую вызвали. Потом уж сообразила, что не мне это, а моему маленькому черкесскому народу предпочтение.

Дверь кожаная, тяжелая. Вхожу, навстречу мне из-за стола выходит заместитель председателя Совета Министров. Руку пожал, крепко так, проводил к столу, сам сел.

— Как у вас с учебой дела, товарищ Лака́зова? Ударение правильно я делаю?

— Правильно,— отвечаю,— спасибо, с учебой у меня все в порядке.

— Много ль черкесов в Москве учится? Область свою вы хорошо знаете?

А как мне область не знать? Я все же и в обкоме и в крайкоме работала. Начала ему рассказывать, и так мне свободно, легко сделалось, как будто давно-давно знакомы. Чего он только у меня не спросил! И много ли женщин на руководящей работе занято, и сколько колхозники на трудодень получают, и много ли черкешенок педагогами работают, и в каждом ли колхозе клуб есть. О колхозе речь зайдет — спросит фамилию председателя, о районе — секретаря райкома. О Икон-Халковской МТС речь зашла — он спросил, что значит Икон-Халк. Ну, я ответила, конечно, что это по-ногайски, а означает «большое село». Про черную бурю сказала.

— Про эту бурю я знаю. Только не так уж этот черт страшен, как его там у вас малюют.

После паузы он сказал:

— Ну, я вас слушаю.

Изложила я ему все свои просьбы. Не свои, конечно,— народные. Не успела оглянуться — комиссия собралась, человек пять или шесть, теперь не помню.

— Вот товарищ Лаказова, — обратился к ним заместитель председателя,— как депутат Верховного Совета просит помочь Черкесской автономной области. У них после войны многого не хватает.

Один из присутствующих сразу блокнот раскрыл: «На Ставропольский край у нас отпущено...»

Эх, думаю, была не была! Осмелилась, перебила говорящего.

— За счет края,— говорю,— мы все, что можно, уже получили. Сверх того не хватает.

— Да, — поддержал меня заместитель председателя, — я думаю, мы поможем Черкесии особо. Пишите...

Это в рассказе быстро получается, а я ведь с ним полтора часа беседовала...»

—...Есть ли вопросы к товарищу Лаказовой? — спросил академик Греков.

Профессор Нечкина задала вопрос:

— Сколько женщин-черкешенок имеют ученые степени?

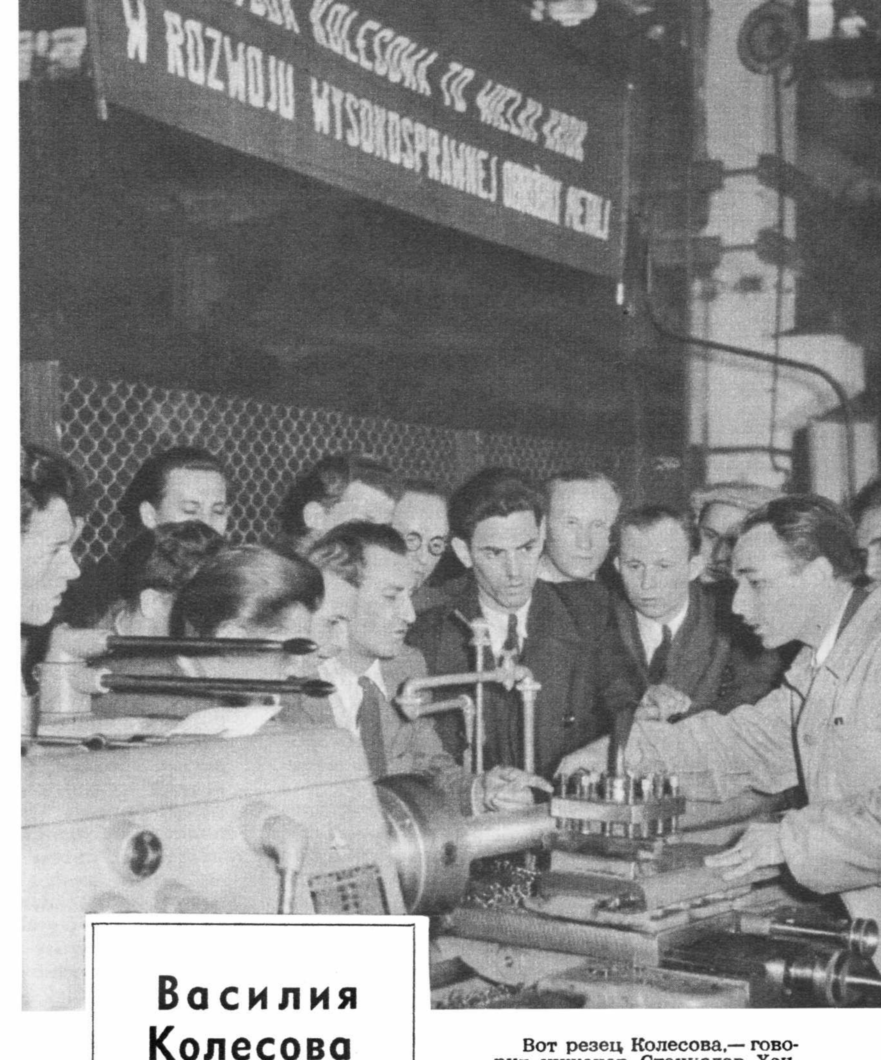
— Пока ни одной.

Потом Пашахан начала говорить. Излагая основные положения своей диссертации, она нарисовала две непохожие друг на друга картины. Темную, совершенно неграмотную, забитую Черкесию — окраину царской России. Черкесию, народ которой не имел своей письменности, в которой женщины не имели права учиться, Черкесию с вековыми предрассудками, с безысходной нищетой. И другую — новую, социалистическую Черкесию с десятками школ, с институтами, с замечательными колхозными клубами, со своей печатью, литературой, своими педагогами, агрономами, врачами.

Диссертантка с цифрами и фактами в руках показала те коренные изменения, которые произошли с народами, населяющими Черкесию, на протяжении ее же, Пашахан, жизни. Она выступала и как ученый, проделавший огромную работу по сбору материала, по его систематизации и обобщению. Она выступала также и как очевидец, мало того, — как активный участник этих коренных преобразований.

Тайным голосованием Ученого совета Лаказовой Пашахан была присуждена ученая степень кандидата исторических наук — первая ученая степень в истории черкесского народа.

...Москвичи, проходившие мимо Академии общественных наук, конечно, не знали, что там произошло это событие, обыкновенное для Москвы и знаменательное для общего поступательного движения нашей Родины.

Вот резец Колесова,— говорит инженер Станислав Хеннель участникам курсов на варшавском заводе «Урсус».

Василия Колесова знают в Польше

Куйбышевский токарь Василий Колесов, впервые предложив свой резец, отличный от других, наверно, и не предполагал, что его работа вызовет интерес почти на всех предприятиях Польши.

Тут немалую роль сыграла польская печать. На страницах газет было не только подробно рассказано о том, что сделал советский токарь-новатор, но и даны довольно точные геометрические расчеты и чертежи.

Когда на варшавском тракторном заводе «Урсус» рабочие прочитали газету, они сказали:

— Многое мы применяли у себя из опыта советских людей, и получалось хорошо. Попробуем сделать и резец Колесова.

Времени не стали зря тратить. Под руководством инженеров Стефана Розпендека и Станислава Хеннеля инструментальщики сделали резец. Однажды токарь Казимеж Сеха на обыкновенном токарном станке стал обтачивать новым резцом валик коробки скоростей. Его окружили рабочие и, затаив дыхание, смотрели, как резец снимает стружку. Вскоре Казимеж Сеха остановил станок, улыбнулся и, передавая деталь инженеру, спросил:

— Сколько минут я работал?

— Всего одну минуту,— ответил тот, показывая секундомер.

В цехе зашумели. Не верилось! Ведь эту же самую деталь обтачивали за семь минут. А тут...

— В семь раз быстрее! Не может быть!..

— Сами видите,— сказал инженер.— И я вам скажу, что это еще не последнее слово.

Прошло немногим больше месяца. Спросите на любом заводе страны: кто знает резец Колесова? Поднимутся десятки рук, а многие позовут вас к своим станкам и здесь покажут, какие «чудеса» они творят теперь.

В Польше резцу Колесова дали высокую оценку. В нем увидели тот рычаг, которым можно поднять на новую высоту производительность труда.

На тракторном заводе «Урсус» состоялись трехдневные курсы для 70 передовых токарей и инструментальщиков Польши. Здесь учились делать резцы Колесова и работать ими передовики труда с Вроцлавского вагоностроительного завода, Познанского машиностроительного завода имени И. В. Сталина, Варшавского автозавода и других предприятий страны. Руководили занятиями ученые, инженеры и техники. Такую же школу создали на Вроцлавском заводе, где обучалось более ста передовиков труда крупнейших предприятий металлообрабатывающей промышленности Нижней Силезии. Нижнесилезский токарь Францишек Цебжинский в первый же день, применив резец советского новатора, выполнил норму на 406 процентов.

В Кракове состоялось воеводское совещание ста лучших токарей. В нем участвовали также ученые древней польской столицы.

— Мы используем резец Колесова у себя,— заявил передовик труда Паровозостроительного завода имени Дзержинского Мечислав Ракочи.— Наши рабочие с успехом применяют советские методы труда. Имена Ковалева, Жандаровой нам хорошо знакомы. Резец Колесова тоже принесет большую пользу.

— Большое, важное дело сделал Колесов,— говорил мне токарь с завода «Урсус».— Но особенно дорого, что он поделился своим методом не только с советскими людьми, но и с нами, поляками.

— А как же иначе, товарищ?

— Вот именно! — улыбнулся токарь.— Иначе и быть не может. Советский народ — наш старший брат. Он помогает нам. У нас дружба навеки!

Мих. ЯРОВОЙ

Варшава.

АГРОНОМ

З. ХИРЕН

1

Дождь не переставал с самого Львова. Из окна вагона было видно, как потоки воды безжалостно расправляются с высокими зрелыми хлебами, яростно хлещут их, минут. Затем ударил град... Где-то возле Дрогобыча огромная черная туча, перевалив через Карпаты, закрыла почти все небо.

— Пошла к нам, в Берегово,— сказал агроном Григорий Алексеевич Тищенко и со вздохом отодвинулся от окна, но вскоре вновь прильнул к нему.

То, что он видел, ничего хорошего не предвещало. Поникли к земле кустарники, окаймлявшие поля, беспомощно повисли лапы молодых елок. На проселочной дороге застрял комбайн. Со сбившегося у него набок брезентового тента струилась ржавая вода.

Заглушая монотонный стук колес, град бил по стеклам, по крыше вагона, и лишь когда поезд скрывался в гулком туннеле, «пальба» на время сменялась густым грохотом.

Кончились горы, леса, бурные реки. Позади остались туннели. Поезд входил в долину. Скоро Берегово. Тищенко преследовали все те же хмурые картины. Погода не улучшалась. Какая-то женщина, набросив на плечи черную мохнатую накидку, похожую на кавалерийскую бурку, остановилась посреди поля. Защищая одной рукой лицо от града, другой она старалась приподнять с земли полегшие колосья. В чьем-то доме зажглась и тотчас же погасла электрическая лампочка, но в глазах еще долго после этого оставалось ощущение желтого света. Большое стадо черных овец теснилось вокруг старенького пастуха.

— Что-то там, дома? — вслух произнес Тищенко и, поднявшись с дивана, нервно зашагал по узкому коридору вагона.

Огромная черная туча, перевалившая через Карпаты, действительно достигла Берегова.

Приехав домой и узнав, что большая часть колхозного урожая побита градом, Григорий Алексеевич бросился в поле.

Он знал тут каждую былинку. Сейчас под ногами хлюпала вода. Все перемешалось, потускнело, стало мертвым. Трудно было представить, что буквально несколько дней тому назад здесь стояла жара, гуляли пыльные ветры, волновалось море пшеницы.

Поднимая с земли мокрые колосья, Григорий Алексеевич подолгу держал их перед глазами, словно стараясь узнать, при каких обстоятельствах бедняги попали в беду.

Второй год заведовал Тищенко в Берегове сортоиспытательным участком. Хозяйство его занимало небольшую площадь, всего каких-нибудь сто гектаров, но имело большое значение для всего округа. На его опыте решалось, какие семена продвигать на колхозные нивы.

Незадолго до поездки во Львов на совещание Григорий Алексеевич устроил смотр своим «войскам». Забравшись в чащу пшеницы, он перебирал колос за колосом. Была у него манера, оказавшись наедине с ними, вслух размышлять, спорить, смеяться. В такие минуты он был мало похож на сельского активиста-общественника, и скорее можно было подумать, что это нелюдим-отшельник ползает по полю. Вокруг никого нет, а он все беседует и беседует со своими питомцами, будто они могут заменить ему людей.

Один сорт Тищенко хвалил, о другом говорил с горечью, третий подбадривал...

— Важная получилась пшеничка, — говорил он, глядя на колос,— ничего не скажешь, но почему, разрешите вас спросить, соседка ваша такая худющая?

— О! — восклицал он, когда видел что-то особенно хорошее.— А не пустить ли тебя, голубушка, на всю закарпатскую землю?

Выйдя из чащи, он еще долго смотрел на волнующееся море колосьев. Урожай обещал быть хорошим. Кто знал в те минуты, что через несколько дней произойдет несчастье?..

Тищенко прикидывал тогда, с каких участков взять снопы, которые осенью можно будет демонстрировать на районной выставке.

Для него, да и для всех колхозников, наступала тогда самая радостная пора. Приближался праздник. Обычно повсюду в этих краях празднуют день винограда. По вечерам в сельских клубах танцуют, поют, играют. Под потолок прибивают большую пятиконечную звезду из тонких реек, а с нее свисают тяжелые гроздья винограда. Кавалер должен незаметно сорвать оттуда веточку для своей дамы. Сделать это не просто: скамейки не подставишь, а прыгать начнешь, чтобы ветку достать, «сторож» заметит и сразу оштрафует на бутыль вина. Такое правило. Но штраф никого не останавливает. Все прыгают, смеются, срывают ветки и расплачиваются бутылями в плетеных корзинах, кувшинами, а то и целыми бочоночками вина. На то и праздник!

Еще с лета Григорий Алексеевич обычно хранил для праздника самые красивые снопы, пучки трав, ящички с новым зерном, с мукой. Однажды он испек целую сотню «пробных» булочек. Хотелось, чтобы колхозники узнали вкус хлеба из выпестованных им сортовых семян.

Дома приготовление булочек вылилось в целое событие. К тесту он никого не подпускал, смотрел то на термометр, то на часы, что-то подсчитывал, записывал. Главное, о чем он заботился,— не смешать один сорт с другим. Жена, Галина Ивановна, тоже агроном, смеялась:

— Гриша, у тебя получатся не булки, а сложные химические формулы.

Булки, кажется, удались. Но что скажет народ? Тищенко не отходил от гостей. Тут были председатели колхозов, бригадиры — народ бывалый, опытный. Вокруг было шумно, весело. Одни, высыпав зерно на ладонь, говорили:

— Прямо не зерно, а целые горошины...

— Зернышко в зернышко...

Другие, поднеся ко рту щепотку муки, подолгу, как истые дегустаторы, причмокивали губами. Наконец очередь дошла до булочек. Они всем понравились.

— Двадцать четыре центнера с гектара. Маловато, конечно,—оправдывался Григорий Алексеевич, но тут же спрашивал: — А на вкус как?

Хотя Тищенко и жаловался, что двадцать четыре центнера маловато, но такого урожая пока никому здесь не приходилось снимать. Тищенко подробно рассказывал, что́ он предпринял, давал советы. Ему крепко пожимали руку, а кое-кто из повеселевших старичков, расправив усы, лез целоваться. Окруженный всеми этими людьми, агроном был по-настоящему счастлив. Хотелось шутить, смеяться, рассказывать что-нибудь необыкновенное.

И вот он объявляет, что собирается написать в Москву про замечательную историю: как советская агробиология на любовь повлияла.

Все, конечно, громко смеются, не верят, а Тищенко в ударе, не отступает... Темнокаштановые, чуть рыжеватые волосы падают на глаза, галстук сбился...

— Не верите? — горячится он.— Не верите? И начинает рассказ:

— По фамилиям людей называть не буду, но вы их знаете. Работал на участке старик один, инвалид первой мировой войны. У него было три сына, один в одного, рослые, красивые, ну, просто витязи, богатыри. Ребята уже в годах, пора бы жениться, а все холостяки. Как же так? Дело это было еще до колхозов. Причина оказалась простая: никто не решался выдавать за них дочерей. Беднее тех хлопцев на селе никого не было. Старший из них влюбился. И девушка как будто не прочь была стать его женой. Но узнал о том ее отец, человек богатый, и все кончилось: запретил встречаться. Время шло. В первое же артельное лето братья заработали семьдесят центнеров той самой пшеницы, которую все здесь на выставке смотрели, шесть тысяч литров вина, мясо, овощи, денег тоже немало... Отец девушки передумал, даже сам сватом заделался, дня не проходит, чтобы старичка-инвалида не навестил. Вот вам и влияние...

Все тогда дружно хохотали, сразу угадав, о ком шла речь.

...И вот, град испортил близкий праздник.

Небо стало очищаться от туч, мгла рассеялась, а Тищенко все шагал и шагал по полям. Когда посветлело, последствия градобоя еще отчетливее выступили наружу. Пострадали не только хлеба, но и сады, виноградники.

Лишь посреди пустыря, где никто никогда ничего не сеял, стояло одинокое ореховое дерево. Оно осталось невредимым, будто град смилостивился над ним и прошел мимо.

Не раз говорил колхозникам Тищенко, указывая на это дерево: «Смотрите, какое оно могучее, а землю, на которой оно выросло, вы почему-то записали в бросовые».

Долго ходил весь измокший Тищенко по полям. Но вот он остановился, постоял с минуту и потом, круто повернувшись, пошел в селение. Вскоре он был уже в окружкоме партии.

2

Колхозники были рады принять в свою семью такого человека, как Григорий Алексеевич Тищенко. Они хорошо знали его. Сортоиспытательный участок все это время находился на территории их артели, и они видели, как Тищенко трудится. Им нравилось, что агроном не брезгует черной работой, в поле приходит рано, а уходит позднее всех.

Избрание председателем колхоза агронома Григория Алексеевича Тищенко совпало с укрупнением колхозов. Теперь ему приходилось думать не о ста гектарах сортоучастка, а о нескольких тысячах гектаров посевных площадей колхоза имени Калинина. Недавно он руководил небольшой горсточкой людей, помогавших ему в сортоиспытании, а сейчас возглавлял огромную колхозную семью. По сравнению с артелью сортоучасток выглядел тихой пристанью. Тищенко рад был, что от этой «тихой пристани» вышел на широкий простор.

Неожиданно для себя Тищенко столкнулся сразу с человеком, который был огорчен переменой, происшедшей в его жизни. Этим человеком была его жена Галина Ивановна. Решение мужа казалось ей легкомысленным. Она прямо так и сказала:

— Ничего умнее ты не мог придумать, как променять научную работу на «дядьковскую должность»! Председателем колхоза может быть любой грамотный колхозник, а вот руководить сортоиспытанием не всякий агроном сумеет. Я согласна: колхозу надо помочь после градобоя, но не бросать же из-за этого научную деятельность!

Тищенко безуспешно пробовал переубедить жену и, когда увидел, что его доводы не действуют, всердцах признался, что, если б колхоз и не попал в беду, все равно он туда ушел бы.

Семейный конфликт был, однако, мелочью по сравнению с тем, что разгорелось на партийном собрании колхоза, а затем и на правлении. Тут у Тищенко объявился более серьезный противник. Планы нового председателя подверглись жестокой критике.

Развернув карту, Григорий Алексеевич объяснил, что теперь, после укрупнения, в колхозе набралось более трехсот гектаров бросовых земель. При небольших затратах можно их превратить в плодородные. Он предлагал немедленно начать их освоение. Предложение сразу взяться за освоение этих земель, когда колхоз не оправился от градобоя, показалось кое-кому нереальным, надуманным.

Слово взял Антон Петер, худой высокий старик. До укрупнения он был парторгом артели имени Шевченко. Сын его Федор там председательствовал.

— Не с того конца за дело беретесь,— на-

чал сразу же, как всегда горячо и страстно, Антон Петер, нервно моргая глазами.— Земли у нас в колхозе избыток, незачем с болотом возиться. Болото — оно и останется болотом. Квакали в нем лягушки и будут квакать. Сейчас о другом следует подумать. Колхоз пострадал от градобития... Кредиты — вот что нам надо, деньжат раздобыть. Конечно, вы человек приезжий, приехали и уехали, вам красивые проекты нужны, а нам тут жить — и завтра, и сегодня.

Земля, о которой говорил старик, действительно имела неприглядный вид. Гнилое место. Не то, что растения, но и люди, казалось, никнут от пронизывающей сырости, которая никогда там не исчезала. Все это Тищенко знал и, однако, горячо отстаивал свою точку зрения.

— Бросовые земли — это наш позор,— сказал Григорий Алексеевич.— Они мешают правильному землепользованию, вынуждают трактористов делать большие объезды, зря тратить время и горючее. И дело не только в этом. Вы разве не знаете, что у нас в долине нет ни естественных сенокосов, ни хороших выпасов? Сколько затрачивается средств на то, чтоб выгнать скот летом на горные пастбища? Мы хотим, чтобы коровы давали нам зимой такие же высокие удои, как и летом. Разве можно этого добиться без хорошей кормовой базы?

— Это чтоб и волки и овцы были сыты,— сгоряча спутав пословицу, перебил нового председателя Антон Петер.

— Потише, Антон,— одернули его товарищи.

Тищенко спокойно ответил:

— Волков у нас нет, а вот овцы действительно будут сыты, и не только овцы, но и коровы, волы, лошади, свиньи...

Домой Григорий Алексеевич вернулся с тяжелым сердцем. Он чувствовал, что не один Антон Петер против его плана, что есть и еще противники. Они, правда, пока молчат. Но это значит, не будет настоящей поддержки. Хотелось с кем-нибудь посоветоваться. Галине Ивановне рассказать? Но ведь и она, по существу, против него. Вместо разговора по душам вышел глупый спор о квартире.

Все это время Тищенко жил в городе, семья большая, дети учатся, тесно... Давно уже собирались они переехать, но все откладывали.

— Переедем,— заявил Тищенко жене,— но только в колхоз, построим себе там хату.

— Ты что? — удивилась она.

— А как же? Что же, по-твоему, меня на один день председателем избрали?!

Как и предполагал Тищенко, оказались у него противники и на заседании правления и на общем собрании. И все из-за тех же бросовых земель. Правда, противники не такие упрямые, как Антон Петер. Одни предлагали использовать земли под выпасы, другие говорили, что освоить, конечно, можно, но не сразу, гектаров бы десять — пятнадцать поначалу...

Григорий Алексеевич стал было задумываться: не поторопился ли он? Может быть, действительно, стоило подождать? Однако сомнения эти вскоре рассеялись. Большинство колхозников стало на его сторону. Все увидели, что одновременно с разговорами об освоении земель новый председатель приступил к строительству ферм, конюшен, силосных башен.

Старый коммунист бригадир Балог, когда Тищенко поделился с ним своими сомнениями, ответил твердо:

— Нет, не дело говорит Антон Петер.

3

Вновь освоенные земли позволили расширить посевы многолетних трав, а затем там перебывали кукуруза, табак, пшеница. Прежде, когда Григорий Алексеевич еще работал на сортоучастке, он всегда жалел о том, что так ограничен в площади. Теперь настало другое время. Все достижения науки он имел возможность применять на огромных пространствах. Конечно, все это давалось нелегко. Зато результаты превзошли все ожидания. Урожай пшеницы увеличился в артели на девять тысяч центнеров. Уже одна эта цифра многое меняла. На каждом шагу было множество поводов для широкого применения знаний.

Путем промежуточных посевов удалось увеличить запасы кормов. Посеет овес, а поперек — суданку, кукурузу с тыквой, кукурузу с турнепсом. Кормовые бригады, считавшиеся прежде в артели самыми отсталыми, стали передовыми. Они снимали по два урожая в год и получали больше всех дополнительной оплаты.

О градобое все забыли. Потери, понесенные от него, теперь казались ничтожными. Денежный доход колхоза достиг четырех миллионов рублей.

Несмотря на все это, Антон Петер все еще продолжал упорствовать. Его стали называть старым упрямцем.

— Гордость, что ли, заела его? — спрашивали колхозники. — Никак, наверно, не смирится, что не его Федор теперь председатель...

Тищенко не согласен был с теми, кто так думал. По его мнению, старик просто не понял всего нового, что произошло за это время у них в колхозе.

А изменений действительно было много. Настало время, когда на партийных собраниях простые колхозники начали выступать с научными докладами. Тищенко перенес опыт сортоиспытания на колхозные поля. Теперь у него было много помощников. Сами колхозники наблюдали за многими участками, вели записи, вносили предложения, сообщали товарищам свои выводы. Никогда крестьяне так не интересовались сельскохозяйственной литературой, как сейчас. В агротехнические группы, которыми руководил председатель, пошла не только молодежь. «Первыми учениками» там стали пожилые люди.

И в семье у Тищенко произошли перемены: теперь вся семья жила в колхозе, в новом доме; Галина Ивановна работала попрежнему на сортоучастке и заочно училась в сельскохозяйственном институте.

Однажды Григорий Алексеевич решил пошутить, пришел домой и сказал:

— Галя, знаешь, мне предложили сдать председательские дела.

— Как? — взволновалась жена.— Этого быть не может!

— Представь себе!

— Но ведь ты столько работал! Собирался писать диссертацию...

— Какая там диссертация,— махнул рукой Тищенко, но тут же увидел, что зашел слишком далеко: жена заплакала. Пришлось сознаться: он просто пошутил, хотел узнать, придерживается ли она еще старого мнения о председателях.

А диссертацию он готовил. Посвящалась она созданию прочной и устойчивой кормовой базы для общественного животноводства в условиях Закарпатья и юга Украины.

Вскоре он убедился, что этой проблемой интересуются не только на Украине.

Приехали как-то к ним в колхоз гости из Венгрии. Венгрия тут рукой подать. Так вот, знакомят колхозные экскурсоводы гостей с хозяйством. Показывают им фермы, виноградники, зернохранилища, силосные башни и все время повторяют:

— Это еще не все...

И это действительно так: колхоз огромный, многоотраслевой. Все разве покажешь сразу?!

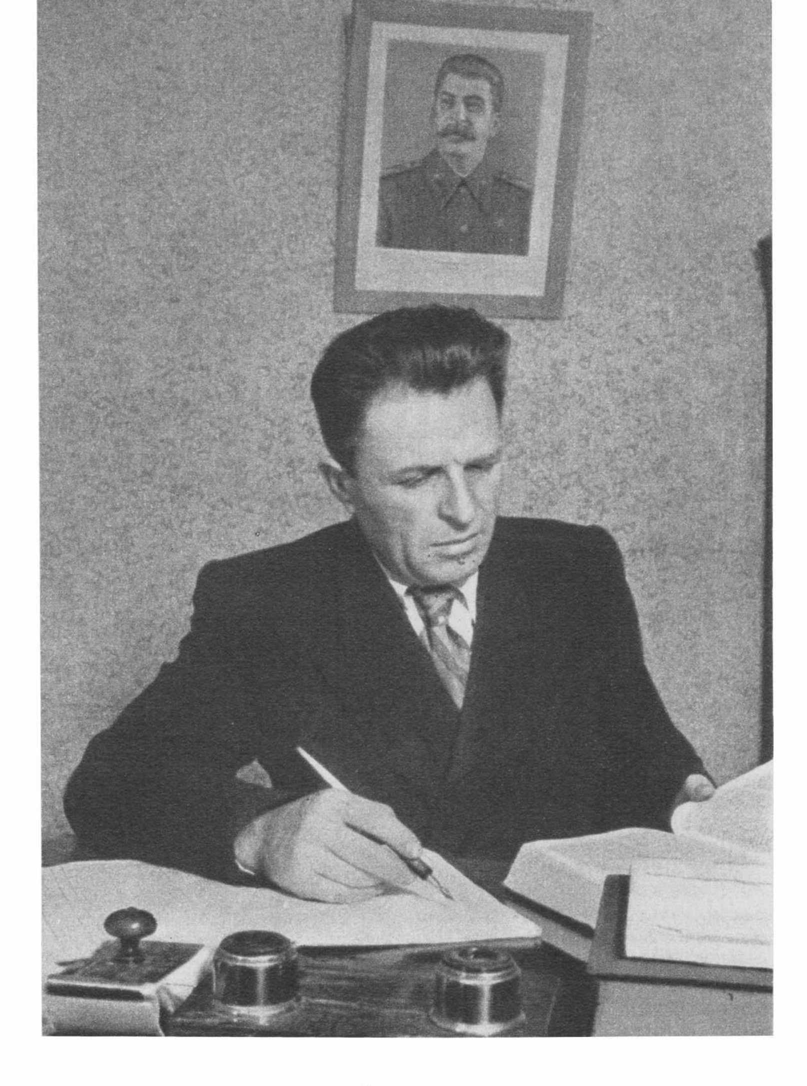
В колхозной библиотеке гости заинтересовались брошюрой, написанной Григорием Алексеевичем. Прочитали и говорят:

— А ведь и у нас в Венгрии можно было бы это применить...

А им в ответ опять говорят:

— Это еще не все...

— Не все? — удивляются венгры.

Григорий Алексеевич Тищенко.

— Ореха не видели? — отвечают им экскурсоводы.

Так называются теперь в колхозе те нивы, где некогда стояло одинокое ореховое дерево.

Посмотрели гости эти нивы, и им опять говорят:

— Это еще не все.

— А что же еще?

— Наш председатель пишет научный труд о кормах. Вот там можно будет многое почерпнуть.

На прощание один венгерский крестьянин сказал:

— Когда к вам приедут другие экскурсии, если они даже увидят больше нашего, все, что у вас есть, все равно обязательно скажите: «Это еще не все». Пусть посмотрят туда,— и крестьянин вытянул руку в сторону родной Венгрии.— Все, что мы увидели у вас, будет скоро и у нас. Когда все у себя покажете, скажите, чтобы продолжение приезжали смотреть к нам в Венгрию!

Антон Петер, как и другие, принимал участие в проводах гостей и в ответ на приглашение молча улыбнулся.

Как же он? Все еще упрямится?..

Недавно в Берегове происходило отчетно-выборное собрание. Председательствовал на нем старый Балог, мудрый человек. И вот наступает ответственный момент выдвижения кандидатуры на пост председателя колхоза. Поднимается лес рук. Балог не торопится, долго никому слова не дает. Все в зал смотрит, кого-то отыскивает. Наконец, заметив, что и Антон Петер поднял руку, обращается к нему:

— Товарищ Антон Петер, вам слово...

Антон поднимается со своего места. Вместе с ним встают чуть ли не все присутствующие и оборачиваются к нему. Что он скажет? Чью кандидатуру выдвинет?

Антон Петер, заметно волнуясь, произносит:

— Я предлагаю вновь избрать председателем нашего колхоза агронома Григория Алексеевича Тищенко, как коммуниста, оправдавшего наше доверие.

Раздались дружные аплодисменты. Потом еще долго слышно было: «Молодец Антон Петер!»

ДЕНЬ ФРАНЦУЗСКИХ КОММУНИСТОВ

Почему пять миллионов французов голосуют за Французскую коммунистическую партию на выборах, оказывая ей неизменное доверие и поддержку?

Этот вопрос ставит в одном из своих номеров прогрессивный журнал «Регар». Журнал отвечает серией фотодокументов, отображающих будни низовых партийных организаций ФКП. На шахте, в деревне — всюду, где только ведет свою работу Французская компартия, она действует как партия рабочего класса, как последовательный борец за права и интересы всех трудящихся, как знаменосец национальной независимости, свободы и процветания Франции. Вот почему миллионы простых французов любят партию коммунистов, верят ей, идут за ней в борьбе за мир, за лучшее будущее родины.

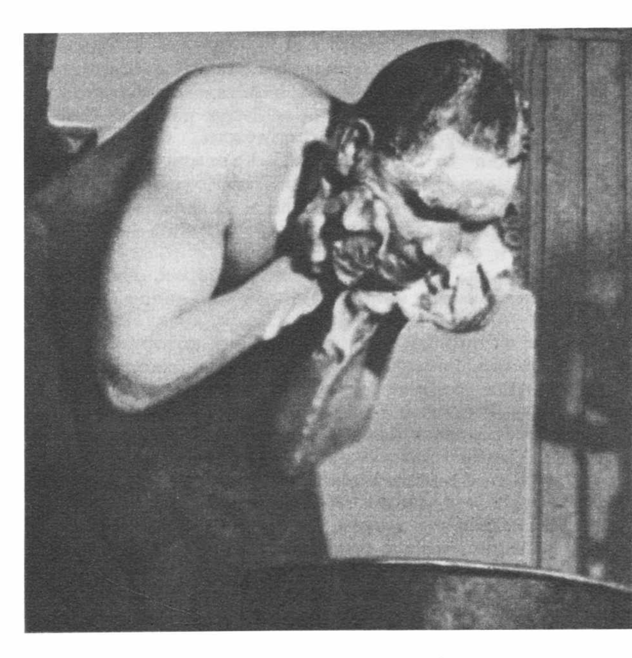
Ниже печатается часть фотографий, помещенных в журнале «Регар» незадолго до последних муниципальных выборов, на которых ФКП достигла нового успеха.

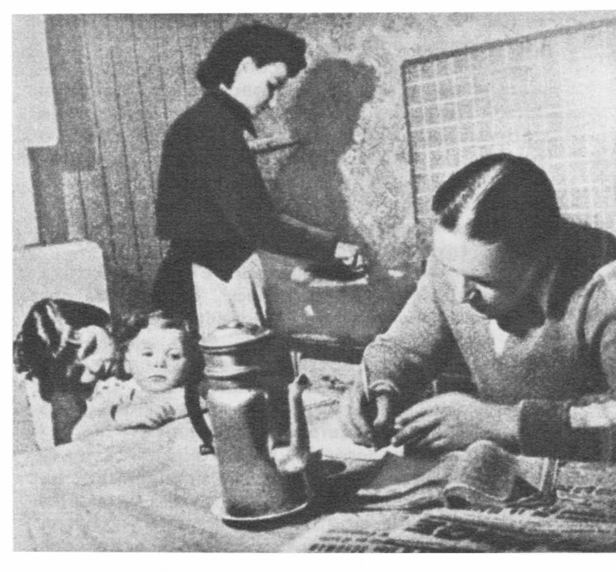
1 Утренняя смена третьей шахты Ошель только что поднялась наверх. Сдал каску и инструмент забойщик Жорж Пулэн, секретарь шахтной ячейки компартии. Вместе с товарищами он (на снимке — второй слева) раздает шахтерам листовки с призывом протестовать против провокационных арестов деятелей Всеобщей конфедерации труда и руководящих работников коммунистической партии.

2 Главное — живая связь с массами. На шахте много беспартийных рабочих, немало состоящих в социалистической партии. Надо разъяснять суть событий, иногда поспорить, разубедить, доказать. Это дает хорошие плоды: горняки «черной страны» (угольные районы Севера и Па де Кале) не раз единым фронтом давали отпор заговору реакционеров против демократии.

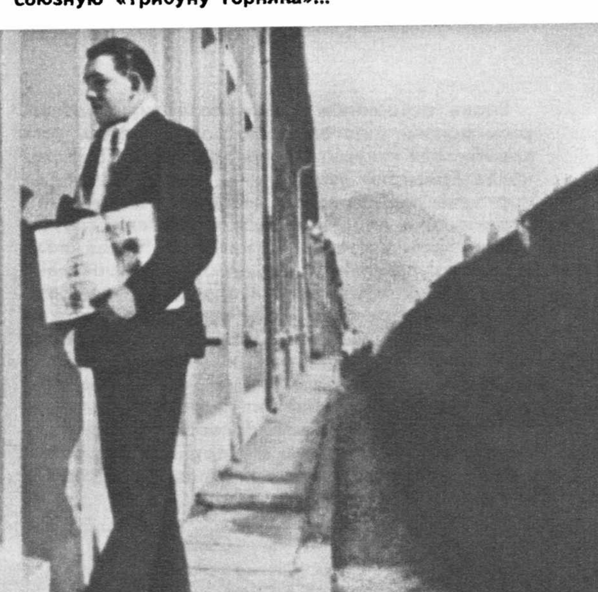

3 Наконец он дома. Как и любой из «гёль нуар» («черномазые» — дружеское прозвище шахтеров), Жорж находит большое удовольствие в умывании на кухне. Хорошо отмыть угольную пыль и вновь обрести облик тридцатипятилетнего видного мужчины с энергичными, волевыми чертами лица!

4 Обед окончен, кофе выпит. Двум дочуркам отдано все, что им причитается,— отеческая ласка, шумливая игра, несколько фантастических историй. Теперь опять за дело: вечером предстоит общее собрание ячейки, надо готовиться, выписать некоторые места из книги Тореза «Сын народа». И еще — замечательные слова Сталина о том, что при социализме целью производства является человек и удовлетворение его потребностей...

5 Но еще до собрания надо выполнить первейший долг коммуниста: распространить несколько экземпляров партийных газет и журналов. От двери к двери обходит Жорж Пулэн поселок, предлагая местную коммунистическую газету «Либертэ» или профсоюзную «Трибуну горняка»...

6 Их собирается тридцать человек, коммунистов шахты. Избран президиум (слева направо: Бенуа Оффруа, потомственный шахтер, член департаментского комитета компартии, забойщик Эли Сюшэ, активный партийный работник, и Жорж Пулэн, секретарь ячейки). Вопросов много, их обсуждают горячо, спорят, взвешивают «за» и «против», потом приходят к единодушному решению. Решения и призывы партийного собрания найдут отражение в газете ячейки — «Единство», печатаемой на ротаторе в 1 500 экземплярах.

— В «Юма» («Юманите») объявлен всенародный сбор средств в фонд нашей избирательной кампании на муниципальных выборах,— говорит Оффруа.— Надо браться за дело, ребята...

9 У калитки одного из соседских домиков встречаются после «обхода» Бенуа Оффруа, Жорж Пулэн и старший сын Бенуа, Луи, развозивший на велосипеде литературу по окрестным шахтам и деревням. Кстати сказать, Луи — боевой коммунист, он выдержал уже одну подземную забастовку шахтеров, длившуюся целый месяц.

Кончается день. Теперь можно и поболтать. Веселые и меткие шахтерские шутки, непринужденный смех. Все трое дружески «берут в работу» соседку Шанталь: она еще мало участвует в общественной жизни шахтерского поселка...

7 Все берутся за дело немедленно. Жоржа Пулэна и его товарищей встречают в каждой шахтерской семье дружеской улыбкой. «Нам нужен мэр-коммунист!» — говорят домохозяйки... И каждая шахтерская семья вносит трудовые франки в выборный фонд единства рабочего класса.

10 И вот наступает новый рабочий день. Пять часов двадцать минут утра. Бенуа Оффруа отправляется в шахту. Ежедневное прощание шахтера с женой освящено старым горняцким обычаем.

Коммунист Бенуа Оффруа — живой носитель традиций быта и политической борьбы шахтеров Севера. Когда кто-нибудь из приезжих спрашивает его, кто он по происхождению, Бенуа отвечает:

— Сын и внук шахтера.— И с гордостью добавляет:— Как Морис Торез!..

8 Бенуа Оффруа делает свой собственный «обход» домов поселка,— тоже с пачкой «Либертэ» и журналом «Франс нувелль» подмышкой и, главное, с задушевным разговором о тяжелом житье, о чаяниях людей «черной страны», об их борьбе за лучшее будущее. Бенуа принимают всюду, как своего, его знают как коммуниста и члена муниципального совета, твердого защитника интересов шахтеров. Беседа в доме какого-нибудь инвалида — бывшего забойщика — у чугунной печки, где готовится небогатый обед, затягивается иногда надолго...

11 С каждым годом растет влияние коммунистической партии среди масс французского крестьянства. Для крестьян коммунистическая партия издает газету «Ля терр» («Земля»). Сельские коммунисты в поле, во время полевых работ, через газету «Ля терр» знакомят земляков с политикой компартии в крестьянском вопросе.

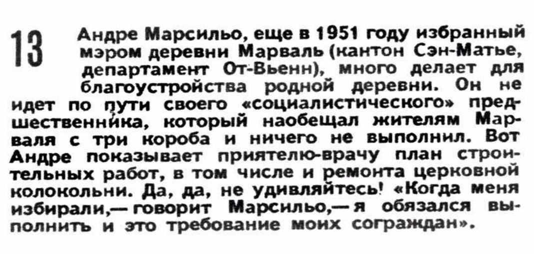

12 Трудовой крестьянин, арендатор, батрак знают, что программа компартии есть также программа подъема благосостояния земледельца, защиты его прав.

Обо всем этом рассказывает плакат, который вывешивают сейчас на улице деревни секретарь и казначей местной сельской ячейки компартии.

14 На выборах 1952 года Андре снова получил значительное большинство голосов, несмотря на грязные, жульнические ухищрения местного «социалистического» депутата Ле Байля, ярого врага трудящихся. Победа коммуниста Андре Марсильо была результатом искреннего расположения и доверия к нему крестьян всей округи.

Вот он, мэр-коммунист, помогает престарелой вдове распутать узел бюрократической волокиты, завязанный вокруг вопроса об ее пенсии чиновниками в городе.

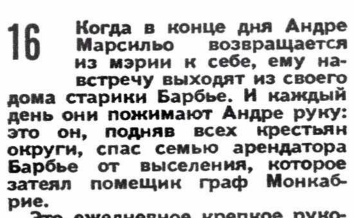

13 Андре Марсильо, еще в 1951 году избранный мэром деревни Марваль (кантон Сэн-Матье, департамент От-Вьенн), много делает для благоустройства родной деревни. Он не идет по пути своего «социалистического» предшественника, который наобещал жителям Марваля с три короба и ничего не выполнил. Вот Андре показывает приятелю-врачу план строительных работ, в том числе и ремонта церковной колокольни. Да, да, не удивляйтесь! «Когда меня избирали,— говорит Марсильо,— я обязался выполнить и это требование моих сограждан».

15 Мэр-коммунист привлек жителей деревни к строительству улучшенных дорог. Работают все по очереди, с большой охотой. С каждым месяцем дорога, покрытая щебнем, удлиняется — к большой радости крестьян, которые ездят в этих местах на быках.

16 Когда в конце дня Андре Марсильо возвращается из мэрии к себе, ему навстречу выходят из своего дома старики Барбье. И каждый день они пожимают Андре руку: это он, подняв всех крестьян округи, спас семью арендатора Барбье от выселения, которое затеял помещик граф Монкабрие.

Это ежедневное крепкое рукопожатие — живой символ растущего с каждым днем доверия французских крестьян к коммунистической партии.

Б. Ф. Федоров. ПОСЛЕ ЛЫЖНОГО ПЕРЕХОДА.

Всесоюзная художественная выставка 1952 года.

«Огонек». 1953.

Л. И. Бродская. СОЛОВЬИНАЯ НОЧЬ.

Всесоюзная художественная выставка 1952 года.

Старший мастер стана «250» завода «Серп и молот» А. А. Иванов поздравляет Н. А. Юничева (справа) с присуждением ему почетного звания лучшего мастера прокатных цехов.

Фото Я. Рюмкина.

Лучший мастер проката

Когда после майских праздников Николай Алексеевич Юничев пришел в цех, к своему прокатному стану, его сразу же обступили товарищи:

— Поздравляем, от души поздравляем!..

В этот день на заводе «Серп и молот» стало известно, что Юничеву, сменному мастеру стана «250», по итогам социалистического соревнования металлургов за первый квартал 1953 года присуждено звание лучшего в Советском Союзе мастера прокатных и трубопрокатных цехов.

Изо дня в день повышает выработку коллектив столичных сталеваров и прокатчиков. Значительно перевыполнив программу четырех месяцев, завод «Серп и молот» дал стране тысячи тонн металла сверх плана, освоив выпуск новых марок.

Около четверти века работает на заводе «Серп и молот» Николай Алексеевич Юничев. Здесь прошел он замечательный путь от чернорабочего до мастера, здесь вступил в ряды Коммунистической партии, здесь заслужил высокую награду — орден Трудового Красного Знамени.

Директивы XIX съезда партии по пятому пятилетнему плану предусматривают увеличение выпуска мелкосортной стали и катанки в 2,1 раза. Металлург-коммунист Юничев активно участвует в претворении этих директив в жизнь. Руководимая им комсомольско-молодежная смена за четыре месяца намного превысила программу выработки высококачественной стальной проволоки.

С. МЕСЯЦЕВ

Запорожские плавильщики в Зестафони

Многообразны дружеские связи между Грузией и братскими республиками Советского Союза. Металлурги молодого города Рустави обмениваются опытом с азербайджанскими металлургами нового города Сумгаит. Издавна соревнуются животноводы Армении с животноводами Грузии. Украинские угольщики не раз приезжали в гости к грузинским шахтерам. Известна давнишняя дружба колхозников Махарадзевского района с украинскими колхозниками на Херсонщине.

Недавно Зестафонский ферросплавный завод имени Л. П. Берия посетила делегация запорожских плавильщиков. В свое время зестафонцы оказали большую помощь запорожским металлургам в восстановлении завода, разрушенного оккупантами, посылали туда различное оборудование. Проработавший несколько лет в Запорожье инженер Ш. Цхакадзе написал в содружестве с украинскими плавильщиками книгу, ставшую пособием по технике выплавки ферросплавов.

Запорожцы, побывав в Зестафони, ознакомились с опытом передового предприятия Грузии, заключили договор на социалистическое соревнование и уехали с твердым намерением еще больше крепить дружбу двух заводов.

И. МЕСХИ

Запорожский плавильщик Н. Краснокутский (слева) и плавильщик Зестафонского завода С. Перадзе.

Фото М. Квирикашвили.

ДУДИНКА—ЧЕХОСЛОВАКИЯ

На Енисейский Север, в заполярный город Дудинку, два года назад пришло письмо из Чехословакии с необычным адресом: «Получить школе, передать одной из девочек 4-го класса».

Заполярные почтовики были поставлены в тупик: в какую же школу передать это письмо, если их в Дудинке несколько, а в каждой несколько четвертых классов?

Письмо доставили в окружной отдел народного образования: пусть там решат, кому его вручить.

Обладателем голубого конверта, окаймленного цветными полосами в тон государственному флагу Чехословацкой Республики, стала пионерская дружина имени Зои Космодемьянской из средней школы № 1.

В тот же день вся школа узнала о содержании письма. Старшая пионервожатая Тамара Малахова зачитывала его на сборах отрядов. Письмо было написано по-русски и, несмотря на краткость, содержало много сведений о жизни чехословацких ребят.

Особенно всем понравилась история появления письма. Об этом сами школьники из города Брно рассказали следующее:

«Дорогие незнакомые друзья! В нашей республике проходит месячник чехословацко-советской дружбы. Вот мы и решили написать к вам в Советский Союз... В нашем 4-м классе «А» средней женской школы шел урок, на который учительница принесла книгу «Енисей, река сибирская». Из нее мы узнали о жизни советских людей Севера. Эта книга нам очень понравилась. Там приложены карты, и мы решили написать в вашу Дудинку...»

Юные полярники немедленно откликнулись на письмо чехословацких ребят. В город Брно в тот же день ушла большая пачка писем; их писали коллективно — по пионерским отрядам, отдельно — и девочки, к которым адресовались школьницы из Брно, и мальчики.

Так установилась крепкая дружба советских ребят с пионерами одной из стран народной демократии.

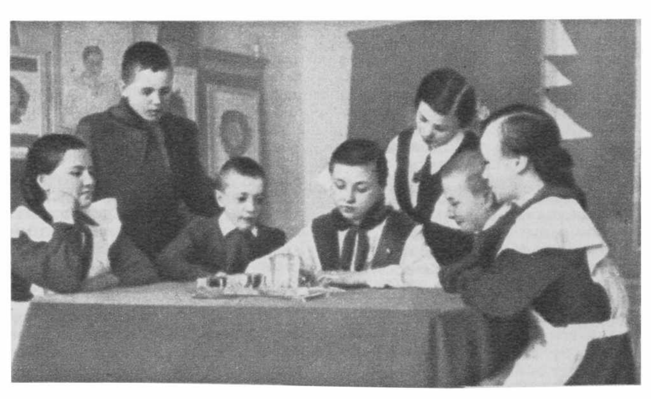
За два года переписки в Заполярье пришло множество писем, и на каждое следовал ответ. Была получена посылка с рукодельными работами.

Дудинцы тоже решили послать в Брно подарки. Ребята сшили из оленьего меха миниатюрную полярную одежду и обувь, которые носят в таймырской тундре ненцы, саха, эвенки и нганасаны, подробно описали жизнь и быт маленьких северных народов, возрожденных советской властью, сделали фотоальбом, знакомящий с природой Заполярья.

Недавно от Эвы Махуровой — одной из чехословацких девочек — пришло новое письмо. В нем она делится своей радостью: ее приняли в союз молодежи, она стала теперь пионервожатой всей гимназии. Эва пишет: «На днях в театре я слушала русскую оперу «Борис Годунов». Читаю русскую классическую и советскую литературу. Мне очень, очень понравились книги ваших писателей «Тарас Бульба» и «Шинель» Н. В. Гоголя, «Как закалялась сталь» Николая Островского, «Повесть о настоящем человеке» Бориса Полевого».

Дудинские школьники не заставили себя долго ждать, они в тот же день послали в Чехословакию ответное письмо.

А. ШЕВЕЛЕВ

Дудинская средняя школа № 1. Школьники пишут чехословацким пионерам.

Фото А. Никонирова.

Самый маленький экскаватор

Из ворот сборочного цеха вышел новый экскаватор. Он покажется карликом, если поставить его рядом с шагающим: в сто раз меньше по весу, в пятьдесят раз — по емкости ковша. И в то же время это универсальная машина.

Самый маленький экскаватор применяется на дорожных работах, в портах, роет котлованы под фундаменты зданий, траншеи для газовых, водопроводных и кабельных магистралей, перегружает сыпучие материалы.

«Карлик» оснащен прямой и обратной лопатами, монтажными кранами. Если после рытья траншеи машину надо использовать для перегрузки сыпучих материалов, то снимается лопата и устанавливается грейфер. А если потребуется, то начинает действовать монтажная стрела, которая поднимает 1 000 килограммов на 19 метров в высоту.

И еще весьма важное новшество в этой универсальной машине, выпускаемой Ленинградским экскаваторным заводом: экскаватор поставлен не на гусеницы, а на колеса. Своим ходом он проходит свыше 10 километров в час.

К. ЧЕРЕВКОВ

На снимке: экскаватор-карлик.

Фото Л. Коровина.

На Крайнем Севере

Весна пришла и на Крайний Север.

Из бухты Тикси редакции «Огонька» сообщают по радио:

— Все длиннее становятся дни. На смену долгой полярной ночи пришли короткие сумерки. А скоро и их не станет, круглые сутки будет светить незаходящее солнце. Впрочем, смена времен года мало сказывается на быте полярников. На берегах покрытого льдом залива, окруженного заснеженными сопками, люди всегда живут полнокровной жизнью.

Красивые двухэтажные дома поселка Тикси снабжены водопроводом, центральным отоплением, освещены электричеством, радиофицированы, оборудованы телефонной связью. В поселке есть больница, универмаг. Дети полярников учатся в школе-десятилетке. Регулярное воздушное сообщение связывает Тикси с Якутском и Москвой.

В теплицах подсобного хозяйства, расположенного на 72-м градусе северной широты, появилась первая зелень: молодые побеги огурцов, редиса, укропа. В этом году значительно увеличиваются посевы овощей в открытом грунте. Животноводческие фермы поселка снабжают полярников молоком.

После трудового дня многие полярники посещают вечернюю среднюю школу рабочей молодежи. Некоторые выпускники этой школы учатся в заочных вузах Ленинграда и Москвы.

Разнообразен досуг полярников. В воскресные дни в клубе встречаются шахматисты: идет турнир на личное первенство поселка Тикси. Скоро начнется традиционный весенне-лыжный кросс. Любители охоты ходят в тундру: пострелять куропаток, проверить капканы, расставленные на песцов.

Вокзал на таежной станции Смазнево.

Дорога через тайгу

Островерхие пихты и огромные, голые по самую макушку осины все теснее придвигаются к просеке. Чем ближе к перевалу через отрог Салаирского хребта, тем круче подъем. Немногим более 300 километров отделяет Сталинск от Барнаула, но попробуй, преодолей это расстояние: сплошной стеной стоит тайга. С ноября по апрель все дороги и тропы покрыты снегами. С наступлением весны земля набухает талыми водами — и опять ни пройти, ни проехать. А в августе зачастят ливни...

Поезда следовали из Сталинска в Барнаул далеким, кружным путем, через Новосибирск: это 650 километров вместо 315 через тайгу.

Давно уже прямой и короткий путь привлекал внимание строителей. В 1912 году группа инженеров попыталась разведать трассу линии от Барнаула до Кузнецка. Вот заключение участников этой экспедиции: «Глухая тайга с массой поваленных ветром стволов, с травами выше человеческого роста, без топора летом и осенью непроходима. Нет ни дорог, ни даже троп, по коим можно было бы делать предварительные осмотры местности. А между тем сама местность крайне изрезана частыми, глубокими логами. Колебания отметок так резки и причудливы, что прокладка железной дороги согласно техническим условиям невозможна...»

...И вот линия Сталинск — Барнаул построена! Нынешней весной вступили в постоянную эксплуатацию станции Заринская, Шпагино, Смазнево, разъезды Боровлянка, Тогуленок и другие. Пассажирские поезда приходят в самую глубь Салаирской тайги.

С постройкой новой линии сократился на 335 километров пробег железнодорожных составов. Теперь прямым путем пойдут в промышленные центры Алтая, в Казахстан и Среднюю Азию эшелоны с углем и металлом Кузбасса. А в притаежные колхозы и леспромхозы поезда будут доставлять сельскохозяйственные машины, трелевочные тракторы, горючее, автомашины, промышленные товары, продукты.

Свыше 13 миллионов кубических метров земли переместили строители, прорезав выемками таежные сопки и засыпав глубочайшие пади. В крепких, скальных породах пришлось пробивать тоннель. Были построены десятки мостов, депо и вокзалы, жилые дома и школы, магазины и детские сады, клубы и столовые, пекарни, электростанции, водонапорные башни — все необходимое советскому человеку, чтобы хорошо работать и культурно отдыхать.

Новая линия, соединив напрямую Алтай с Кузбассом, вызвала к активной жизни далекие таежные районы, явившись благом для сотен тысяч людей. Пройдет несколько лет — и путь от Сталинска до Барнаула превратится в центральное звено Южсиба, величайшей в мире транссибирской магистрали. С запада к новой железной дороге уже примкнули рельсы, прокладываемые в сторону Кулунды и Павлодара, а от Сталинска протянутся рельсы на Абакан.

Н. СВИРЧЕНКО

ВЫСТАВКА ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. В. МЕШКОВА

Творчество В. В. Мешкова составляет одну из самых славных страниц в советском искусстве. Оно глубоко своеобразно, у живописца есть свой почерк, свое глубоко реалистическое вйденье, своя манера строить композицию.

На выставке, открывшейся к 60-летию В. В. Мешкова, представлены работы художника, выполненные им с 1908 года по нынешний день, от юношеских эскизов на историческую тему до больших пейзажных полотен, ставших советской классикой. В залах выставлено много этюдов, того драгоценнейшего материала, который кладется Мешковым в основу его картин. Эти этюды, написанные порой за несколько минут или более проработанные, говорят о зоркости мастера, умении мгновенно схватить характер местности, уловить то особенное, что отличает именно этот пейзаж.

Не расставаясь с этюдником, В. В. Мешков объездил добрую половину страны, и потому на выставке можно увидеть Балтику и Подмосковье, Кавказ и Карелию, Урал, Крым и Сибирь.

И знаменитыми своими полотнами, такими, как «Сказ об Урале» или «Просторы Камы», и маленькими этюдами, написанными на кусочках картона, и эпическими и лирическими вещами художник как бы обращается к зрителю с горячим призывом: любите свой край, изучайте его, любуйтесь им, ведь нет ничего красивее родной земли, родного неба, родных лесов и рек!

Выставка Мешкова широко посещается, его искусство пользуется заслуженной популярностью.

Е. БРАГИН

Дневник ОГОНЬКА

Товары — деревне

Большой московский серый дом с колоннами во все пять этажей. Здесь разместилась товарная база потребительской кооперации. О ее размерах красноречиво говорит одна цифра: база расположена на площади в 36 тысяч квадратных метров. Отсюда отправляют промышленные товары в деревню. В эти весенние дни тут особенно оживленно.

На обширном дворе стоит неумолчный гул автомобилей, лязг железнодорожных вагонов. Раскрыты двери кладовых. Идет выгрузка и погрузка ящиков, тюков, машин. Двенадцать лифтов, грузоподъемностью 2,5 тонны каждый, быстро доставляют одни товары на верхние этажи, другие — вниз.

Грузят вагон, которому предстоит дальний путь — в Хабаровск. Укладывают тюки с рыболовными сетями, ящики со спортивным инвентарем, тщательно упакованные зеркала и швейные машины, большие ящики с радиоприемниками. В следующий вагон грузят товары для сел Одесской области. Тут и мебель с московских фабрик, и ящики с металлическими изделиями и тюки с тканями. Уже заполнены вагоны, следующие в Ставрополь и Галич, Андижан и Ярославль.

Когда знакомишься с базой, поражаешься богатству и разнообразию сосредоточенных здесь товаров. Вот кладовая метизов — ящики с гвоздями, топорами, пилами, дверными ручками. В другой кладовой готовая одежда, головные уборы, радиоприемники, велосипеды и меха, на которые в советской деревне немалый спрос.

Невозможно перечислить все, чем город снабжает деревню. Одних галантерейных товаров в магазины потребительской кооперации отправляется свыше 15 тысяч наименований.

В одной из кладовых мы застали работниц, упаковывавших посылки с расписными шелковыми женскими косынками. Весна — пора особенно большого спроса на них. И поэтому база посылает их почтой.

Весна на дворе. Нельзя медлить. Колхозная деревня ждет товары из города!

Я. ЛАПИН

Со столичной базы Центросоюза товары отправляются во все концы страны.

Фото Г. Санько.

Любительский телевизионный центр

Монтаж любительского телевизионного центра в Свердловске. На первом плане (слева направо): инженеры Г. Дрейпа и Е. Никульский; сзади: Л. Черкинский и Д. Иванов.

Фото Ю. Добронравова.

Около двух лет группа энтузиастов-радиолюбителей Свердловска строила своими силами телевизионный центр. Активисты секции телевидения радиоклуба ДОСААФ ездили в Харьков. Там они изучили опыт строительства первого в стране любительского телевизионного передатчика. Затем они побывали на телецентре в Москве.

Недавно свердловчане одержали победу: на экране контрольного телевизора члены радиоклуба увидели первую передачу — кадры из кинофильма «Ревизор».

Передатчик полностью готов и может немедленно начать передачу в эфир, как только будет получено необходимое помещение.

По своим техническим качествам свердловский любительский телецентр значительно превосходит харьковский. Он будет действовать в радиусе до 60 километров. Четкость изображения, принимаемого на экран телевизора, приближается к четкости передач московского телецентра.

Сейчас радиолюбители клуба ДОСААФ готовятся к регулярной эксплуатации своего телецентра. Тем временем свердловские радиослушатели запасаются в Москве телевизорами и устанавливают на крышах антенны.

— Свою установку мы хотим превратить в экспериментальную базу, — говорит инженер Е. В. Никульский. — Будем работать над увеличением дальности передач, помогать ученым в решении проблемы цветного телевидения.

О. МАРКОВА

В эстонском Донбассе

«Кулд пылд» — золотым полем называли северную полосу Эстонии. На небольшой глубине здесь скрываются богатейшие в мире залежи горючего сланца.

Старикам памятно, как в Эстонии хозяйничали английские, шведские и немецкие капиталисты. Хищнически эксплуатируя дешевую рабочую силу, они получали огромные прибыли. Нигде так не бедствовали трудящиеся Эстонии в годы буржуазной власти, как на сланцевых разработках.

Теперь хозяином «золотого поля» стал народ, и он назвал свое богатство новым, гордым именем — «Эстонский Донбасс».

Преобразился, расцвел край эстонского сланца. Шахты оснащены механизмами, шахтерские города и поселки газифицированы и теплофицированы.

Каждый год сюда поступают новые машины, сделанные в Москве и Ленинграде, Горловке и Томске, Челябинске и Горьком. Эстонские горняки, не знавшие до советской власти иных орудий производства, кроме кайла и лопаты, стали управлять сложными агрегатами.

Весна 1953 года ознаменована в краю эстонского сланца важными событиями. На шахты пришли «СБЛВ-1» — машины для бесстоечного крепления подготовительных штреков. Новые агрегаты значительно облегчают труд крепильщиков и дают большую экономию леса. Почти на всех шахтах установлены цепные электротолкатели, заменившие ручную откатку вагонеток. С их появлением в сланцевых шахтах механизируются несложные, но занимающие много времени второстепенные работы.

Ныне широко применяется новый метод проходки сланцевых шахт. Он внедрен на 10-й шахте бригадой проходчиков Михаила Терентьева в содружестве с здешними инженерами. Шесть метров проходки в сутки — такова производительность этой бригады. В четыре раза больше, чем раньше!

Новый метод внедряется на шахтах Кява и Кукрузе, а в течение 1953 года распространится на все шахты «Эстонского Донбасса».

Н. ХРАБРОВА

Рождение трактора

Медленно движется лента конвейера, неся еще «неодетый» корпус трактора. Один за другим устанавливаются на свои места узлы и детали. А через несколько часов в кабину усаживается водитель. Нажим на рычаги управления—и трактор выходит на площадку заводского двора.

На степных просторах нашей Родины работают тысяч машин прославленной марки «СТЗ». Рабочие и специалисты первенца советского тракторостроения непрерывно вооружают колхозы и совхозы страны самыми разнообразными видами машин. В этом году завод пополнит машинный парк МТС и совхозов еще одной замечательной новинкой — газогенераторным трактором.

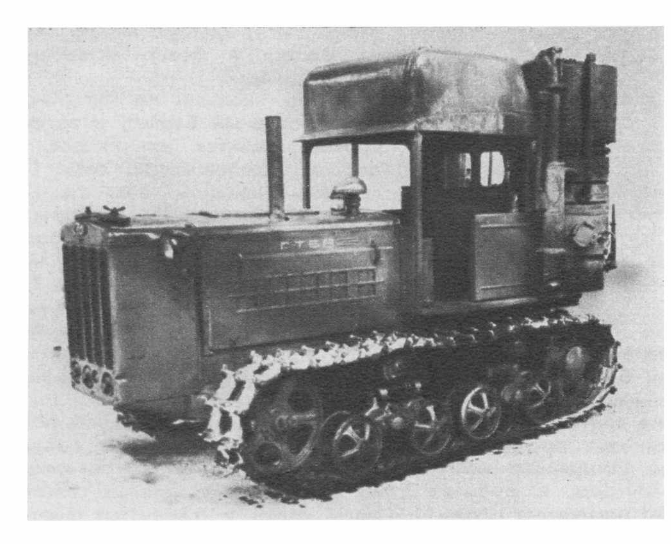
— Представьте себе МТС или лесоразработки, заброшенные за сотни километров от железных дорог, — говорит главный конструктор СТЗ А. Я. Мерилов. — Вокруг непроходимые леса, неисчерпаемые запасы торфа. А людям приходится доставлять сюда жидкое топливо. И вот в эти районы приходит наш трактор. Он может работать на древесных чурках любых пород, на торфобрикетах. Горючее находится тут же, под руками. Для районов, богатых лесами и торфом, предназначена наша машина.

Новый трактор, созданный по проекту Научно-исследовательского автотракторного института, прошел длительную проверку на заводе и на полях машинно-испытательных станций Министерства сельского хозяйства и заготовок СССР. Конструкции узлов и деталей все время совершенствовались.

Рабочие, мастера, технологи СТЗ помогали конструкторскому коллективу своими предложениями и советами. Многое сделали в цехе опытного производства — «лаборатории» по изготовлению и испытанию первых образцов машин. В этом цехе-ветеране СТЗ есть работники, которые в годы первой пятилетки возводили на крутом волжском берегу заводские корпуса, а затем овладевали техникой тракторостроения.

На днях коллектив сталинградских тракторостроителей отправил в совхозы и колхозы первую партию новых машин.

А. ПОДХОМУТНИКОВ

Новый газогенераторный трактор.
Фото Н. Белобородова и Н. Трусова.

Школа хохломской росписи

В нашей стране широко известны мастера хохломской росписи. Их изделия радуют своим ярким и вместе с тем нежным рисунком, веселыми, жизнерадостными тонами. Работы мастеров хохломской росписи встретишь и в квартирах трудящихся, и в залах домов культуры, и на художественных выставках.

На родине хохломской росписи проявляют большую заботу о развитии этого самобытного искусства. В городе Семенове, Горьковской области, имеется профессионально - техническая школа, которая готовит кадры мастеров для промысловых артелей. Из стен школы вышло уже более трех тысяч мастеров хохломской росписи, столяров, токарей и резчиков по дереву.

В. ПОНЯГИН

Выпускник профтехшколы Антон Ермилович Муравьев, ныне инструктор производственного обучения, просматривает работу учениц Марии Агафоновой (в центре) и Лиды Находкиной.
Фото Н. Капелюша.

НОВЫЙ ДВОРЕЦ КУЛЬТУРЫ

В Кременчуге построен новый Дворец культуры железнодорожников. Большая территория вокруг дворца ограждена: спортивное общество «Локомотив» строит здесь стадион и разбивает молодой парк.

Фото С. Мукомель.

Цветные стекла и плитки

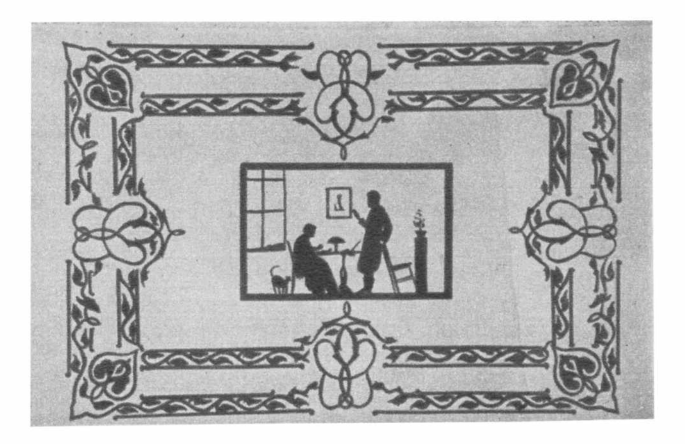
Осень. Низко нависшие облака сеют мелкий дождь. Но обитателям одной из квартир нового московского дома в Дьяковском переулке кажется, будто на улице никакого дождя нет и в небе ярко светит солнце. Через стекла больших двустворчатых дверей в комнату льется мягкий розоватый свет. Секрет заключен в розовых стеклах, которые вставлены в дверные проемы этого многоэтажного жилого дома. Поистине человек смотрит на улицу сквозь розовые стекла! Кто их сделал, откуда у них столь чудесное свойство?

Есть во Владимирской области поселок Курловский, и есть в этом поселке стекольный завод имени Володарского. Давно мечтали курловчане научиться изготовлять накладное цветное стекло. А когда в нашей стране широкий размах приняло строительство многоэтажных домов, стекольщики с Владимирщины настойчиво взялись за новое дело. Шли они непроторенной дорогой: накладного цветного стекла никто до них не изготовлял. Начались опыты. Старший каменщик С. Мельников сложил не одну печь, пока наконец стекловары сказали: «Такая печь нас устраивает». Она не была похожа на обычные. По существу, это комбинация из двух печей, расположенных ярусом. В одной варится стекломасса прозрачного цвета, а во второй — крашеная. Снизу вверх непрерывно тянется лента обычного прозрачного стекла, а справа, со второго яруса, ее покрывает ровным слоем крашеная стекольная масса.

Наконец удалось получить первую партию хорошего стекла молочного цвета, а затем — розового, голубого, слоновой кости, цвета рубина, черного мрамора и бирюзы.

Продолжая опыты, совершенствуя технологию, курловчане решили испробовать силы в новой области — наладить художественную отделку цветного стекла наподобие хрустальных изделий.

Володарцы пошли дальше: они научились методами глубокого травления наносить на листовое цветное стекло сюжетные рисунки. Так были получены стекла с рисунками на мотивы произведений А. С. Пушкина.

Курловские новаторы решили еще одну важную проблему. На тех же машинах, на которых вырабатывается накладное цветное стекло, получена утолщенная плитка для облицовки зданий. Скоро у нас появятся дома, облицованные голубыми, синими, янтарными, зелеными и рубиновыми стеклянными плитками, не уступающими по красоте дорогостоящему мрамору.

Когда о мастерах цветного стекла узнали строители Московского государственного университета, в Курловский поселок пришел необычный запрос: «Не могли бы вы сварить «золотое» стекло?»

Сделать это было нелегко. Такое стекло прежде не изготовлялось. Тем не менее володарцы взялись за новое дело. Образцы, присланные из поселка Курловского, в Москве одобрили. Цех получил заказ на партию золотистого стекла. На вахту вступили мастера первой руки — Аркадий Федорович Малашкин и лауреат Сталинской премии Александр Георгиевич Стекленкин. Им, лучшим мастерам завода, коллектив доверил выполнение почетного заказа.

П. СТЫРОВ

Первый русско-тувинский словарь

Большим событием в культурной жизни Тувинской автономной области, самой молодой в составе Российской Федерации, является выход в свет первого русско-тувинского словаря. Выпускает его в Москве Государственное издательство иностранных и национальных словарей. Активное участие в составлении словаря приняли научные сотрудники Тувинского института языка, литературы и истории, тувинские писатели.

Всего лишь около девяти лет тому назад тувинский народ вошел в братскую семью народов СССР. За короткое время он добился крупных успехов в социалистическом преобразовании своей области, в культурном строительстве. Прошло немногим более двадцати лет со дня введения тувинской национальной письменности, а теперь почти все взрослое население советской Тувы грамотное. Араты получили возможность читать на родном языке книги Ленина и Сталина, произведения русских классиков и советских писателей. Расцветает молодая национальная литература.

Трудящиеся Тувы проявляют огромный интерес к русскому языку, его изучают и дети и взрослые.

Словарь рассчитан главным образом на тувинцев, осваивающих русский язык. Он будет также служить пособием для переводчиков с русского на тувинский язык.

Словарь включает около 25 тысяч слов, в том числе наиболее употребительные общественно-политические, научные и технические термины. Ко многим из них даны краткие толкования на тувинском языке.

Редакторы словаря — научный сотрудник Института языкознания Академии наук СССР А. А. Пальмбах и тувинский писатель Л. Б. Чадамба.

Г. НОВОСЕЛЬСКИЙ

РЫБАЦКАЯ ВЕСНА

На широком плесе Волги вырастает лес корабельных мачт. Пароход-буксировщик выводит рыбачьи суда на весеннюю путину.

С. МОРОЗОВ **И. ТУНКЕЛЬ**

Специальные корреспонденты «Огонька»

Весна на Северном Каспии начинается «распалением льда». Когда в верховьях белый покров Волги только кое-где голубеет лужицами талой воды, под Астраханью горячее южное солнце распаляет лед стремительно, неудержимо. В низменных берегах дельты обильные воды подступают вплотную к зарослям камыша, и спокойная река выглядит словно налитая до краев чаша, вот-вот готовая расплескаться. Соломенно-желтый сухой камыш расцвечен багровыми языками пламени. Зажженный людьми огонь гуляет по берегам, помогая земле сбросить ветхое зимнее рубище, чтобы скорее облачиться в зеленый наряд лета. По ночам над дельтой полыхает зарево и отблески его полируют бронзой темную речную гладь.

На широком плесе, вчера еще пустынном, вырастает лес корабельных мачт. Рыбачьи суда движутся вниз по течению, туда, где, разлившись на бесчисленные рукава, Волга отдает пресные воды соленому и бурному Каспию. Воздух напоен запахами свежей краски; угольным блеском сверкают свежеосмоленные борта, грудами высятся на палубах такие же черные, насквозь пропитанные смолой сети. Оголенные мачты одеваются парусами, и рыбачья дорога как бы расцветает огромными движущимися водяными лилиями.

Взвиваются треугольные вымпелы — на белом с зеленой каймой полотнище бьется на ветру изображение двух скрещенных рыб. Флаг весенней путины поднят.

Вместе с весенним теплом рыба еще только поднимается с юга в северные воды Каспия, а навстречу ей уже вышли разведчики путины. Гидрологи, биологи, ихтиологи встречают косяки на исследовательских и разведывательных судах, наблюдают за движением рыбы с воздуха. Тонкими голосами морзянки перекликаются в эфире корабельные, самолетные, береговые радиостанции.

...Где же рыба? Почему пуста эта маленькая сеть, похожая на детский сачок? Нет, простым глазом не разглядишь улов, поднятый на палубу Л. А. Лесниковым и Т. В. Цибиной — сотрудниками Каспийского филиала Всесоюзного института рыбного хозяйства и океанографии. Свою добычу — планктон и бентос — они будут исследовать под микроскопом. По распределению в море разнообразных организмов, которыми питаются рыбы, гидробиологи составляют долгосрочные прогнозы промысла.

Самолет промысловой разведки низко проходит над волжской дельтой и торчащими из воды вехами морского канала, поворачивает на восток к Гурьеву. В считанные часы воздушного рейса как бы перелистывается календарь рыбацкой весны. В туманной дымке на севере угадывается еще по-зимнему белесый Урал, а внизу, под крылом, прозрачная зелень морской воды испещрена редкими серыми от быстрого таяния льдинами. Кое-где черными точками виднеются тюлени. Вспугнутые шумом моторов, они ныряют в воду.

Курсовая черта идет зигзагом. Теперь льдов внизу уже нет и в помине. Вода из зеленоватой стала желтой. Проплывает плоский песчаный полуостров Долгий, остров Кулалы. Вот и Главный банк — основной промысловый район Каспия, ближний к дельте Волги. Все больше и больше судов появляется тут и там. С надутыми парусами скользят легкие реюшки, вздымая буруны, мчатся моторные сейнеры, неторопливо и чинно ползут на буксирах грузные туши пловучих заводов. Флот в море. Путина началась.

Пустеют рыбачьи села. Зато людно становится в тонях, разбросанных по рукавам дельты. Как хлеборобы в полевые станы, выезжают рыбаки в тони на всю весну. Рыбу, идущую метать икру из Каспия в Волгу, встречают здесь неводы.

Быстро скользит по спокойной воде моторный баркас, и за его кормой змеится длиннющая, в добрых полкилометра, сеть. Гигантским арканом захлестывает она стаи судака и леща, сазана и воблы. Что ни замет, центнеров восемь, а то и добрую тонну вытягивает к берегу бригада. Тут рыбачьей сноровке помогают машины. На песчаном отлогом берегу передвижная электростанция, на плоту у самой воды электролебедка.

— А ну, Нина, еще малость подтяни к бережку! — кричат лебедчице Нине Остроуховой товарищи по бригаде. В резиновых сапогах выше колен, в клеенчатых фартуках, они, стоя в воде, выгружают из невода улов.

Иной раз белуга или осетр попадутся пудов на семь, на восемь. Здоровенная рыбина бьет хвостом, извивается, выскальзывает из рук. Ее и ухватить не так-то просто, не то что в лодку втащить.

Круглые сутки идет лов на тонях. Вечерами, когда дневные смены, отработав свое, уезжают отдыхать, над рекой вспыхивают электрические огни. С поднятым парусом бесшумно движется рыбачья лодка, плавно льется песня:

Каждый день нам победы приносит,
Волга встретилась с Доном навек.
Ветер парус рыбацкий уносит
По волнам замечательных рек.

«Море — наше поле»... Не на северном ли Каспии родилась старинная рыбачья эта пословица? Коричневатая от обилия пресных вод, рябящая под ветром, поверхность моря тут и впрямь напоминает пашню. На «черни» — ближнем к дельте мелководье, — словно плетни на деревенской околице, высятся над водой вбитые в дно колья ставных неводов.

— Рыба по весне вдоль бороздин идет. Невод поперек бороздины ставим, — рассказывает Семен Васильевич Максимов, звеньевой колхоза «Труд Сталина». — Она, вобла-то, как в неводное крыло упрется, выход пойдет

Свой улов ученые будут рассматривать под микроскопом. Л. А. Лесников и Т. В. Цибина подняли на борт сетку с планктоном.

Механизированная рыбачья тоня в дельте Волги.

Сквозь ветровое стекло самолетной кабины видны суда, идущие в море на промысел (фото справа).

искать, во двор и забредет. Оттуда уж не вырвешься, шалишь! Сбруя у нас надежная.

«Бороздинами» зовут углубления дна, «двором» — ловушку невода, «сбруей» — всякое вообще промысловое снаряжение. Слова из крестьянского обихода прочно укоренились в речи рыбаков, видимо, с тех еще времен, когда первые русские люди начинали обживать Каспий — «море Хвалынское».

Наметанным глазом морского следопыта Максимов угадывает ход косяков, особым рыбацким чутьем предвидит, откуда подует ветер. Невод ставится так, чтобы опущенная до дна сетчатая стена была устойчивой при любом шторме.

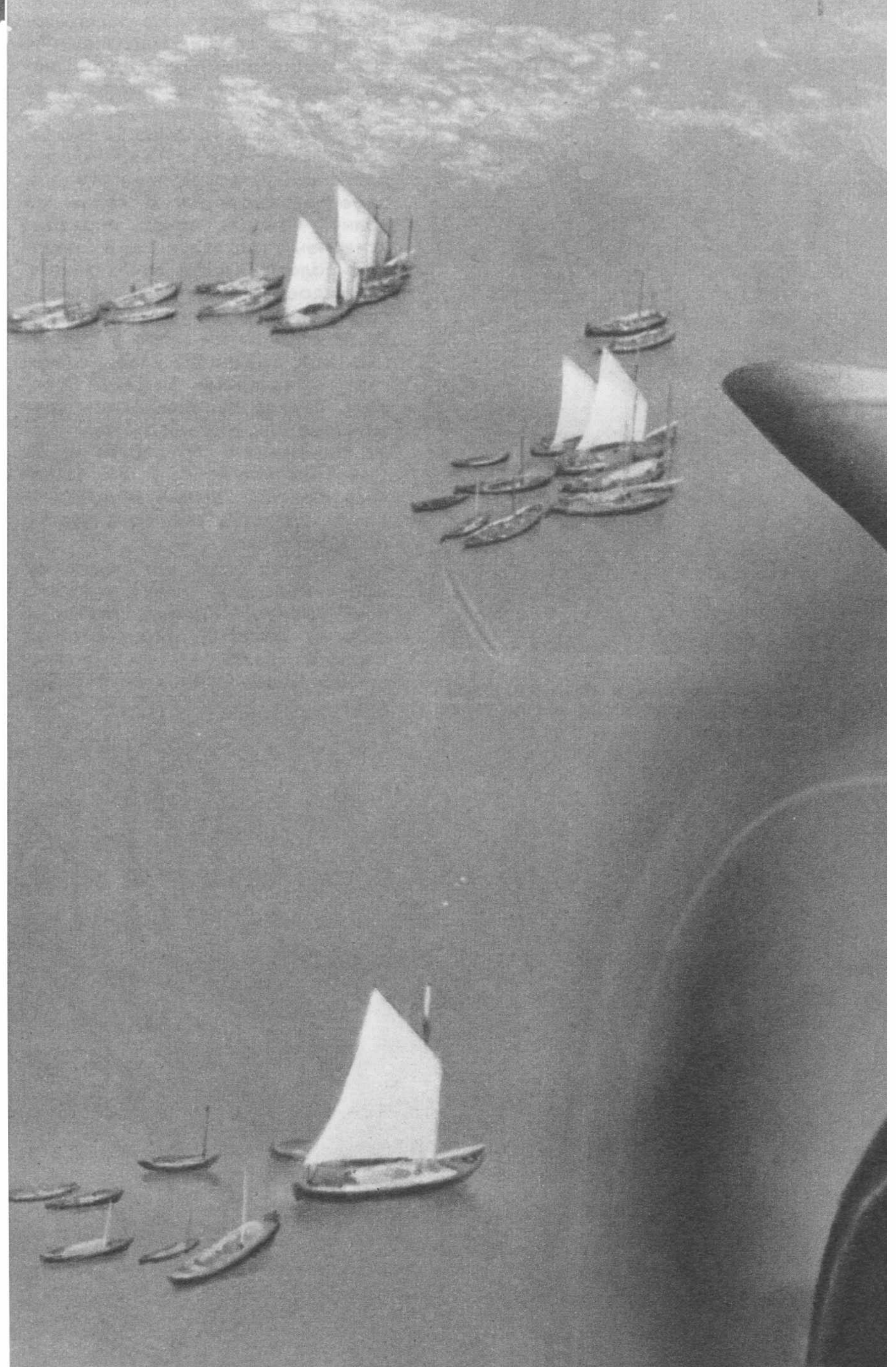
— В нашей Олинской моторно-рыболовной станции нынче новый невод применяют. Моему звену вот на испытание дали... Разыграется шторм, и невод опускается вниз, находя защиту на дне. Стихнет ветер, и невод снова всплывает.

На «подчалке» — весельной лодке — Семен Васильевич с двумя девушками из своего звена объезжает неводы. Сильными сноровистыми движениями рыбачки вытягивают тяжелые сети. Как в кипящем котле, бурлит, плещется в них рыба.

Суточный улов сдан на приемное судно-рыбницу, и колхозники собираются к ужину. По-домашнему уютно на просмоленной палубе стойки. Рядом плещется мо-

Здоровá рыбина — никак в лодку не втащишь!

Колхозник рыболовецкой артели «Победа», Марфинского района, Астраханской области, лауреат Сталинской премии А. Ф. Субботин и рыбачка К. В. Стрелкова.

Рыбацкая уха.

Тостан Мурзаев и Василий Полянский отдыхают после сдачи улова.

ре, а тут, точно в избе, кирпичная печь с объемистым котлом и плитой. Ароматный пар свежей ухи стелется в воздухе. Из раскрытого кубрика слышна музыка: новый радиоприемник хорошо настраивается и на Астрахань и на Москву.

От «черни», дальше в море, «сваливаясь на глубь», уходят реюшки. Быстрокрылыми птицами перепархивают они с волны на волну. Каждый вечер горизонт исчерчен треугольниками парусов, золотящихся в лучах заката.

Каждое утро после ночного промысла реюшки возвращаются, и в открытом море у рыбницы, принимающей улов, возникает оживленный рыбачий «базар». Весело перекликаются друзья-приятели, соседи по промыслу, соперники в соревновании.

— Толковая ночка у тебя выдалась, Аркадий Павлыч! — поздравляют односельчане звеньевого А. П. Рогачева.

— Я-то что, а вот каспийцы нынче половили славно, — заросший щетиной Рогачев кивает в сторону рослого, загорелого до черноты казаха, — у них, у каспийцев, один Охонов за пятерых добывает.

— Не один, хозяйка ему ворожит, верно я говорю, Монгва? — перебивает чей-то задорный голос.

Монгва Охонов стоит на корме своей реюшки рядом с женой. Первая из женщин колхоза «Каспиец» Сиигин Охонова стала ходить на трудный реюшечный промысел, искони считавшийся чисто мужским делом.

Тостан Мурзаев из колхоза «Красный моряк» и Василий Полянский из артели «Каспиец», сдав улов, угощаются табачком. Приятно отдохнуть часок—другой в солнечную штилевую погоду, а там опять за дело: разбирать сети, ставить паруса, готовиться к ночному плаванию.

Старшего на лову, будь то звеньевой или бригадир, принято почтительно называть «дядей». Но Илью Николаевича Зинина — капитана моторного сейнера № 797 — рыбаки его звена зовут запросто Илюшей. Это, впрочем, ничуть не умаляет авторитета командира маленького корабля. В свои двадцать два года Илья Зинин успел исходить Каспий вдоль и поперек. В «жаркую» — летом промышляет он под Кызылозеном, у казахстанского берега, зимой в южной экспедиции под Красноводском ловит кильку на электросвет. С наступлением весны сейнер Зинина вместе с десятками таких же судов появляется у берегов Дагестана, в Сулакской бухте, обрамленной с запада цепью далеких гор.

Когда море лиловеет в нежном свете вечерней зари, маленькие корабли поднимают якоря и, стуча моторами, уходят на лов. В рубке рядом с капитаном Зининым моторист Герман Никульцев. Ровесники, они вместе выросли в рыбачьем селе Чулпан, вместе пошли учиться по путевкам колхоза, вместе стали плавать на сейнерах. Оба недавно вступили в комсомол.

В темной воде, невидимые глазом, движутся стаи рыбы. С борта одна за другой соскальзывают укрепленные на канате сети — «дрифтерный порядок» длиной в три с лишним километра. Застопорив машины, подняв на носу парус, сейнер ложится в дрейф.

Рыбачий «базар» в открытом море.

Пловучий завод ночью. В круге: в икорном цехе. Мастер Н. В. Кукин (слева) и его помощник Г. В. Саков упаковывают свежую икру.

С рассветом, когда на бледном небе вырисовываются далекие снеговые вершины Кавказского хребта, на палубе начинает глухо ворчать лебедка. Ползут из воды облепленные рыбой сети. Словно кольчуги, переливаются они серебром чешуи. На палубе растет и растет сверкающая, трепещущая живая гора.

— Центнеров тридцать селедочки взяли, — прикидывает молодой капитан.

— Есть, однако, и брак в продукции, — с улыбкой показывает он на рыбьи тельца, обглоданные чьими-то хищными зубами.

Брак, так сказать, стихийный. Еще с вечера у бортов тут и там выныривали из воды тюлени. Они всегда не прочь полакомиться «на даровщинку».

Сети подняты, кливер на носу спущен, на полные обороты работает мотор. Сейнер спешит обратно в Сулакскую бухту. Сегодня молодым рыбакам из колхоза «Красный чулпановец» будет чем козырнуть перед товарищами. Сегодня сам Субботин, знатный рыбак Каспия, лауреат Сталинской премии, поздравит молодого капитана Зинина.

— Коли свежинку везем, нам и шторм не помеха, — говорят капитаны приемных рыбниц, доставляющих улов к пловучим заводам.

Трехпалубные корпуса с дымящимися трубами высятся над равниной моря. Днем и ночью, в любую погоду швартуются к ним суда. Днем и ночью солят и замораживают здесь рыбу. Десятки и сотни тысяч тонн после первичной обработки в море переправляются дальше — на комбинаты Астрахани и дельты Волги.

Вкусно пахнет в пловучих цехах. И особенно аппетитно — в икорном, дневная продукция которого измеряется всего лишь килограммами. Мал золотник, да дорог, — зернистая и паюсная, высокосортная черная икра, добытая на Каспии, славится во всем мире.

Всего два — три часа назад рыбаки вынули из сетей увесистого осетра, и вот уже икра его доставлена на завод, промыта, засолена, упакована в банки.

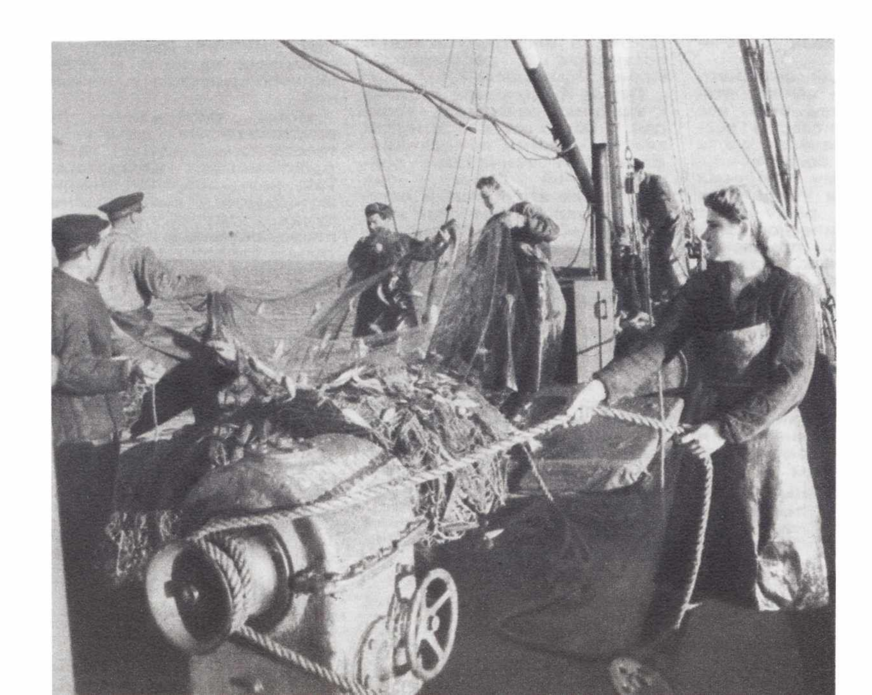
На палубах пловучих заводов людно всякий час. Расторопный парнишка, прижимая к груди еще теплые буханки белого хлеба, пробирается от двери пловучей пекарни к своему рядом пришвартованному подчалку. Рослая дивчина в брезентовой спецовке выбирает цветастый ситец у прилавка заводского магазина. У кассы почтового отделения — очередь. Рыбакам, по два — три месяца не видящим берега во время путины, приходят письма, газеты, журналы.

...Такой тесноты, как тут, не бывает, пожалуй, и в косяках. Сюда, на сетяной конвейер, тянущийся по причалам Астраханского комбината имени Микояна, рыбу непрестанно выбрасывают клокочущие струи волжской воды. В «прорези» — деревянные суда с живой рыбой, то и дело подходящие с моря, — опущены трубы мощных насосов. Разреженный воздух гонит рыбу вместе с водой. Десять тонн в час! За весь свой рыбий век видавшие виды обитатели Каспия не упомнят такого шторма, какой бушует на лотке насоса во время выгрузки...

Конвейером поступает рыба в холодильник, в консервный, коптильный, филейный цехи. Что ни день — тепловоз вытягивает из заводских ворот эшелоны вагонов-ледников. Что ни день — отваливают вверх по Волге груженые рефрижераторы. В Москву и Ленинград, на Украину и в Белоруссию, на Урал и в Сибирь — во все концы страны идет каспийская рыба.

Северный Каспий. Апрель.

На моторном сейнере колхоза «Красный чулпановец». Лебедка вытягивает из воды дрифтерные сети с уловом сельди.

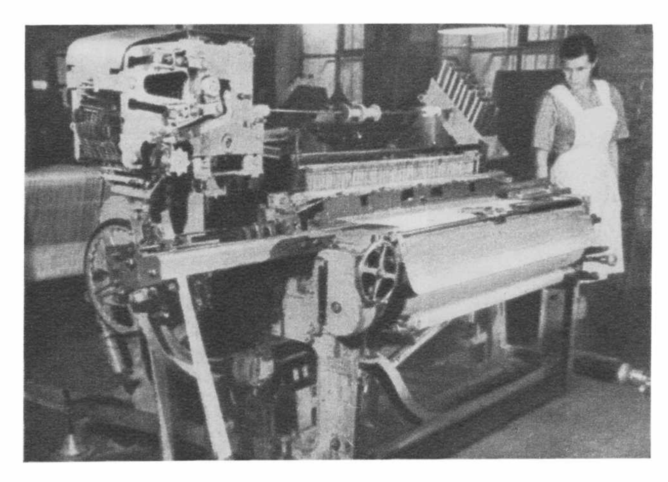

→ Астраханский рыбоконсервный комбинат имени А. И. Микояна. Живая рыба по конвейеру поступает в цехи.

В МИРЕ НАУКИ И ТЕХНИКИ

«ЧГСП»

Переливаясь всеми красками, словно на пышном празднике цветов, пестрыми, нарядными аллеями протянулись сотни полотнищ шелковых тканей. Множество новых, неизвестных нам сортов, различных расцветок и рисунков — на любые, самые взыскательные вкусы. Яркие и прозрачные, как витражи, и плотные, мягкие, как бархат... Сияющие,точно люминесцентные, и спокойные, блекломатовые...

Новый станок «ЧГСП». Фото Г. Санько.

Некоторые из них еще не появились на прилавках магазинов. Мы любуемся ими пока лишь на выставке образцов, разработанных Центральным научно-исследовательским институтом шелковой промышленности. В этом же институте созданы и совершенные станки, на которых новейшие достижения химиков и замыслы художников воплощаются в миллионы метров красивых материй.

Гордость института — двухчелночный шелкоткацкий станок «ЧГСП», названный так по первым буквам фамилий его конструкторов. Мысль о создании станка современного типа зародилась у научных сотрудников института Л. Т. Черешнева, Д. В. Глебова, И. Л. Смирнова и А. Н. Паршина вскоре после окончания Великой Отечественной войны. Планом первой послевоенной пятилетки был предусмотрен значительный рост мощности шелкоткацкой промышленности. Но было ясно, что такой подъем ее только за счет роста производительности существующего оборудования невозможен. Действующие на предприятиях станки были тихоходны, громоздки и не удовлетворяли возросшие требования передовых советских работниц. Они непрерывно вносили конструктивные улучшения.

Многого добились рационализаторы и изобретатели. Им удалось упростить устройство некоторых механизмов, сделать их более надежными в работе, снизить обрывность основы и утка, сократить маршрут ткача-многостаночника. Передовикам производства помогали научные работники института. В этом содружестве людей науки и производства выкристаллизовались многие идеи новой конструкции. Ткачи получили быстроходный, малогабаритный и удобный для работы станок.

Быстроходность, которая измеряется числом оборотов коленчатого вала, у действующих станков равна 125—135 оборотам в минуту. «ЧГСП» дает 170 оборотов! Новый станок занимает значительно меньшую площадь и ниже старых.

Но не только высокая производительность и экономичность характерны для отечественного станка. Советские конструкторы проявили много заботы о людях, которые будут работать на нем.

«ЧГСП» очень удобны для обслуживания. Ткачиха, проходя между двумя рядами станков, видит всю основу. Она, почти не сгибая корпуса, легко достает до нее, когда ей нужно ликвидировать обрыв нити. С любой позиции ткачиха может остановить и пустить станок. Не требуется больших физических усилий, чтобы ослабить или натянуть основу. Сильно улучшилась освещенность рабочего места.

И вот наступил момент, когда последняя, наиболее совершенная модель нового станка прошла все испытания и началось серийное его производство. Авторы станка, а также помогавшие им конструировать и внедрять его в производство конструктор В. С. Хайло и слесарь С. П. Яковлев удостоены высокой награды — Сталинской премии. Однако советские ученые не успокоились на достигнутом. Они продолжали совершенствовать свой станок. И вновь успех!

Недавно изготовлен первый экземпляр станка-автомата. При окончании утка на шпуле автомат на ходу без помощи ткача заряжает челнок утком.

И это, конечно, не предел конструкторских возможностей. Непрерывно совершенствовать производство на базе новой техники — вот путь, избранный учеными.

Н. СЕКУНДОВ

ПЯТНА НА ЛЕДНИКЕ

С высоких заснеженных вершин хребта Терскей-Алатау сбегает река Чон-кзылсу, одна из многочисленных горных речек Средней Азии. Стремительно несет она свои мутные воды, дробясь об обломки скал. Собирая воды двенадцати небольших речушек, берущих начало в ледниках боковых ущелий, Чон-кзыл-су становится все шире, многоводнее, спокойнее, а в низовье, у впадения в лазурное озеро Иссык-Куль, уже течет совсем медленно. Здесь, в широкой и распаханной долине, она орошает бескрайние поля.

Здание физико-географической станции в горах Тянь-Шаня. Фото М. Смирновой.

Чон-кзыл-су имеет большое значение для народного хозяйства Киргизии. Однако количество воды в этой реке так же, как и в других горных реках, крайне изменчиво. Летом, когда на вершинах гор быстро тают снега и льды, она полноводнее, чем весной. Режим реки меняется даже в течение дня.

Между тем для сельского хозяйства очень важно, чтобы водный поток был все время равномерным, а весной, в пору начала роста растений, даже более обильным. Вот почему проблема регулирования и увеличения стока горных рек имеет большое практическое значение и давно привлекла внимание ученых. Над ее решением в горах Тянь-Шаня в течение нескольких лет работает коллектив научных сотрудников физико-географической станции под руководством кандидата географических наук Григория Александровича Авсюка. Им удалось искусственно усилить таяние снежников и ледников и тем самым поднять уровень воды в реке.

Ледники долины Чонкзыл-су лежат в высокогорной области умеренного климата на абсолютной высоте почти в четыре тысячи метров, где на их таяние влияет главным образом солнечная радиация (сила солнечного света). Увеличить количество лучей, получаемых от солнца, пока невозможно. Г. А. Авсюк пошел по другому пути: он стал искать такие условия, которые усиливали бы способность льда и снега воспринимать падающие на них лучи солнца.

На ослепительно сверкающей гладкой поверхности ледяного поля четко вырисовываются необычно темные квадраты. Это опытные участки, над которыми географы ведут постоянные наблюдения. Здесь искрящаяся под лучами горного солнца поверхность льда покрыта ровным слоем каменноугольной пыли, имеющей малую отражательную способность. Научные сотрудники установили, что частички этой пыли, въедаясь в лед, надолго сохраняются.

Опыты показали, что способность поглощать солнечные лучи у ледяных полей, покрытых каменноугольной пылью, увеличивается в 3—6 раз. Значит, снег и лед тают значительно быстрее, интенсивнее.

Доказано, что наибольшее увеличение стока воды путем искусственного запыления ледников можно достичь в ответственнейший период полевых работ — весной.

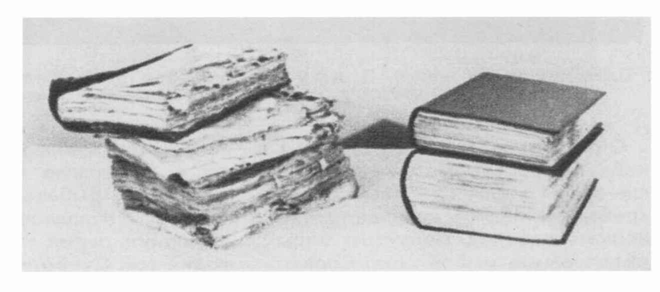
Практически «опыливание» ледников будет производиться с самолета.

Т. БУЧ

Возрождение «угасших» текстов

На столе инструктора Центральной реставрационной мастерской Главного архивного управления В. В. Прозоровской лежит древняя книга.

«Сибирский приказ» — можно разобрать на почерневшем от времени титульном листе. Книгу перелистывали в последний раз лет триста назад. Сейчас стоит неосторожно тронуть ее страницы — и они рассыпятся в прах.

В Центральной реставрационной мастерской Главного архивного управления. Исторические документы до и после их обработки.

— Состояние документа — первой категории,— отмечает Валентина Владимировна.— Листы сохранились не полностью. Многие из них рассыпались на кусочки.

Инструктор выписывает наряд — и начинается «омоложение» древней книги.

Первой ее берет Александра Алексеевна Асенова. Поместив книгу под специальный стеклянный колпак, она приподнимает скальпелем листы и осторожно обдувает их тонкой струей сжатого воздуха. Серая едкая пыль веков уносится вытяжным устройством. Плесень и плотные скопления пыли счищаются щеточкой.

После этого листы покрываются тончайшим слоем специального клея, просушиваются в электросушилке и поступают к реставратору Галине Кудряшевой.

Перед Кудряшевой стол со стеклянной крышкой, которая освещается изнутри электрическими лампочками. Взяв лист тончайшей конденсаторной бумаги, она смазывает его клеем и осторожно укладывает на него листы «Сибирского приказа», аккуратно подгоняя друг к другу отдельные кусочки. Сверху также накладывается лист тончайшей бумаги.

После просушки листы книги опять слегка увлажняются и идут под пресс, а затем, выглаженные и подобранные по номерам, обрезаются и поступают в переплетный цех. После работы переплетчиков древнюю книгу уже безбоязненно можно перелистывать. Она «омоложена».

Мы рассказали о самом простом способе реставрации древних документов.

Очень часто бывает иначе: листы древней книги находятся в сносном состоянии, но прочесть их невозможно: текст пропал, «угас», как говорят реставраторы. Восстановлением «угасших» текстов, хранящихся в Центральном государственном архиве древних актов СССР, занимаются в специальных лабораториях.

Иногда документ обрабатывают парами сернистого аммония. Для этого слегка увлажненный документ кладут на сосуд с сернистым аммонием. Если чернила рукописи содержат соединения железа, то в результате химической реакции образуется сернистое железо, имеющее черный цвет. Текст проступает ярче.

Но химическая обработка документов обычно связана с большим риском: можно окончательно разрушить текст. Поэтому для его восстановления чаще всего применяют фотографирование с особыми светофильтрами. Впервые такой способ фотографирования был применен русским фотографом Е. Ф. Буринским еще в конце XIX века. Он задался целью прочитать «угасший» текст нескольких документов времен Дмитрия Донского, написанных на коже и испорченных сыростью и ржавчиной.

Метод фотосъемки при восстановлении «угасшего» текста значительно развит работниками лаборатории. Так, например, при помощи фотосъемки в инфракрасных лучах удалось прочитать первоначальный текст, тщательно зачеркнутый в одном документе цензором испанской инквизиции около трехсот лет назад. При помощи такой же съемки полностью был восстановлен текст предсмертного письма писателя Крымова, погибшего во время Великой Отечественной войны. Письмо находилось в кармане гимнастерки писателя и оказалось залитым его кровью. После съемки в инфракрасных лучах его можно было свободно прочитать.

К. ПОПОВ

К. К. Купецио. СМОЛЬНЫЙ.

Ленинград

К. К. Купецио. ВЕЧЕР НА НЕВЕ.

К. К. Купецио. ДВОРЦОВАЯ ПЛОЩАДЬ.

К. К. Купецио. ПЛОЩАДЬ ПУШКИНА.

А. А. Ромодановская. НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТ. Всесоюзная художественная выставка 1952 года.

А. А. Ромодановская. ПАМЯТНИК СУВОРОВУ У МАРСОВА ПОЛЯ.

Всесоюзная художественная выставка 1952 года.

А. А. Ромодановская. КАНАЛ ГРИБОЕДОВА.

Всесоюзная художественная выставка 1952 года.

А. А. Ромодановская. РЕШЕТКА ЛЕТНЕГО САДА.

Всесоюзная художественная выставка 1952 года.

СТУДЕНТЫ

Рассказ

Леонид ВОЛЫНСКИЙ

Рисунок В. Высоцкого.

Паровоз отрывисто гудит, и где-то впереди разливается дробная трель свистка. Скорый поезд Москва — Киев, звякнув буферами, плавно берет с места. Многие провожающие идут рядом с вагонами и машут руками, а перрон с высокой стеклянной крышей, с киосками и носильщиками и с женщиной, наливающей пиво в кружку, медленно уплывает назад. Но потом и провожающие исчезают. Поезд покачивается и лязгает на стрелках. Проводник закрывает дверь вагона, свертывает флажок, сует его в футляр и с видимым наслаждением стягивает с рук белые перчатки.

— Жарко, ну их к лешему! — говорит он, пряча перчатки в карман.

Он похож на многих старых проводников — маленький, с седыми щетинистыми усиками, желтоватой кожей и выцветшими глазами. Другой проводник, помоложе, кладет в топку кипятильника щепочки. В коридоре стоят люди, курят и смотрят в окна. Какая-то женщина ведет своего малыша, нагнувшись и поддерживая его за растопыренные ручки. Радио прокашливается и начинает: «Граждане пассажиры...»

Я прохожу к своему купе. Мои попутчики уже устроились. Двое молодых людей лежат на верхних полках и смотрят в окно, подперев головы руками, а третий — постарше — сидит у столика и читает сразу две книги. У него большая, тяжелая голова и густые, как пакля, русые волосы. Когда он перелистывает страницы, я вижу его короткопалую и широкую руку с искривленным мизинцем и почерневшим ногтем на указательном пальце. Он заглядывает то в одну, то в другую книгу, и теперь мне ясно, что он читает со словарем. Один из лежащих вверху свешивается с полки и говорит:

— Гле́дай, То́дор, гле́дай!

Тодор отрывается от книг и глядит в окно. Там в голубоватой утренней дымке медленно уплывает назад университет. На фоне блеклого неба и ржавой зелени Ленинских гор он прекрасен, как мираж, от него нельзя оторвать глаз.

— Ху̀баво, — тихо говорит Тодор. — Красиво...

Это действительно очень красиво, и я смотрю вместе со всеми, пока проводник не произносит сзади нас:

— Билетики попрошу!

Я нахожу свой билет. Проводник раскладывает на коленях сумку и сует его в маленький кармашек.

— У вас, молодые люди? — спрашивает он.

Тодор молча подает три интуристских конвертика.

— Интуристы, — говорит проводник. — Понятно.

Он рассовывает конвертики по кармашкам и выходит. Тодор снова погружается в книги, двое на полках смотрят в окно. Университет уже исчез. Мимо плывет Подмосковье. В березовых рощах тлеют первые осенние искорки. Босоногий мальчик в пилотке пасет темно-рыжую корову и машет вслед поезду рукой. Я достаю из чемодана книгу и усаживаюсь поудобнее, испытывая сожаление, что не знаю болгарского языка.

Через пять минут сверху снова свешивается голова. Юноша лет восемнадцати с тонким лицом и прозрачным пушком на верхней губе спрашивает:

— Товариш... Вы от Москва или от Киев?

— Из Киева.

— Ага!.. — Парень думает несколько секунд и продолжает: — А в Киеве университет тоже есть такой... ху̀бав? Красив?

— Ну, не такой, — говорю я. — Но тоже красивый.

— Ага, — говорит он. — Да, да, ху̀бав! Хорошо!

Он удовлетворенно улыбается, свешивается еще ниже и теребит волосы Тодора тонкой, совсем детской рукой с коротко остриженными ногтями.

— Внима́вай, да не па́днеш, момчѐ! [1] — говорит Тодор, ударяя его книгой по руке. И добавляет, обращаясь ко мне: — Хлапа́к, небпитно момче́...

— Он сказал, что я есть мальчишка, который сосет молоко, — говорит парень. — Он у нас самый старец, понимаете? Стар, имеет тридцать пять годов. — И звонко смеется.

— Хлапа̀к, — говорит Тодор, улыбаясь.

— Стар студент, — говорит парень сверху и снова треплет Тодору волосы. — Мы все есть студенты: я, он и он. Него зовут Тодор, а этот — Сла́вко, а я есть самый лучший — Иван. Да?

Он отваливается назад и снова смеется... Видно, что ему очень хочется посмеяться. Славко лежит, не двигаясь, и смотрит в окно. У него худое, бледное лицо, тонкая шея и очень черные и грустные глаза.

— Мне есть хорошо, — говорит Иван. — Я имею русское имя.

— Тодор есть русский Федор,— говорит Тодор, полистав словарь.— Да?..

— Правильно, — говорю я. — А где вы учитесь?

— Мы еще не учимся, — говорит Иван. — Мы это... как то се говори... Ний ще се учим... Мы будем учиться. В Киеве. Университет.

— Так, так! Все трое?

Иван отрицательно покачивает головой, и я вспоминаю, что у болгар это означает «да».

Кто-то в коридоре подкручивает динамик, и вагон наполняется звуками тревожного вальса.

— О, Хачатурян! — говорит Иван.

Он сразу умолкает. Я смотрю на всех троих: на Тодора, с его темным, угрюмым лицом, покрытым черными точками не то угольной, не то металлической пыли; на Ивана, с которого вдруг слетела вся мальчишеская веселость; и на Славко, все так же смотрящего в окно большими грустными глазами. Вальс затихает, и радист ставит другую пластинку.

— «Где ви, где ви, очи карие», — подпевает Иван.

— Красива пе́сничка, — говорит Тодор.

Иван поет всю песенку и заканчивает:

— «Хороша страна България, а Русия лучше всех».

Тодор что-то быстро говорит ему по-болгарски.

— Товариш, — говорит Иван, свесившись с полки, — Тодор спрашивает, вы были в България?

— Нет, не был.

— О-о!.. — с сожалением говорит Тодор. — Со́фия — наш столичен град. Красив. Много ху̀бав!

— У него там моми́че. Девушка, — подмигивает сверху Иван.

— Жена? — спрашиваю я.

— Нет, — говорит Иван. — Он не мог жениться. Хотел учиться. Стар студент.

— Дока́то съм жив, ще се у̀ча, — говорит Тодор.

— Он сказал: пока жив, будет учиться, — переводит Иван. — Хотел учиться, все бросил. Ему трудно, тежко. Стар есть, нигде еще не учился.

— Почему? — спрашиваю я.

— Он есть шло́сер. Железа́рь, понимаешь?

— Слесарь? — говорю я.

— Так, так, — отвечает Иван. — Нелегален комунист был.

— Друга́р! — говорит Тодор. — Товариш, слушай! Той Иван и́ма известни знания. И Славко и́ма известни знания. А мен ми е трудно. Главата ми не работи. — И он постукивает себя пальцем по лбу.

Иван звонко смеется.

— Ничего, — говорю я. — Научитесь.

— Ще се научим, — соглашается Тодор.

Проводник стучит в дверь и спрашивает:

— Чайку не желаете?

— Давайте, — говорю я.

— Четыре? — спрашивает проводник.

— Давайте, давайте! — повторяет Иван.

Проводник снимает с подноса четыре дымящихся стакана и уходит. Иван спускает вниз ноги в аккуратно заштопанных носках.

— Славко, да́вай, — говорит он. — Чай!

Славко молча покачивает головой, не отрывая глаз от окна.

Иван спрыгивает вниз и сует ноги в туфли. Тодор раскрывает чемодан, достает еду: домашний сыр с тмином, сухую колбасу, хлеб, масло и стеклянную баночку с яркими стручками красного перца. Он нарезает колбасу и хлеб, затем достает из баночки два стручка и тоже нарезает их небольшими кусочками.

— Паприка, — говорит он. — Черве́н пипе́р.

— Пьерец, — переводит Иван.

— Слушай, друга́рю, — говорит Тодор. — Киеве есть червен пипер?

— Есть, — говорю я.

— Добре е, — говорит Тодор. — Преди всичко българин любит червен пипер. А фасул тоже есть?

— Без фасоли не может жить, — говорит Иван, покатываясь со смеху. — Стар студент не может без фасоли жить...

Тодор делает бутерброды. Иван берет себе чай. Тодор протягивает наверх бутерброд и стакан.

— На, Славко, вземи, — говорит он с неожиданной для его угрюмого вида мягкостью.

Я допиваю чай и беру со столика болгарскую газету, — Тодор вынул ее из чемодана, доставая еду.

— Умеешь по-болгарски? — спрашивает Иван.

— Нет, — говорю я.

— Пробуй, пробуй! — Он смотрит на меня, готовый смеяться, и я вижу, что ему очень хочется, чтобы я почитал. Я начинаю читать вслух, и Иван смеется.

— Младость, — говорит Тодор, покачивая головой. — Младо ви́но...

Иван унимается, я продолжаю читать, и Тодор поправляет меня, когда я ошибаюсь в ударениях. Славко свешивается и тоже слушает, как я читаю, а потом лезет в карман, вынимает бумажник и достает оттуда сложенную вдвое пожелтевшую вырезку из газеты.

— Товариш, — говорит он. — Вземи, четй. Читай.

Я разворачиваю вырезку. Вверху ее портрет в траурной рамке. Тонкое лицо с высоким лбом и большими глазами. Очень похожее на лицо Славко, только старше и тверже.

— То его отец, — говорит Иван; он сразу становится очень серьезным.

Тодор говорит:

— Добрый чове́к. Комунист.

— Его фашисты убили, — говорит Иван.

— Пред очи́те, — говорит Тодор.

— На глазах у Славко, понимаешь? — про-

[1] Осторожно, смотри, не упади, парень!

должает Иван. — Он был конспиративен, таен, но очень хотел видеть сына, пришел ночью домой, его следили, и дом окружили со всех сторон. Он стрелял, и мать стреляла, а Славко был еще маленький. Потом отец хотел себя застрелить, чтобы им в руки не попасть, а мать не дала, и тогда его убили.

— Пред очите, — повторяет Тодор.

— Да, на глазах убили, — говорит Иван. — А мать совсем забрали...

Славко лежит, опустив голову на сжатый кулак. Я смотрю на портрет его отца в траурной рамке и на строчки некролога и думаю о том, что никакие слова не выразят того, что говорят сейчас черные глаза Славко.

— Тежко му е, — тихо говорит Тодор.

— Понимаешь, он думает, отец из-за него погиб, — еще тише прибавляет Иван.

Я поднимаюсь и возвращаю Славко пожелтевший листок и кладу ладонь на его худую горячую руку.

— Будем учиться, — говорю я ему, — и работать, чтобы этого никогда не было. Правда, Славко?

Он молча покачивает головой. Я выхожу из купе. В коридоре пусто. Я стою у окна, курю и злюсь на себя за слова, бессильные и жалкие перед большим человеческим горем.

Иван уже наверху. Он лежит на своей полке и дремлет, приоткрыв рот, а Славко все так же опирается головой на сжатый кулак. Тодор отложил свои книги и смотрит в окно. Увидев меня, он что-то ищет в словаре и затем говорит:

— Товариш! Покажи мне колхоз.

Я смотрю вместе с ним в окно на золотую щетину жнивья, убегающую далеко к горизонту.

— Вот это колхоз, — говорю я ему.

— Где? — недоуменно спрашивает он.

— Вот, это все.

— Всичко това? Все это? — спрашивает он.

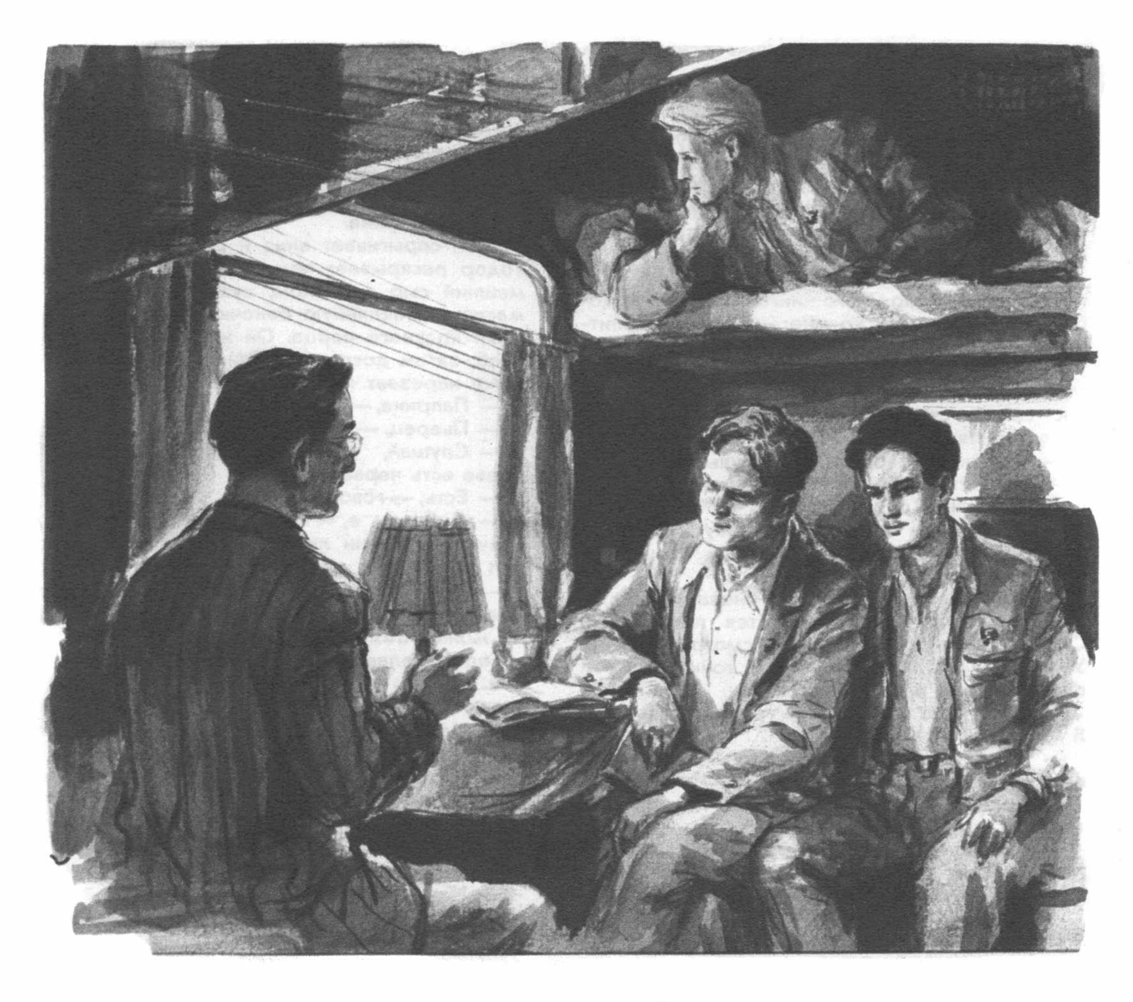
Я снова злюсь на себя за то, что не умею сказать того, что хочется, но тут в поле нашего зрения врывается село, и река, и стадо, пасущееся на лугу, и Тодор говорит:

— Колхоз?

— Да, — отвечаю я.

Тодор, видимо, удовлетворен. Поезд замедляет ход и гулко стучит по новому мосту. Сквозь размеренное мелькание ферм видна река и торчащие из воды остатки старого моста — выщербленные бетонные опоры и скрученное в жгут железо.

— Война, — качает головой Тодор и вздыхает.

Мимо проносятся сжатые поля со скирдами и молотилками, дальние села. В конце коридора появляется проводник. Он идет, наклонившись, и метет впереди себя метелкой.

— Извиняюсь, — говорит он, поровнявшись со мной, выпрямляется и достает из кармана смятую, кривую папиросу.

Я даю ему прикурить. Он прислоняет метелку к стене и говорит:

— Вот когда-то ездил я в спальных прямого сообщения, в международных, одним словом... Так там этого интуриста полно было. Да-а!.. — Он выпускает в окно струйку дыма. — Только, я вам скажу, тогда другой интурист был. Не то, что эти...

— Это студенты, — говорю я проводнику. — У нас учиться будут, в Киеве.

— А-а, — говорит он. — Понятно. Это — другое дело... — Он аккуратно гасит окурок и снова берется за метелку.

Я возвращаюсь в купе.

Поезд набирает скорость, и снова набегают и уносятся вдаль поля, леса и перелески. Хвостатые сороки сидят на телеграфных проводах, как нотные знаки на бесконечной линейке. Я укладываюсь, беру в руки книгу. Но читать почему-то не хочется. Вечереет. В вагоне тихо. Слышно, как Иван всхрапывает на своей полке. Тодор тоже укладывается и засыпает, свесив вниз свою коротколапую руку с искривленным мизинцем и мозолями на широкой ладони.

Я просыпаюсь от толчка. В купе горит неяркий свет. За окном медленно плывут огни большой станции. Кажется, это Брянск.

— Товариш, — говорит Тодор, — чай...

На столике дымятся четыре стакана. Иван и Славко сидят внизу. Тодор снова роется в чемодане, вынимает большую коробку.

— Товариш, — говорит он, — отечествен бисквит, пожалуйста... — И протягивает мне открытую коробку.

Все пьют чай, хрустя галетами. Поездной радист заводит свою музыку, но кто-то уже приглушил динамик, и звуки теперь доносятся издалека, — кажется, будто поют рядом с поездом, там, в густой темноте осенней ночи. Славко достает из потертого портфеля тетрадь, карандаш и принимается за письмо. Он пишет, наклонив набок голову и высунув кончик языка, и от этого лицо его становится совсем детским.

— Иван, — спрашиваю я, — скажите, кем бы вы хотели быть? Вы понимаете меня?

— Понимаю, — говорит Иван. — Я буду... как то се говори?.. Физик, понимаешь? А Славко будет писател. А стар студент будет учител. Строг учител, понимаешь? — Он звонко хохочет и тормошит Тодора: — Бу-бу-бу, строг учител... — И снова смеется.

— Ох-хо-хо, неопитно момче! — качает головой Тодор.

— Слушай, товариш, — говорит он мне. — Я буду учител. На русский язык. Това ме влече[1], понимаешь?

— Бу-бу-бу, стар учител, всех учить будет! — не унимается Иван.

Проводник вносит постели. Мы все стоим в коридоре, пока он стелет. Потом Иван и Славко раздеваются и лезут на свои полки, Тодор тоже укладывается, и я зажигаю синий ночной свет. Иван тихо мурлычет какую-то песню — печальную и суровую, как пение ветра над горами.

— Балкан,— тихо говорит Тодор.— Наша народна песен. — Он глухо вторит Ивану.

Утром яркое солнце бьет в окно сквозь белую занавеску. Иван и Славко возятся с чемоданами, Тодор бреется, стоя у зеркала.

— Напълно готов, совсем готов, — говорит он, щупая рукой подбородок. — Доброе утро, товариш!

Я поспешно одеваюсь, беру полотенце, мыло, щетку. Когда я возвращаюсь, на столике дымятся четыре стакана.

— Пожалуйста, — говорит Тодор.

Мы пьем чай, а потом проводник приходит за стаканами и говорит мне:

— Извиняюсь, можно вас на минуточку?..

Я выхожу вслед за проводником. Он закрывает дверь и говорит:

— Вы, конечно, извините, за чаек с вас получить надо.

Я лезу в карман, а проводник читает на моем лице удивление и продолжает:

— Понимаете, не хочется с этих ребят деньги брать. Такое дело, студенты... И потом, так сказать, гости...

Я вынимаю десять рублей.

— Помельче не будет? — говорит проводник.

— А вы за всех получите, — отвечаю я.

— Э, нет! — сердито говорит он. — С вас рубль восемьдесят.

Я кладу на поднос два рубля, и проводник уходит.

В окнах мелькают высокие сосны и пески Дарницы, и уже виден по-осеннему обмелевший, но все-таки могучий и широкий Днепр. Тодор, Иван и Славко выходят в коридор. Поезд медленно идет по длинному мосту. Видны крутые днепровские склоны, густо заросшие кудрявой зеленью, и высокая колокольня лавры, и тонко прочерченная в синем небе телевизионная мачта.

— Вот и Киев, — говорю я.

— Хубаво, — тихо говорит Тодор. — Красиво.

Они стоят у окна и жадно всматриваются. Мимо плывут дома на холмах, и где-то внизу медленно ползет красный вагон трамвая. Поезд втягивается на станцию, лязгая на стрелках. Я беру свой чемодан. Иван, Славко и Тодор все еще стоят у окна.

— До свидания, товарищи, — говорю я им. — Желаю успеха!

— До виждане, другáрю, — говорит Тодор. Он крепко жмет мне руку. Иван и Славко тоже прощаются.

На перроне обычная суета, возгласы, поцелуи. Поток людей выплескивается на площадь, и здесь я еще раз вижу моих попутчиков. Они идут, окруженные какими-то парнями. Тодор несет подмышкой яркий букет осенних цветов, а Иван звонко смеется.

[1] Это — мое влечение.

Четыре друга

В заводской стенгазете появилась заметка о неблаговидных поступках фрезеровщика З., которого автор назвал «типом прошлого». Он попирал установившиеся в коллективе обычаи: прятал от товарищей инструмент, когда к нему обращались за советом или помощью, требовал «мзды».

Это был из ряда вон выходящий случай. На заметку бурно реагировали.

В обеденный перерыв в слесарно-механическом цехе собралась группа рабочих. Негодовали, высказывали недоумение, как мог появиться в коллективе такой «экземпляр». Попутно обрушились и на тех, кто дружил с ним.

— Ну что это за дружба? — поправил кто-то. — Гуляют вместе, а на работе чужие друг другу. В бригаде Серафонтьева — вот дружба!

С этим все согласились. Молодых слесарей из бригады Серафонтьева уважают на Московском заводе физприборов не только как хороших рабочих, но и как общительных парней, готовых в любое время помочь делом и советом. Дружба между ними известна всем: они работают в одной бригаде уже несколько лет и сжились, как братья.

Двое из бригады — Константин Серафонтьев и Михаил Степанов — имеют шестой разряд; Вилис Кетнер и Василий Котов — слесари пятого разряда. Друзья решили: все в бригаде должны иметь шестой разряд. Первый на очереди Вилис Кетнер.

...Вот уж никто не думал, что Вилис будет так волноваться перед пробой! Этот обычно спокойный, рассудительный латыш то и дело возвращался в цех с заводского двора, где он сваривал кожухи для приборов, и, остановившись у своих тисков, молчал. Последние дни Кетнер пропадал в технической библиотеке, повсюду таскал с собою «Справочники металлиста». Казалось бы, нет у него оснований волноваться.

— С практикой справлюсь. Теории боюсь, — сказал Кетнер, гладя шершавой ладонью холодный металл.

— Ага! А я о чем тебе всегда говорил?

Возник старый спор между бригадиром и слесарем. Но на этот раз Серафонтьев прервал разговор, считая, что неуместно в день, который должен запомниться Кетнеру, портить ему настроение. Плохо, конечно, что Кетнер остановился на шести классах. Недаром побаивается инженера: тот непременно спросит формулы, а Кетнер в них не силен. Но знания — дело наживное, и, кажется, Вилис уже понял, что надо учиться.

Наконец Кетнера вызвали в кабинет начальника цеха, где собралась квалификационная комиссия. Котов и Степанов сидели на железных табуретках и щипцами кромсали стальные пружины. Они думали о Кетнере. Каково сейчас самочувствие их Вилиса? Впрочем, он парень не робкого десятка!

Через час в цех вернулся Кетнер. Улыбается! Ну, конечно же, все в порядке!

Теперь очередь за Котовым. Один он остался в бригаде с пятым разрядом. Уж они все помогут ему!

* * *

Бывает, что бригада месяцами выпускает одни и те же детали. Темпы не снижаются, но Серафонтьев чувствует, что ребята начинают скучать. Неплохо, что они хотят нового. Новое будит мысль, требует сметки.

Но вот получен чертеж на изготовление шасси для электронного усилителя. Сосредоточенно склоняются друзья над листом полуватмана. Дело довольно кропотливое. На каждой отдельной детали надо вручную сделать разметку, затем нанести специальным инструментом нарезку, а потом сверлить.

Каждый молча обдумывает, как лучше сделать. И как-то сообща, коллективно, в репликах, возражениях, догадках высказывается мысль, что надо миновать две первые операции, сразу сверлить. Почему бы не сделать для этого специальное приспособление — кондуктор? Зажимать в него деталь и через отверстие сверлить. И когда первая проба проходит удачно, все искренне радуются. Дело теперь пойдет полным ходом, во много раз увеличится выработка.

Творческими поисками путей совершенствования труда постоянно занята вся бригада. Работа слесарей в основном физическая. Тиски, ножовка, молоток — вот те инструменты, с которыми им приходится иметь дело. Но бригада стремится как можно меньше затрачивать физических усилий, настойчиво внедряет «оснастку», которая рассчитана на улучшение технологического процесса. На языке слесарей это называется «умно работать».

...В обеденный перерыв Кетнер поспешил в техническую библиотеку. Вернулся недовольный: не смог выбрать ничего подходящего. «Вот и повышай свой теоретический уровень!..»

Степанов подлил масла в огонь: «Никогда в этой библиотеке не достанешь нужной книги. Когда ни спросишь, все на руках. Дадут тебе справочник — и катай!..»

Серафонтьев, прислушиваясь к разговору, испытывал чувство удовлетворения.

Это хорошо, что они сердятся. Сегодня книги нет — завтра будет, а главное, слесари уже не могут без нее обойтись.

* * *

Кончился рабочий день. Сегодня получка. Заработок неплохой, не менее 1 700 рублей в месяц.

Обычно в такие дни если не отправляются в кино или театр, то всей компанией идут на квартиру Серафонтьева: у него телевизор. Хорошо собраться вместе, поговорить по душам о работе, о жизни...

Друзья любят послушать рассказы своего бригадира, бывшего фронтовика, капитана Советской Армии. Много пережил за свои 30 лет Серафонтьев. Тупой болью дает знать о себе в непогоду рана.

Иной раз идут домой к Степанову. 70-летний отец его проработал металлистом более полувека. И сейчас он продолжает трудиться, не бросает любимого дела. Как-то старик сильно помог друзьям, подсказав, как лучше паять ротор. По этому случаю бригада наказала Михаилу «крепить творческие связи» со стариком, перенимать его опыт.

Собираются и у Котова. Здесь они посмеиваются над слабостью товарища: любит он разводить рыб. Дома у него три аквариума. Он постоянно озабочен, не опоздать бы с кормежкой своей разноцветной мелюзги.

У Серафонтьева был однажды серьезный разговор с Котовым. Оба они коммунисты, по ним другие равняются. И не только в работе.

— Зинаида на старом месте работает?

— На старом.

Серафонтьев знал жену Котова. Она окончила ремесленное училище, одно время работала на их заводе токарем. Здесь с ней и познакомился Василий. Веселая была девушка и хорошая работница. Но вышла замуж, бросила работу по специальности и устроилась на другом заводе кладовщиком.

Не так оно должно быть, считает Серафонтьев. А как? Может быть, нескромно говорить о себе, но сейчас сказать стоит.

Под его влиянием жена Галина заинтересовалась производством и стала гальваником. Жизнь их стала интереснее, содержательнее. Неужели Котову безразлично, что его молодая жена, хорошо знающая токарное дело, всю жизнь будет кладовщиком?

Бригадир говорит неторопливо, осторожно. Василий задумывается. В самом деле, не помнится ему, чтобы хоть раз завел он с женой разговор о том, что она должна вернуться к станку.

Серафонтьев умолкает. Принял ли Василий к сердцу его слова? Пожалуй, принял...

...Завтра четыре товарища снова встретятся в цехе. Там сдружились они, там зародились у них общие интересы. А потом и в личной жизни сошлись они. И недаром на заводе считают их настоящими друзьями.

М. ЛОБАНОВ

Бригада слесарей. Слева направо: В. Котов, К. Серафонтьев, М. Степанов, В. Кетнер.
Фото О. Кнорринга.

ПЕРВОЕ ГОРЕ

Из нового романа

Всеволод КОЧЕТОВ

Рисунок О. Верейского.

Безмолвно и медленно поднимались они на свой третий этаж: Павел Петрович впереди, Оля — на шаг отставая.

Точно так же вот, медленно, не сказав друг другу ни слова, разделенные этим скорбным шагом, отец и дочь прошли пешком через весь промерзший, хмурый город от кладбища до дома. Над городскими крышами крутил ветер с Ладоги, по ледяным улицам, заметая трамвайные пути, волочила свой призрачный хвост февральская поземка, она хлестала в лицо, в колени, в спину. Оле казалось, что уличный холод добрался до сердца, что и оно застывает, как давно застыли руки и ноги,— вот стукнет еще раз — и перестанет.

Броситься бы вверх по лестнице бегом, как всегда, обогнать папу, первой нажать беленькую кнопочку звонка... Но спешить незачем и некуда: сегодня никто не откроет дверь, в которую двадцать два года назад молоденькая мама впервые внесла на руках свою маленькую дочку. Мама не доверила ее папе, потому что молодой папа, собираясь в родильный дом, надел новые ботинки и на весенней гололедице всю дорогу поскальзывался.

Нет, совсем-совсем незачем спешить теперь к такой знакомой, такой родной двери, обитой коричневой клеенкой, на которой в ее, олину, бытность, кажется, в седьмом, а может быть, еще и в шестом классе один озорной мальчик нацарапал булавкой: «Оля + Шурик = ?».

Папу, наверно, тоже страшила пустая квартира. Дойдя до двери, на которой Оля вновь увидела так и не решенный вопрос, когда-то волновавший озорного мальчика, Павел Петрович остановился и долго, не шевелясь, стоял спиной к Оле. Она машинально перечитывала тысячу раз прочитанные надписи на стенах, на перилах, на ступенях лестницы. Дворники стирали и замазывали их каждую неделю, но надписи появлялись вновь: «Любка дрянь», «Любка дура», «Любка — козьи ножки». Этажом выше жил знаменитый тенор, и сумасшедшие почитательницы артиста до слез ненавидели его стареющую жену за то, что она мешала им врываться в квартиру, не звала его к телефону и прямо на лестницу вытряхивала из почтового ящика их письма.

Оля не заметила, как Павел Петрович достал из кармана ключ и повернул его в замке,— она увидела распахнутую дверь и полосатую материю, которой было затянуто зеркало в передней. Павел Петрович обождал, пока Оля переступит порог, захлопнул дверь и ушел в столовую. Оля заглянула туда. Отец сидел, сгорбившись, в кресле возле окна, как был: в пальто, в шапке, в галошах. Воротник пальто поднят, верхний крючок застегнут,— за тем, чтобы всегда было так, много лет следила мама, беспокоясь о здоровье папы, который часто простужался. Кто же сегодня заставил его обмотать шею шарфом и плотно застегнуть пуговицы и крючки? На шапке, на воротнике, на бровях папы таяла снежная пыль, и по лицу его, по щекам, отражая скупой вечерний свет, катились мелкие капельки. Папин взгляд был устремлен в спинку высокого стула, на котором, разливая чай и хозяйничая за столом, любила сидеть мама.

В доме было тепло, но Олю охватил озноб, еще больший, чем на улице. Она должна была кинуться к папе, обнять его, утешить. Но она не могла сделать это, у нее не было сил, она сама ждала, все время ждала откуда-то утешения; далеко в сознании теплилась надежда, что все это окажется вдруг неправдой, чьей-то злой, отвратительной шуткой.

Она прикрыла дверь в столовую, оставив там папу, ушла в его кабинет и, тоже не раздеваясь — в пальто, в вязаной шапочке, в ботах,— легла на холодный черный диван. В кабинете стоял сумрак от приспущенных штор, снежная пыль скреблась за окнами, размеренно и не спеша постукивали большие часы в углу... Оля вновь услышала скрежет лопат и до ужаса равнодушный стук мерзлой земли о дерево. Она сжалась в комок на диване. Кто сказал, что ей, Оле, двадцать два года? Ей нет и десяти. Ей восемь... семь... Она вот возьмет и заплачет, закричит на весь дом, на весь мир: пусть все люди узнают о ее неслыханном горе; но она так исплакалась в минувшие жуткие дни, что уже не могла плакать, она могла только тихо стонать. Под этот тихий стон она и задремала.

Да, да, все было неправдой, ведь Оля так и знала! В передней громко зазвонил звонок — энергичный, резкий, его ни с чьим другим никогда не спутаешь. «Мамочка, мамочка пришла!» — закричала Оля изо всех сил и — очнулась.

Звонил телефон на папином столе. Со стены на Олю смотрела мама. На улице зажгли фонарь, и в его качающемся свете мама была как живая. Это была совсем молодая мама: коротко стриженная, почти мальчик, в гимнастерке, которую она и папа почему-то называли юнгштурмовкой, с узким ремнем через плечо, с комсомольским значком на карманчике. Казалось, мама тряхнула своей стриженой головой, высоко взлетели ее красивые брови, в глазах вспыхнули веселые синие искры...

Телефон звонил и звонил почти непрерывно, замолкая лишь на короткие минуты. По временам звонили и в передней. Но совсем не условным маминым звонком. Поэтому ни она, Оля, ни папа не шли отпирать. Они никого не хотели видеть, они, не сговариваясь, скрылись от всех родных, знакомых и друзей, как только эти страшные мерзлые комья перестали стучать о дерево. Сейчас, конечно, друзья беспокоятся. Но неужели они думают, что в таком горе возможны какие-нибудь утешения?..

Оля встала с дивана, зажгла верхний свет и подошла к маминому портрету близко-близко. Она принялась внимательно рассматривать каждую черточку на мамином лице. Так она рассматривала это бесконечно родное, милое и самое красивое лицо только в раннем детстве, когда не было на свете никого умнее и красивее, чем мама. Лет с пятнадцати или шестнадцати Оля никогда так близко не подходила к маминому портрету и никогда уже не рассматривала его так внимательно, с таким обожанием и любовью. Кончилось это, кажется, именно в ту пору, когда один озорной мальчик нацарапал на дверях ту загадочную формулу с плюсом и вопросительным знаком.

С годами Оле в тягость становились мамины заботы и мамина опека, у Оли возникали свои интересы. Оле надо было спешить на каток, в школу на вечер, куда пригласили мальчиков из соседней школы. Происходили встречи на уличных углах, велись полные глубочайшего значения, очень-очень важные разговоры; они заканчивались или бесконечно долгими стояниями возле подъезда олиного дома, когда нет никаких сил сказать друг другу: «До свиданья»,— или ссорами «навсегда».

Потом пошли институтские дела, более серьезные, чем школьные; все меньше и меньше Оля говорила о них с мамой; они все больше и больше заслоняли собой маму. Конечно, мама всегда оставалась мамой — самой любимой и самой родной, но обнаруживалось это почему-то, только когда Оля заболевала и мама превращалась в сиделку возле ее постели, ставила на горло компрессы, записывала три раза в день температуру в тетрадку, в ночном полумраке подносила к сухим олиным губам кружку с клюквенным морсом.

Оля болела редко, и поэтому редко раскрывала свою душу перед мамой. Здоровая, она считала, что мама существует для удобства ее, олиной, жизни. Маме уже ничего не нужно: маме уже сорок лет; зачем маме такие красивые туфли и платья, зачем маме идти в театр? Это ей, Оле, нужны наряды и развлечения, потому что у нее, у Оли, молодость и вся жизнь впереди.

У Оли, бывало, собирались товарищи по институту. Оля перед этим ластилась к маме — мама готовила, пекла, жарила, мама хлопотала, как будто бы это к ней, к маме, придут гости, а не к Оле, мама красиво накрывала стол. И тогда Оля всячески старалась выпроводить из дому и маму и папу: они ей мешали. Папа уходил очень охотно, он не любил студенческого шума, он любил поразмышлять в тишине. А мама... Оля видела по маминым глазам, что маме хотелось бы побыть в молодой компании, потанцевать, спеть. Разве маму можно было отличить среди олиных подруг? Ни фигурой, ни жизнерадостностью, ни свежим, без морщинок, лицом — ничем мама им не уступала.

Но Оля была жестока, она старалась не видеть маминых глаз.

Страшно подумать, она, Оля, радовалась, когда мама и папа уезжали на курорт. Она всегда ждала этого дня, потому что с этого дня она становилась хозяйкой в доме. Могла делать все, что ей вздумается.

«Мамочка, мамочка,— шептала Оля, прижимаясь горячей щекой к стеклу портрета,— если бы ты только вернулась!.. Только бы с тобой мы ходили в театр, только бы с тобой танцевали и пели, только бы ты, только бы ты одна и никто-никто другой мне никогда бы не был нужен. Мы бы вместе проводили все вечера, мы бы рассказывали друг другу о себе все-все. Родненькая мамочка, ведь ты так мало знаешь о своей дочке, у нее такое множество всяческих тайн от тебя!..»

Оля отстранилась от холодящего стекла, как бы ожидая маминого ответа на свою мольбу. И ей показалось, что мама смотрит на нее с укором, будто бы говоря: «А много ли ты-то обо мне знаешь, дочка? Часто ли ты расспрашивала меня о моей жизни?»

Оля вздрогнула от глухого удара в окно. Она подошла, отогнула край шторы: к стеклу прилип комок снега. С еще более сильным стуком рядом с первым комком появился второй. Чьи там руки согревали промороженный, сухой снег?

Внизу на мостовой Оля увидела темную фигуру; человек нагнулся, собирая, должно быть, снежную пыль для нового комка. Узнать, кто это, было невозможно: на улице попрежнему мела поземка, заслоняя все, как туманом. Оля и не стремилась узнавать. Может быть, это Володя или Анатолий... Не все ли равно! Что им надо? Как люди не понимают!.. Оля тяжело вздохнула. Вспомнила обоих. И тот и другой, кажется, ей нравились когда-то. Но папа... Ах, этот папа!.. Он способен убить человека одним ядовитым словом. «Не хочешь ли ты выйти за него замуж? — начнет он вдруг разговор, заметив, что Оля слишком часто упоминает имя Володи или Анатолия.— Очень приятный молодой человек. Только что это у него с подбородком? Удивительный подбородок! Вот ведь каприз природы! Раздвоила парню подбородок природа. Извини меня, Олечка, но это не подбородок, а... как бы это тебе сказать поделикатнее... черт знает что!» Или про Анатолия скажет: «Довольно лопоухий товарищ. Он мне напоминает звукоуловительную установку на зенитной батарее. А так вообще миляга, миляга».

Папа скажет — и все кончено. Смотрит Оля на Володю и не может глаз отвести от его подбородка, как будто Володя только и со-

стоит что из этого подбородка с предательской ложбинкой посередине. Смотрит на Анатолия — и тоже хоть плачь: нет Анатолия, есть звукоуловительная установка.

Папа почему-то даже мысли не выносил о том, что она, Оля, когда-нибудь может выйти замуж. «Это же ужасно! — говорил он маме с негодованием.— Будет штопать носки какому-то прыщеватому юнцу, гладить его засаленные штаны, варить ему вонючие рыбные селянки! Будет исполнять его дурацкие капризы. Почему? По какому праву? Почему она должна уйти из дому бог весть куда и всю жизнь слоняться следом за своим, извините, повелителем и кумиром?» «Ну, а мы-то с тобой, Павлик,— отвечала с улыбкой мама.— Ты забыл уже, как было у нас, как я штопала твои...» «Перестань!.. Мы!..— возмущенно перебивал папа.— Нашла что с чем сравнивать! Мы! Мы совсем другое дело. У нас все было по-другому!»

Лет десять, восемь назад Олю почему-то остро волновали папины и мамины отношения. Когда никого не было дома, она забиралась сюда, в папин кабинет, и отмыкала ключом вон ту левую тумбочку письменного стола, где, перевязанные шпагатом, хранились толстые пачки писем: от мамы к папе и от папы к маме. Среди писем было еще и множество фотографических снимков. С тех далеких пор Оля не заглядывала в левую тумбочку папиного стола. «У нас все-все было по-другому»,— прозвучал в ее ушах папин голос, вновь напоминая Оле о существовании этих писем и фотографических снимков.

Выключив верхний свет, Оля села в папино кресло, зажгла лампу под зеленым абажуром, вытащила из стола первую затянутую шпагатом пачку — и тотчас на старый почтовый конверт из олиных глаз с отчетливым стуком упали две тяжелые слезы: адрес на конверте был надписан маминой милой рукой, родным маминым почерком, которым всегда писались все деловые записки Оле: «Суп и второе завернуты в твое одеяльце. Кушай. Вымой потом посуду». Или: «Приду сегодня поздно, похозяйствуй, пожалуйста, за меня. Не оставь без обеда нашего папу».

Телефон продолжал названивать, снежные комья летели в окно, перед дверью на лестничной площадке стучали каблуками в кафельный пол, часы в углу кабинета отбивали время через каждые тридцать минут. Но Оля уже ничего не слышала. Старые письма и старые фотографии страница за страницей раскрывали перед ней книгу жизни ее родителей.

Вот папино письмо военного времени. Папа пишет из Кенигсберга. Он пишет, что город еще в огне, что еще идут бои в центральных кварталах, но его дивизион уже вышел из боя, стоит на берегу какого-то озера, солдаты сбросили гимнастерки и студеной водой ранней весны смывают с себя пороховую копоть. Пусть мама извинит за грязную бумагу: это наделал дым пожарища.

Письмо было бодрое, веселое. Оно заканчивалось словами папы о том, что теперь-то уж скоро войне конец, теперь-то он скоро вернется, «...и жизнь у нас пойдет!.. Всем на зависть». Оля хорошо помнила, как они с мамой прыгали, прочитав это письмо, как вместе сочиняли ответ папе. Вот он, этот ответ, тоже здесь, в пачке. Сначала мама подробно сообщает о своих научных делах, о том, как подвигается у нее работа над диссертацией. А потом идет всякая фантастика: описание предполагаемой встречи после войны.

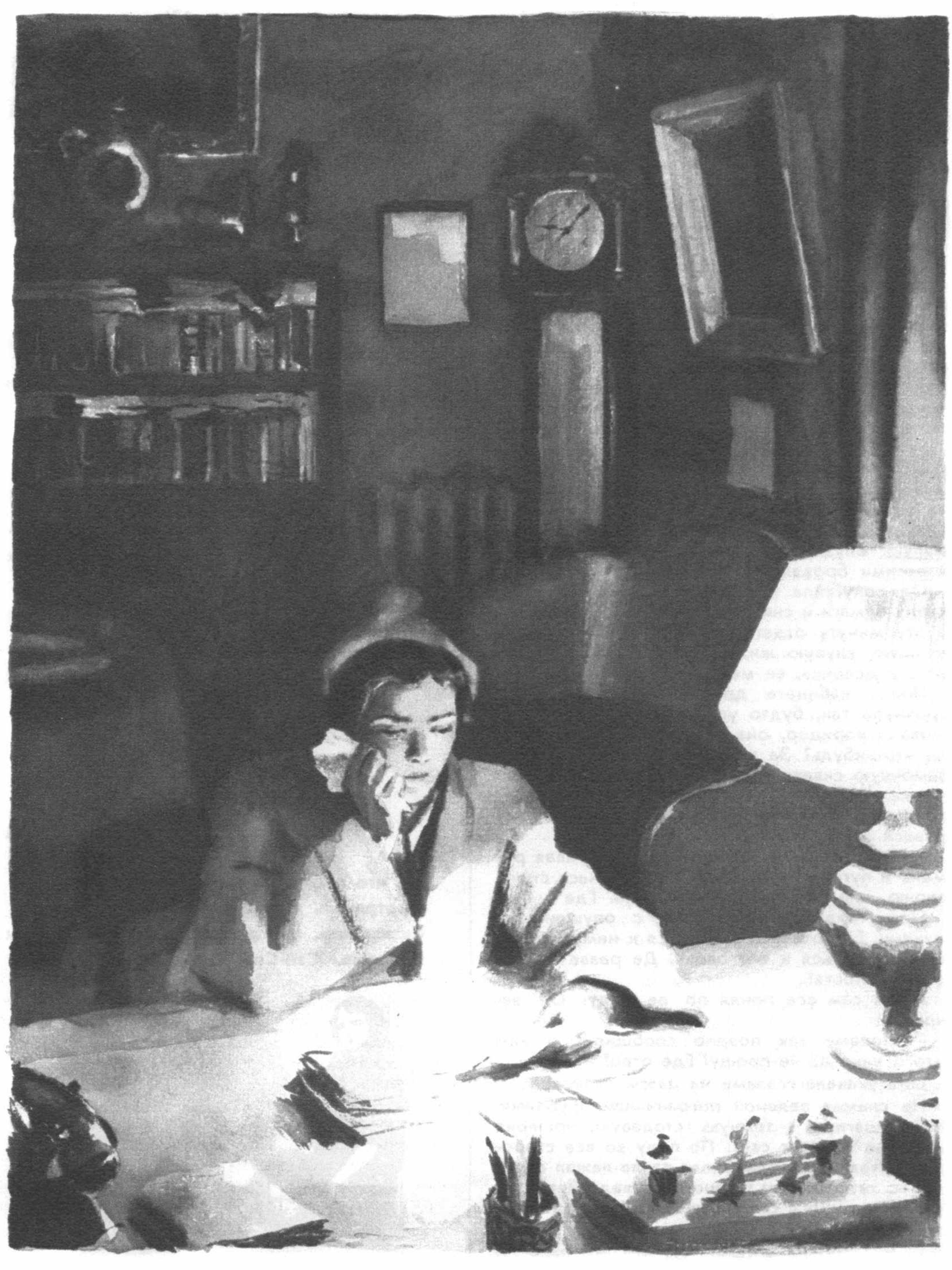
Получилось-то совсем иначе. Не было никакого белого коня и оркестра, не было ни цветов, ни чепчиков, которые женщины якобы должны были бросать в воздух при подходе папиного поезда к перрону. Мама стояла в очереди за сахаром в коммерческом магазине, а папа, сойдя с трамвая — с чемоданом, с мешком за плечами,— зашел в магазин, чтобы оттуда, из магазина, позвонить домой, прежде чем явиться самому. Мама услышала за своим плечом голос: «Гражданка Колосова...», — обернулась и — такая материалистка, последовательница академика Павлова, непримиримый борец против субъективизма в биологии — упала в обморок.

Оля вытащила из середины пачки следующее письмо. Точнее, это было не письмо, а памятка. Ее папа оставил маме, уходя на фронт. Он приказывал маме немедленно эвакуироваться в далекие тыловые области и увезти с собой Олю. Известно, что мама не выполнила папин приказ. Она не уехала с институтом за Урал, она отказалась от своей научной работы и пошла врачом в госпиталь и ее, Олю, никуда от себя не отпустила.

В памятке было много всяких пунктов. Одни мама выполняла, о чем каждый раз считала нужным сообщить папе, а другие вот не выполняла, как папа ни сердился в письмах.

Дальше пошли письма или забытые Олей, или не понятые ею в детские годы, или совсем ей неизвестные. По этим письмам было видно, что папа и мама часто расставались. Папа ехал куда-то первый, в какой-нибудь новый город, там устраивался, потом к нему с маленькой Олей и еще меньшим Костей приезжала мама. Так они побывали в Харькове, в Магнитогорске, в Челябинске, в Кузнецке. Они что-то строили, с кем-то ссорились, против кого-то боролись. Иногда они уезжали друг от друга на зачетные сессии: папа — в Москву, мама — в Ленинград, потому что оба заочно учились. Папины и мамины письма следовало бы читать, держа под руками географическую карту и учебник новейшей истории — столько мелькало в них названий городов и мест, в которых города возникали много позже, столько упоминалось и комментировалось всяческих важных событий. Оля ни в одной книге не встречала таких подробностей о коллективизации в деревне, про какие папа писал с Украины. Он, молодой слесарь, был там с бригадой рабочих, и до чего же им было трудно в окружении представителей злобного, умирающего класса кулаков!

Оля отыскала фотографию, на которой возле какого-то пузатого железного барабана на дощатом помосте были изображены мама и папа. Папа — в комбинезоне, из карманов над коленками торчат инструменты. Сам в кепочке, сдвинутой на ухо. Улыбается во все лицо. Мама — в брезентовой аккуратной курточке, в сборчатой юбке, в русских сапогах, волосы повязаны платочком. Тоненькая-тоненькая. И тоже улыбается, но сдержанно и гордо. Она отметчица на бетономешалке, ей шестнадцать лет. Она уже три дня знакома с папой. Фотографирует их в обеденный перерыв папин друг, тоже слесарь, Федя Макаров. Все это маминой рукой написано на обороте карточки. Только не написано, что они там строили, мама и папа. А догадаться трудно: они так много строили, и в стольких местах!.. Письма той поры были истертые, ветхие, распадающиеся на клочки. Адрес на конвертах начинался словом «здесь». Папа писал что-то очень нервное, непонятное отчаяние у него перемешивалось с лирикой. Мама отвечала безразлично и холодно. Оля не могла не

улыбнуться сквозь слезы, прочитав слова: «Я не понимаю, о чем ты говоришь. Я предлагаю — давай останемся навсегда друзьями». Ой, хитрая мамочка! Она, Оля, тоже так ответила однажды Анатолию, когда он заговорил о своих чувствах. Оля тоже прикинулась ничего не понимающей и подала ему руку «на дружбу».

Мамины и папины письма и совместные фотографии начинались только с той поры, когда мама и папа встретились возле бетономешалки, ремонтировать которую был прислан слесарь Павлуша Колосов. До той поры были фотографии отдельно мамины, отдельно папины. Оля не могла оторвать взгляда от большого снимка: в тени вековых лип в две шеренги выстроились пионеры. В центре, под самым знаменем, справа, гордая маленькая девочка, с высоко поднятой головой, в белой блузке и в белых носочках, в коротенькой юбочке, едва до загорелых худеньких колен, с галстуком, повязанным по всем пионерским правилам (она потом и Олю учила так повязывать галстук), брови строгие. И у всех там, под этим знаменем, очень строгие лица. Они и песни в те времена пели какие-то очень строгие. Бывали такие вечера воспоминаний, когда мама и папа запевали те свои пионерские и комсомольские песни. Почему, почему она, Оля, такими вечерами убегала в кино или просто с девочками на улицу? Вот и не вспомнишь теперь, что мама и папа пели про паровоз, который летит вперед и у которого остановка будет только в коммуне, что они пели про Буденного и первого красного офицера товарища Ворошилова, про вороного коня, который должен был передать о том, что его хозяин честно погиб за рабочих...

Ничего-то она, Оля, толком не знала о своих родителях. Перед нею были их почетные грамоты, собранные в отдельную папку, похвальные листы, выписки из приказов, виднелись слова: «За отличную работу», «За образцовое исполнение», «За большевистскую инициативу»... И все это Оля видела будто бы впервые; и не будто бы впервые, а совершенно определенно впервые своим обострившимся от горя сознанием ощутила папу и маму во всех их незаметных, но больших-больших делах. Она вдруг увидела все это поколение сорокалетних, на плечи которого ложилась одна величайшая трудность за другой, которое приняло советскую власть из рук старших, которое зажглось идеей строительства коммунизма и во имя этого не жалело ни сил, ни здоровья, ни крови и жизни. Для Оли все это героическое поколение как бы сошлось в одну точку, вот сюда, под пионерское знамя, на котором было написано: «К борьбе за рабочее дело будьте готовы!» Оно предстало перед ней в образе одетой в белую блузку маленькой девочки с очень строгими бровями.

Оля опустила голову на раскиданные по столу бумаги и снимки. Она бы не задумалась в эту минуту отдать свою никому-никому не нужную, глупую жизнь, лишь бы только жила эта девочка, ее мама.

Пол в кабинете дрогнул. Что-то в доме грохнуло так, будто упала бомба. Оля выбежала в коридор, она испугалась: не с папой ли что-нибудь? За входными дверями сквозь замочную скважину слышался крик: «Откройте же, откройте или буду ломать!» Голос был знакомый. Оля отворила. В переднюю ворвался занесенный снегом Костя.

— Где мама? — крикнул он, расстегивая ремень и пуговицы на шинели.— Два часа стучу, звоню, швыряюсь снегом в окна. Где мама?

Оля стояла перед братом с опущенными руками. Ей хотелось броситься к нему, обнять его, прижаться к его плечу. Да разве он позволит, Костя!..

Костя сам все понял по ее виду. Он закричал:

— Почему так поздно сообщили? Я вам этого никогда не прощу! Где отец?

Оля указала глазами на дверь столовой.

Не снимая зеленой пограничной фуражки, Костя шагнул в темную столовую, пошарил на стене и зажег свет. По полу во все стороны растекалась вода. Возле стола лежал самовар с отломанным краном. Павел Петрович стоял над ним с белым лицом. Увидев Костю, он сказал:

— Вот уронил в темноте... Как же быть-то?

Из Джанни Родари

Переводы С. **МАРШАКА**

Рисунки О. Верейского.

НАШЕ ВИНО

Наше вино с осторожностью пробуй!
Нрав у него, как известно, особый.
Белый ли, красный ли цвет у вина,—
К нашим разливам привычка нужна.

С этим вином не шути, чужестранец!
С ног оно свалит испытанных пьяниц.
Мигом тому, кто к нему не привык,
Вскружит башку и развяжет язык.

Выпив, приезжий начнет бесноваться:
«Я управляй итальянская нация!
Я есть хозяин над ваша страна!»
Вот что бывает от кружки вина.

Надо молодчикам заокеанским
Жар поубавить душем шотландским,
Чтоб не тянулись к чужому вину,
Чтобы в свою убирались страну!

КЛАДБИЩЕ В РЕДИПУЛЬЕ

Мы вместе лежим под плитою холодной,
Берсальер, пехотинец, альпийский стрелок.
Крестьяне, рабочие в форме походной,
Мы спим под землею, и сон наш глубок.

В бою мы погибли от бомбы, от пули.
О нас говорят только несколько строк.
Как братья, мы рядом лежим в Редипулье,—
Берсальер, пехотинец, альпийский стрелок.

Вы нас не тревожьте в глубокой могиле,
Но крепко заприте войну на замок.
Единственной жизнью за мир заплатили
Берсальер, пехотинец, альпийский стрелок.

ЖЕНЩИНЫ САН-СЕВЕ́РО

Ты, что в окошко глядишь равнодушно,
Смотритель тюрьмы этой серой,
Скажи нам, что делают в камерах душных
Женщины Сан-Северо.

Писать они учатся в тесной темнице
И тихо, строка за строкою,
Письмо своим детям на белой странице
Выводят нетвердой рукою.

В детстве за партой они не сидели,
Косы закинув за плечи.
Пишут они, что сказать бы хотели
Детям и внукам при встрече.

«Мы невиновны, дети и внуки,
Просили мы хлеба, свободы.
Пускай же в отчизне за все наши муки
Настанут счастливые годы!»

КАРУСЕЛЬ

Тебе, курчавый мальчуган,
Я шлю привет за океан.

У белых на ярмарке нынче веселье.
Люди катаются на карусели,
Круглой, блестящей, на солнце похожей.
Дети на каждом луче золотом,
Не уставая, летают кругом.
Ты на луче покружился бы тоже,
Да не пускают тебя, чернокожий.

Ты говоришь: — Я родился в стране,
В этой стране, называемой Штатами.
Рос я под солнцем с другими ребятами.
Дайте немножко Америки мне!

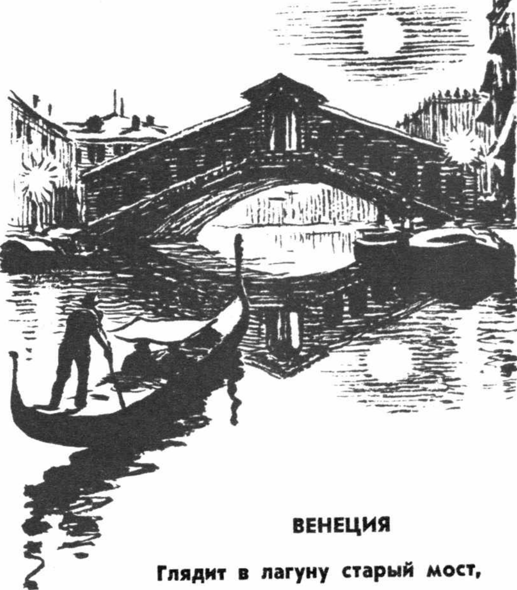
ТАМ — В ГОРАХ

Из песен Италии

На горных склонах гудит буран.
Густа завеса снегопада.
Но пусть бушуют силы ада,
В горах не дрогнет партизан.

Пускай о нем никто не плачет,
Когда он падает в бою.
Кто был свободен и пал в строю,—
Для тех и смерть так мало значит!

ВЕНЕЦИЯ

Глядит в лагуну старый мост,
И так вода ясна,
Что в ней встает такой же мост,
Такая же луна.

Светла, как небо, глубина,
Полна таких же звезд.
Где ж настоящая луна!
Где настоящий мост!

Три песни

С. МАРШАК

Джанни Родари — известный итальянский поэт-коммунист — написал повесть для детей «Приключения Чиполлино». Все действующие лица этой веселой повести изображены в виде различных овощей и фруктов: принц Лимон, помещицы — графини Вишни, управляющий имением Помидор и т. д. Главный герой — неунывающий паренек Чиполлино, мальчик-луковка, сын бедняка Чиполлоне (слово «чиполла» по-итальянски и значит «лук», «луковица»). У него горькая жизнь, и от него горько приходится всей огородно-садовой знати. Для радиопостановки С. Маршак написал по мотивам Джанни Родари три песни.

ПЕСНЯ ЧИПОЛЛИНО

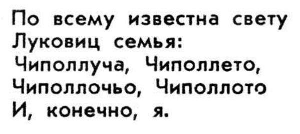
Я веселый Чиполлино.
Вырос я в Италии —
Там, где зреют апельсины,
И лимоны, и маслины,
Фиги и так далее.

Но под синим небосклоном
Не маслиной, не лимоном —
Я родился луком.
Значит, деду Чиполлоне
Прихожусь я внуком.

У отца детишек куча,
Шумная семья:
Чиполлето, Чиполлуча,
Чиполлото, Чиполлочьо
И последний — я!

Все мы выросли на грядках.
Очень мы бедны.
Оттого у нас в заплатках
Куртки и штаны.
Господа в блестящих шляпах
Наш обходят двор.
Видно, луковый наш запах
Чересчур остер.

А у бедных мы в почете.
Нет на всей земле
Уголка, где не найдете
Лука на столе!

По всему известна свету
Луковиц семья:
Чиполлуча, Чиполлето,
Чиполлочьо, Чиполлото
И, конечно, я.

За высокою оградой
Зреет апельсин.
Ну, а мне оград не надо —
Я не дворянин.

Я — цыбуля, я — чиполла,
Огородный лук.
Я на грядке кончил школу
Луковых наук.

Но не век бедняге-луку
Жить в гнезде родном.
Хоть горька была разлука,
Я покинул дом.

Я иду туда, где лучше,—
В дальние края.
До свиданья, Чиполлуча,
Чиполлето, Чиполлото,
Братья и друзья!

ПЕСНЯ СТАРОГО ПОМИДОРА

Я синьор
Помидор.
Красен я и пышен.
А служу я с давних пор
У помещиц Вишен.

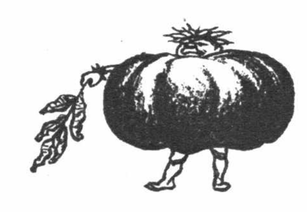
Хоть и смотрят свысока
Две графини Вишни
На меня, на толстяка, —
Я у них не лишний!

Каждый год я от жильцов —
Свеклы и салата,
От бобов и огурцов —
Требую квартплаты.

Езжу к тыквам-беднякам
И к богатым дыням.
Первый грош беру я сам,
Два везу графиням.

А в имении у нас
Строгие порядки:
Тот, кто денег не припас,
Убирайся с грядки!

С каждым часом я расту,
Наливаюсь соком,
Потому что на посту
Нахожусь высоком.

Я не репа, не морковь —
Мелочь огородная.
У меня под кожей кровь
Очень благородная!

Я холеный помидор
С кожею атласной.
И вступать со мною в спор
Овощам опасно!

ПЕСНЯ САПОЖНИКА

Я — сапожник удалой.
Беднякам Италии
Шью я толстою иглой
Тонкие сандалии.

Я сижу за верстаком,
Песню напеваю
И в подметки молотком
Гвоздики вбиваю.

Бью усердно молотком
По чужим штиблетам,
А хожу я босиком
И зимой и летом.

В мастерской моей чини
Рваные ботинки.
Станут новыми они,
Выйдя из починки!

Я — сапожник удалой.
Беднякам Италии
Шью я толстою иглой
Тонкие сандалии.

РАФАЭЛЬ САНТИ

К 470-летию со дня рождения

На восточном склоне Апеннинского хребта, в северной его части, расположен маленький итальянский городок Урбино. На стене одного ничем не примечательного домика надпись: «В этой лачуге родился бессмертный живописец Рафаэль 6 апреля 1483 года».

Рафаэль был сыном скромного урбинского живописца Джованни Санти. Отец, очевидно, и был первым наставником Рафаэля. Оставшись в одиннадцать лет круглым сиротой, Рафаэль до семнадцати лет занимается под руководством живописца Тимотео Вити.

В это время Рафаэль уже начинает создавать самостоятельные произведения, среди которых надо прежде всего назвать картину «Сон рыцаря». Она изображает спящего под деревом юношу в латах и над ним две аллегорические женские фигуры. Одна олицетворяет «наслаждение», другая — «доблесть».

Не удовлетворясь работой у Тимотео, Рафаэль переезжает в Перуджу, где поступает в мастерскую Перуджино. В эти годы — с 1500 по 1504 — окончательно формируется и созревает мастерство Рафаэля. Правда, произведения этого периода написаны под сильным влиянием Перуджино, связанного узами товарищества с Леонардо да Винчи и Микеланджело.

К периоду работы Рафаэля с Перуджино относится полная очарования «Мадонна Конестабиле», находящаяся ныне в Ленинграде в коллекции Государственного Эрмитажа. От этой небольшой картины веет миром и тишиной, ее краски легки и гармоничны, спокойствие разлито в ясной безмятежности лиц, в пейзаже, в тонком, красивом рисунке деревьев. В ней уже ясно выражено чисто земное материнское чувство, чем впоследствии так прославились рафаэлевские мадонны, чем они волнуют зрителя и до сего времени.

Особенно заметно влияние Перуджино на его молодого ученика в картине «Обручение Марии», хотя в этом произведении Рафаэль уже превзошел своего учителя и более тонким чувством формы и более реалистической трактовкой натуры.

К концу четырехлетнего пребывания в Перудже развивающемуся гению Рафаэля становится тесно в рамках этой провинции.

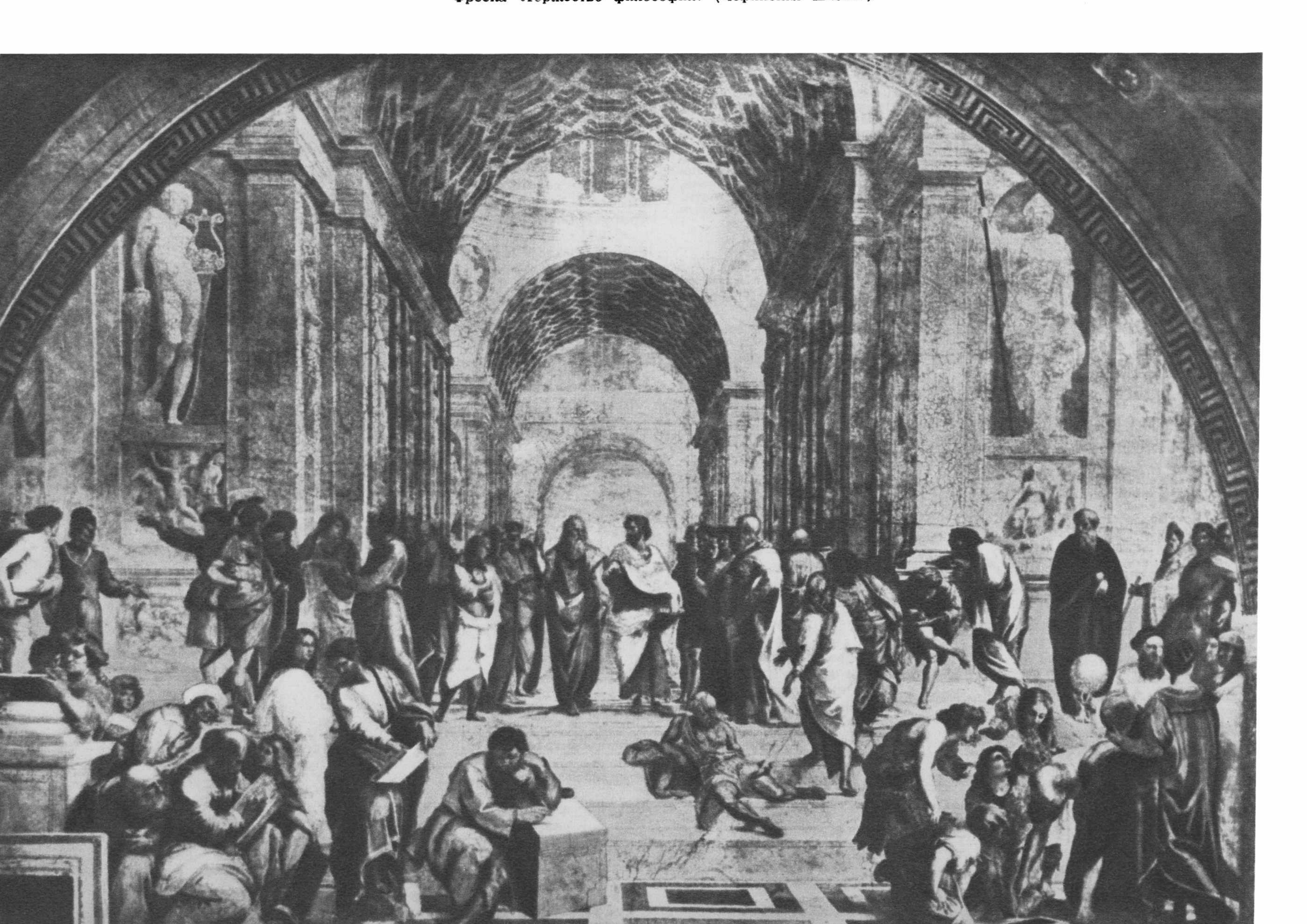
Характерной чертой творчества Рафаэля, как и всех выдающихся деятелей искусства эпохи Возрождения, была необычайная разносторонность. Мы знаем Микеланджело — скульптора, архитектора и живописца, автора прекрасных сонетов, Леонардо да Винчи был живописцем, инженером, архитектором и скульптором. Рафаэль, несмотря на очень короткую жизнь (он прожил всего тридцать семь лет), оставил множество произведений живописи, но работал также в архитектуре и в скульптуре.

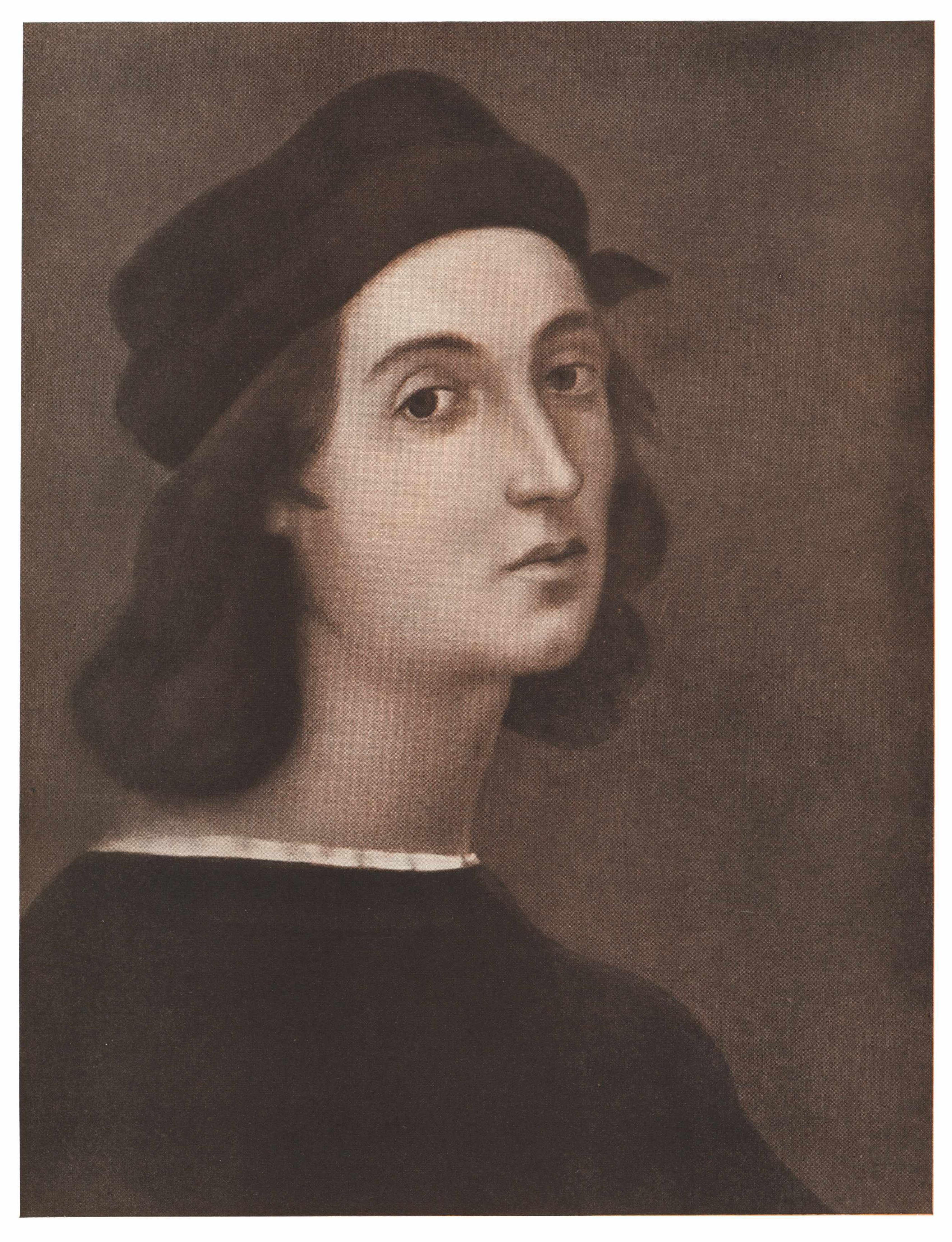
Об эпохе, воспитавшей и взрастившей этих гигантов, Энгельс писал: «... в вырытых из развалин Рима античных статуях перед изумленным Западом предстал новый мир — греческая древность; перед... светлыми образами ее исчезли призраки средневековья; в Италии достигло неслыханного расцвета искусство, которое явилось точно отблеск классической древности и которое в дальнейшем никогда уже не поднималось до такой высоты».

В 1504 году Рафаэль переезжает во Флоренцию, являвшуюся в то время столицей искусства.

Молодой художник попадает в самый центр художественной жизни Италии. Ему трудно добиться известности и стать в один ряд со своими гениальными современниками Леонардо да Винчи и Микеланджело. Но он неустанно

Фреска «Торжество философии» («Афинская школа»).

Рафаэль. АВТОПОРТРЕТ.

Рафаэль. МАДОННА КОНЕСТАБИЛЕ. **Государственный Эрмитаж. Ленинград.**

работает, совершенствуя свое мастерство, усердно копирует их произведения. Молодого Рафаэля больше влечет тонкое, поэтическое мастерство Леонардо, и под его влиянием он выполняет немало своих работ. Рафаэль пишет портреты граждан Флорентийской республики и, в частности, портрет жены Анджело Дони, очень напоминающей леонардовскую Джоконду.

Впитывая все лучшее, что было у его современников, Рафаэль все же остается самим собой. Скоро молодой живописец становится прославленным мастером, пишущим мадонн. Эти свои сюжеты Рафаэль трактует просто, реалистически, в них нет и тени религиозного мистицизма средневековья, зато очень много чарующей красоты, женственности, полнокровного материнского чувства. К наиболее знаменитым полотнам этого периода относятся «Прекрасная садовница» (Лувр), «Мадонна со щегленком» (Уффици), «Мадонна в зелени» (Венский музей). В Государственном Эрмитаже СССР в Ленинграде имеется картина, также относящаяся к этому периоду,— «Мадонна с безбородым Иосифом».

К концу пребывания во Флоренции Рафаэль завел собственную мастерскую, имел учеников, выполнявших заказы по его эскизам и картонам.

К 1507 году относят историки искусства его работу над картиной «Погребение Христа». Для этой картины Рафаэль делает много рисунков с натуры, в которых чувствуется зрелый мастер, хотя в трактовке некоторых фигур еще заметно влияние Микеланджело. В этот же период был создан и знаменитый «Автопортрет» Рафаэля — юноша с нежным овалом лица, мечтательным взглядом и тонкой женственной шеей.

Осенью 1508 года Рафаэль переезжает в Рим и приступает к работе, сделавшей его имя всемирно известным, — к росписям станц (комнат) Ватиканского дворца.

Эта работа Рафаэля, превратившая творца небольших лирических картин в мастера огромных по размеру, монументальных, многофигурных композиций, началась с росписей «Комнаты печатей». Прекрасные копии с этих росписей, выполненные К. Брюлловым и другими русскими художниками, можно увидеть в «Рафаэлевском зале» Академии художеств в Ленинграде.

Самой замечательной из многочисленных фресок Рафаэля считается «Торжество философии», или «Афинская школа». Она отличается необыкновенной стройностью композиции. Античные философы и ученые собрались на ступенях, под арками здания.

В центре Платон с рукой, поднятой к небу, и Аристотель, указывающий на землю. Здесь можно увидеть всех величайших ученых древности. В их образах Рафаэль выразил идеи гуманизма, торжества разума, торжества жизни, утверждение достоинства человеческой личности.

Работа над росписью этой станцы продолжалась с 1508 по 1512 год. После этого Рафаэль приступил к исполнению росписи так называемой станцы Гелиодора. Из четырех огромных фресок этой комнаты наиболее интересно «Изгнание Гелиодора». Сюжет картины — наказание сирийского полководца, пытавшегося захватить казну вдов и сирот, хранившуюся в храме. В правой части композиции группа в движении: всадник «на звонко скачущем коне» с гневным лицом и две летящие фигуры ангелов с прутьями, изгоняющие дерзновенного пришельца. В левой стороне изображен созерцающий эту сцену папа Юлий II на носилках.

Напомним здесь, что от искусства Возрождения не требовалось исторической точности. Произведение искусства должно было отвечать лишь общей идее. Изображая событие тысячелетней давности, художник мог в виде

Портрет Пьетро Перуджино.

своеобразной подписи поместить в картине свой автопортрет (как это было с «Афинской школой») или же написать самого заказчика, как в «Изгнании Гелиодора». Юлий II изображен и в другой фреске, называющейся «Месса в Больсене».

В последний период жизни художника одновременно с назначением его руководителем археологических работ по раскопкам древностей в окрестностях Рима ему было поручено продолжение постройки собора св. Петра. В это же время Рафаэль работает над фресками «Изгнание Гелиодора», «Пожар в Борго» и росписями лоджий в Ватикане, носящих имя художника.

В XVIII веке русскими мастерами были сделаны копии с этих лоджий и помещены в Эрмитаж. Ныне, когда оригинальные росписи лоджий сильно пострадали от времени, особенную ценность имеют наши эрмитажные копии, прекрасно сохранившиеся.

Роспись лоджий состоит из пятидесяти двух фресок, так называемой «Библии Рафаэля», размещенных в тринадцати крестовых сводах. Столбы и пилястры украшены гирляндами цветов, плодами и фигурами животных.

Эта работа была закончена лишь за год до смерти Рафаэля. Конечно, он не выполнял сам эту грандиозную работу: его ученики Джулио Романо и особенно Франческо Пенни работали по его эскизам. Животных, пейзажный фон и гирлянды плодов для лоджий писали Джованни Удине и Перин дель Вага.

К моменту окончания работ над росписью лоджий были закончены и десять ковров, предназначавшихся для стен Сикстинской капеллы и изображавших сюжеты из священной истории. Ковры были выполнены в Брюсселе по эскизам и картонам Рафаэля.

Немало работ выполнено и самим Рафаэлем. В первую очередь следует сказать о «Триумфе Галатеи», фреске, являющейся украшением виллы Фарнезина в окрестностях Рима. Не менее интересны и фрески «Амур и Психея» в той же вилле.

Рафаэлю в то же время были поручены сложнейшие архитектурные работы. Если в первых своих постройках (1509 год) — церкви с куполом Сант-Элиджио и капеллы Киджи — Рафаэль еще следует выдающемуся зодчему Браманте, то в вилле Аквила, в фасаде палаццо Бранкони и в особенности в вилле Мадама Рафаэль выступает как самостоятельный мастер, привнося в свои архитектурные работы качества, присущие и его живописи: исключительную гармонию, необычайное благородство пропорций, почти музыкальный ритм в линиях.

Мы еще не упомянули о целой серии портретов, выполненных Рафаэлем с большим совершенством и реализмом.

В краткой статье нет возможности охватить все необычайно плодотворное и разностороннее творчество Рафаэля, охарактеризовать громадное творческое горение художника, обладавшего неисчерпаемой энергией.

Не надо думать, что работа в области архитектуры, стенных росписей заставила Рафаэля совсем забыть о своей первой славе, о том времени, когда он был живописцем кротких и нежных мадонн. Не одно из самых совершенных произведений этого жанра относится к римскому периоду и прежде всего так называемая «Мадонна в кресле». Существует предание о том, что Рафаэль, увидав однажды на улице красивую крестьянку с младенцем, тут же на дне какой-то бочки набросал углем эскиз этого своего будущего произведения.

Это произведение, изумительное по композиции, красивое по колориту, — одна из вершин творчества художника. В этот же, последний период жизни им написано несколько картин, и среди них знаменитая «Сикстинская Мадонна», исполненная для капеллы Сикста в Пьяченце, — картина, о которой написаны десятки книг.

В свое время И. Н. Крамской, один из выдающихся русских художников, писал о том, какое грандиозное впечатление произвела на него эта картина: он не мог оторваться от этих глаз, затаивших в себе глубокую скорбь матери.

Гениального художника заваливали массой заказов и самых разнообразных поручений. Занятый росписями папского дворца, он руководил сооружением величайшего памятника архитектуры той эпохи — собора св. Петра, — был верховным смотрителем археологических раскопок. Несмотря на это, ему поручали все новую и новую работу — то декорации для карнавала, то рисунки для ювелирных изделий. Но Рафаэль все же находил время и для создания живописных произведений, которые писались им собственноручно от первого до последнего мазка. Сюда относится перечисленная выше серия портретов и такие шедевры, как «Мадонна в кресле», «Сикстинская Мадонна», «Триумф Галатеи», наконец, последняя картина Рафаэля — «Преображение», работу над которой прервала смерть художника.

Умер Рафаэль в апреле 1520 года тридцати семи лет от роду. Похоронен Рафаэль в здании древнеримского Пантеона, и надгробием ему служит мраморная статуя Мадонны, выполненная его другом Лоренцо Лоренцетти.

Б. ЩЕРБАКОВ

ФЛАГМАН РУССКОЙ МОРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

По неопубликованным материалам

«Отставной флота лейтенант» — так именовался в официальных документах своего времени один из видных представителей реалистической литературы XIX века, Константин Михайлович Станюкович (1843—1903). «Флагман русской морской литературы» — так с уважением называют его в наше время советские читатели-моряки.

Сын известного в прошлом веке на флоте «грозного адмирала» М. Н. Станюковича, Константин Станюкович еще во время учения в морском кадетском корпусе увлекся передовыми идеями Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова, проникся ненавистью к феодально-крепостническому гнету и сочувствием к угнетенному народу. Близкое общение Станюковича с матросами и передовыми офицерами во время дальних плаваний укрепило его демократические стремления. Уже в 1860 году, прибыв на корвете «Калевала» в Лондон, семнадцатилетний гардемарин Станюкович пишет сестре: «Может быть, проскользну... к Герцену. Очень бы хотел».

В плаванье он начал писать морские очерки. В 1863 году мичман Станюкович был свидетелем захвата Индо-Китая французскими колонизаторами. Опровергая лживые утверждения буржуазной печати о том, что в Кохинхине «мир обеспечен», молодой Станюкович писал: «Жители Аннама... оставляли свои поля и дома... брали с собой жен и детей и, собираясь большими партиями, уходили в горы... Вся страна, все три провинции с оружием в руках собирались и грозили завоевателям». «Каждый французский офицер, — писал с возмущением Станюкович, — имел право делать с пленным, что хочет, и я нередко слышал, как в кофейной... какой-нибудь французский безбородый сульетенант хвастался, что он тогда-то повесил пятерых... и как его товарищ спорил, что это еще немного, а что вот он тогда-то повесил десяток. И все это рассказывается шутя, при общем смехе...»

Вернувшись в Россию из заграничного плаванья, Станюкович решил посвятить себя литературной деятельности и вскоре, чтобы лучше узнать жизнь деревни того времени, стал сельским учителем. Спустя много лет он писал редактору журнала «Исторический вестник», предлагая свои «Воспоминания сельского учителя шестидесятых годов»:

«Воспоминания эти, мне кажется, будут небезинтересны и довольно характерны, как знамение времени.

Адмиральский сын, только что оставивший морскую службу, сулившую ему блестящую карьеру, несмотря на совет великого князя Константина Николаевича (генерал-адмирал, управлял тогда флотом. — *И. Н.*) оставаться моряком, хлопочет вслед за отставкой о назначении его сельским учителем.

Тогдашний министр Зеленый, хорошо знакомый с отцом, пришел в большое недоумение, когда я обратился к нему с такой просьбой. Однако, приказом меня назначили, и я в 1864 году уехал в Влад[имирскую] губ[ернию] в село Чаадаево Муромского уезда, сельским учителем.

На месте изумление было еще больше, когда сельские власти прочитали мой указ об отставке, из которого узнали, что я бывший паж, отставной лейтенант, был три года в кругосветном плаваньи и послан из Сингапура курьером к генерал-адмиралу.

Не меньшую сенсацию произвело мое появление и на окрестных помещиков... Комические доносы заштатного священника. Отношения крестьян, местного священника, помещиков, уездных властей».

Через год, потрясенный нищетой, разорением, забитостью крестьян, Станюкович вернулся в столицу и занялся работой в мелких журналах и газетах, не приносившей ему, однако, удовлетворения: он мечтал о серьезном писательском труде. В конце шестидесятых годов он вынужден был в поисках заработка служить в различных акционерных компаниях. Странный это был чиновник: он вел борьбу против заправил этих компаний, обличая воровство, злоупотребления, грязные дела буржуазных «деятелей». Но круг его интересов был неизмеримо шире этих схваток с хозяевами акционерных компаний.

В 1870 году он писал жене по поводу только что начавшейся тогда франко-прусской войны: «Будут большие ужасы... Я взволнован войной... Сколько погибнет людей... Во Франции умеют воспламенить народ. В Германии тоже. Но как там, так и в Германии нашлись честные и разумные люди, члены общества рабочих... которые издали манифест, где с омерзением говорят о войне, предают проклятию вызвавших ее... Если побьют французов... французы не простят этого Наполеону и прогонят его. И вообще, когда народы побеждают, то правительство делает уступки. Ничего нет хуже для народа и свободы, когда победитель король». Примечательно, что Станюкович, очевидно, говорит здесь о Манифесте I Интернационала, посвященном франко-прусской войне.

Вскоре Станюкович выступил в журнале «Дело» и в других журналах с беллетристическими и публицистическими произведениями, создавшими ему значительную популярность. О нем с уважением отзывались А. П. Чехов, Глеб Успенский, В. Г. Короленко, И. Е. Репин и другие выдающиеся представители русской литературы и искусства.

Во время своих поездок за границу для лечения Станюкович, редактировавший вместе с Н. В. Шелгуновым журнал «Дело», поддерживал связи с русскими революционными эмигрантами. В 1884 году при возвращении из-за границы он был арестован, заключен в Петропавловскую крепость и затем сослан в Сибирь, в Томск.

В своих романах из общественного быта 70—80-х годов Станюкович-беллетрист резко критически изображал мир буржуазного хищничества и «накопительства», безнравственность, ложь, пошлость и цинизм буржуазных отношений в обществе и в семье. Этому посвящены его романы «Без исхода», «Два брата», «Омут», «Наши нравы», «Откровенные», «Жрецы», «Равнодушные», повести и рассказы «Похождения одного благонамеренного молодого человека», «Женитьба Пинегина» и другие произведения. Типичный персонаж беллетристики Станюковича — «бесшабашный» из повести того же названия, тип «делателя» буржуазной карьеры, циничного и беспринципного в погоне за «положением в свете».

Обличение буржуазного духа в политике, в быту и семье, тревога за судьбу интеллигента-разночинца — таково главное содержание беллетристики Станюковича 70—80-х годов. С глубоким сочувствием рисовал он типы интеллигентов-разночинцев или отдельных выходцев из дворянства, находивших силы порвать со своим классом ради служения народу (таков, например, Лаврентьев в романе «Два брата»). С глубокой симпатией изображен Станюковичем в романе «Жрецы» писатель Невздин с его ненавистью к буржуазной действительности, человек, мечтающий «перекроить подлунную». Некоторые элементы народнического утопизма были присущи беллетристике Станюковича; ее же основное положительное содержание — в обличительной демократической критике «укладывавшегося» в те времена в России буржуазного строя.

Вслед за Щедриным зло обличал Станюкович бюрократию, Разуваевых и Колупаевых, «празднбоболтающих» либералов. В пору самой лютой реакции он оставался верен демократическим идеалам. Об этом свидетельствует его письмо о смерти Щедрина (1889 г.):

«Новое время»... по своей подлости относится не с (одно слово неразборчиво, очевидно,— «достаточным». — *И. Н.*) уважением к этому великому писателю земли русской...

Покойный оставил сыну... письмо: «...будь честным человеком, люби людей и в особенности литераторов».

К. М. СТАНЮКОВИЧ (80-е годы).
Публикуется впервые.

Приводимые в статье новые материалы — письма К. М. Станюковича, фотография и рисунок — из фондов Центрального государственного литературного архива, Центрального государственного архива Военно-Морского Флота, Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина и ИРЛИ (Пушкинский дом) АН СССР.

За два дня до смерти еще Салтыков, изможденный и страдающий, пробовал писать и написал полстраницы произведения, которое он давно хотел написать. Это «Забытые слова». Тема большая, и у Салтыкова было бы еще прелестное произведение. «Забытые слова» — это те слова шестидесятых годов, которые теперь или извращены или вовсе позабыты: «совесть», «стыд», «честность» и т. д. Вот тема, которую очень хотел разработать покойный и говорил о желании написать «последнюю книгу» с большим увлечением Кривенке, когда тот посетил умирающего великана литературного». Рассказывая, что на панихиде народу было много, Станюкович сообщает далее, что на похоронах, однако, людей было «не особенно много»; «была скверная, холодная, дождливая погода,— пишет Станюкович.— Но не погодой я объясняю относительное малолюдство, а «дурной нравственной погодой»... — и «веяниями» нового времени. Многие боялись отдать последний долг великому сатирику, великому пророку литературы русской. Тяжело это было видеть... обидно».

Во время пребывания в сибирской ссылке, с середины 80-х годов, Станюкович после двадцатилетнего перерыва снова обратился к морской теме. Его морские рассказы и повести, несомненно, представляют собой лучшую часть его обширного литературного наследия.

Морское дело выступает в творчестве Станюковича как общественный труд, как служение Родине, как одна из сторон народной жизни. Мы видим в его книгах море — то бурное и грозное, то тихое и дружественное,— корабль, о котором Станюкович пишет, как о живом существе; видим суровую, полную опасностей жизнь моряков в плаванье, жизнь на корабле от подъема и до спуска флага, всю морскую службу и морские порядки его времени. Мы словно слышим, как «бьют склянки», видим, как день-деньской трудится матрос, как уходит в далекое плаванье корабль из Кронштадта или Севастополя, милых сердцу каждого русского моряка, как борются люди и корабль с разбушевавшимся морем, как сражаются русские матросы и офицеры с врагами. Матросы-ветераны в произведениях Станюковича с благоговением вспоминают эпопею Севастополя, участниками которой они были.

Возмущенно рассказывал Станюкович, как американские корабли, набитые неграми, совершали рейсы, торгуя этим «черным грузом», снабжая Америку невольниками. Так же гневно рассказывал писатель и о том, как хозяйничали западноевропейские и американские угнетатели в колониальных странах.

Основная проблема всего «морского» творчества Станюковича — установление разумных, справедливых человеческих отношений на корабле, как и во всей жизни общества, истинно человеческих отношений между командирами и матросами, основанных на общем служении благу родины, а не на социальном гнете, не на страхе перед палкой, розгой, линьком.

Станюкович хорошо знал и горячо любил русского матроса, простого человека из народа, с его чаяниями и интересами. Из рассказов бывалых матросов, как бы только «передаваемых» писателем, и из его повествования от своего лица в творчестве Станюковича выступает тип русского матроса, как говорил адмирал Нахимов, «главного двигателя на корабле».

Верные сыны родины и народа, труженики и умельцы в морском деле, требующем силы, знаний, сноровки, люди долга и чести, храбрые, добрые и отзывчивые,— таковы русские матросы, герои лучших произведений Станюковича («Человек за бортом!», «Между своими», «Кириллыч», «Максимка», «Матросик», «Гибель «Ястреба», «Отчаянный», «Севастопольский мальчик», «Вокруг света на «Коршуне»). Особенно ярко выступают эти черты в образе матроса Бастрюкова в повести «Вокруг света на «Коршуне». Трудолюбивый и хорошо знающий свое морское дело, Бастрюков ненавидит социальную несправедливость, угнетение людей. Побывав в дальнем заграничном плаванье и увидев, что «много всяких народов живет на свете», он узнал горькую истину своего времени: «То же и у их беднота... по всему видно... Во всех царствах одно им положение!» Но чуткая, поэтическая душа, Бастрюков верит в лучшее будущее людей.

Станюкович писал очень много, часто понуждаемый к этому трудными материальными условиями, и, к сожалению, не всегда отшлифовывал свои произведения. В некоторых его повестях и романах чувствуется растянутость, повторяемость сюжетных ситуаций и другие недостатки. Но они не могут заслонить несомненных достоинств его творчества: верности демократическим идеалам, стремления к правдивому изображению жизни, умения раскрыть психологию людей. Язык Станюковича становился особенно красочным при передаче речи матросов, простых людей из народа.

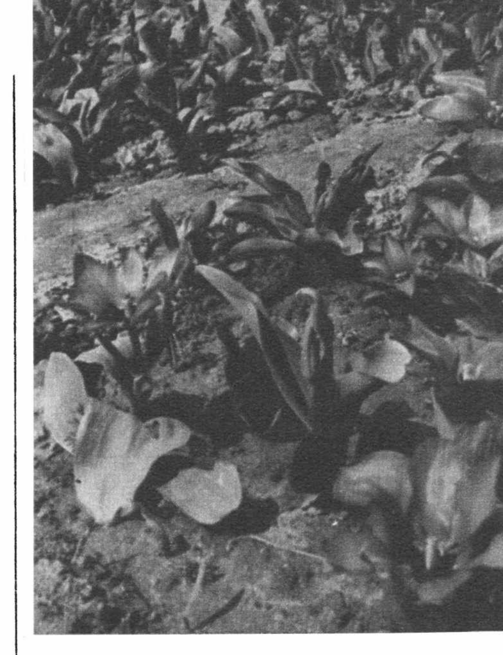
Когда в 90-х годах прогрессивная литературная общественность отмечала литературный юбилей Станюковича, он с обычной своей скромностью писал, что это публичное чествование относится не к нему, а к «известному направлению» (то есть демократическому) в литературе, что он никогда «по счастью Нарциссом не был».

«Если я никогда и ни при каких обстоятельствах,— писал в этом же письме Станюкович, — не служил пером тому, что считал вредным и подлым, то ведь это не достоинство... а примитивная обязанность сколько-нибудь уважающего себя литератора». Указывая, что он не был в литературе «ни капитаном, ни старшим офицером, ни рулевым», Станюкович писал далее: «Я... как писатель и публицист был одним из тех литературных матросов, которые не боятся бурь и штормов и не покидают корабль в минуты опасности». Он имел право так сказать о своей честной литературной деятельности и о своем месте в русской литературе.

К. М. Станюкович. Дружеский шарж неизвестного художника — современника писателя.

И. НОВИЧ

В Ботаническом саду.

В парках Ташкента

Плывут над шумными улицами Ташкента, над вершинами гор апрельские гости Узбекистана — кудрявые белые облака. Запоздалая, а потому особенно желанная весна наконец вступила в свои права. Будто торопясь нагнать потерянное в борьбе с ненастьем время, каштаны наперебой гонят стрелки молодых листьев, ясени свешивают нежные сережки соцветий, в зеленый наряд одеваются стройные башенки тополей.

В Ботаническом саду первыми откликнулись на зов весны новые его обитатели — дикие тюльпаны, привезенные сюда с гор. Их крупные пламенно-красные чашечки кажутся еще ярче от соседства сиренево-розовых гиацинтов и белоснежных нарциссов.

Грядку за грядкой обходят работники сада. Найдя особенно крупный цветок, они закрепляют на его стебле табличку с надписью: «Выделить». Эти экземпляры станут основой для выведения нового сорта. Уже сейчас из ботанических садов и от садоводов-любителей приходят в Ташкент письма с просьбой выслать луковицы чудесных цветов.

Зоопарк. Трубные клики черных лебедей покрывают птичий гомон. Детишек не оторвать от клеток, где появились малыши-звери. Вот, опрокинувшись на спину и смешно растопырив лапы, лежит огромная бурая медведица. А на мохнатое брюхо матери карабкаются и снова скатываются на землю два серых, похожих на пушистые шары, медвежонка.

В одной из соседних клеток бегают за матерью шестеро юрких диких кабанчиков со смешными черными полосками на спинках.

Хорошо весной в парках столицы Узбекистана! Здесь можно встретить и стариков, дремлющих на солнце, и студентов, заглянувших сюда после лекций, и, конечно, вездесущих ребятишек, срывающих первые одуванчики.

Н. СОЛОВЬЕВА

Утро в зоопарке.
Фото А. Гостева.

ЗРЕЛОСТЬ

Д. ЗЕРКАЛОВА,
народная артистка РСФСР

Люба со своим свекром Тихоном Нестеровым (народный артист РСФСР Н. Анненков) — «Северные зори» Н. Никитина.

За последнее десятилетие Театральное училище имени Щепкина пополнило труппу Малого театра целой плеядой молодых талантливых актеров и актрис, среди которых ярко выделяется Ольга Хорькова с ее своеобразным и глубоким дарованием.

Вспоминаются первые шаги на сцене Ольги Хорьковой. Это было весной 1943 года, когда Малый театр поставил пьесу Л. Леонова «Нашествие». И вот наряду с прославленными именами П. М. Садовского, В. Н. Пашенной, В. О. Массалитиновой в программе появилось еще никому неведомое имя О. М. Хорьковой, которой была поручена роль деревенской девушки Аниски. В ту пору Оля Хорькова была еще студенткой III курса. Играла она Аниску с подкупающей искренностью и простотой, и никто не мог подумать, что на сцене робкая дебютантка.

Хорькова отдала всю себя переживаниям этой русской девушки, над которой зверски надругались фашисты, и трагедия Аниски стала одним из самых потрясающих эпизодов спектакля. Тоненькая, как стебелек, Аниска напоминала полевой цветок, растоптанный сапожищами гитлеровцев. Казалось, актриса-ученица принесла на сцену красоту широких подмосковных полей, задумчивых берез, чистоту и свежесть раннего весеннего утра. А трудный «деревенский» текст Леонова с такими ласковыми словами, как «я, баушка, сахарок принесла», или страшный в своей непосредственности рассказ девушки о том, как повесили гестаповцы вместе с крестьянами Табаковым и Табачихой «ихнюю собачку-шавочку»,— все это звучало в передаче Хорьковой удивительно правдиво, бесхитростно.

В 1944 году Хорькова окончила театральное училище, и началась ее большая и трудная жизнь в искусстве. Не все одинаково удавалось актрисе, были у нее образы и незапоминающиеся и «проходные». Но от сезона к сезону креп и развивался ее природный талант, росло и наполнялось большим содержанием сценическое мастерство. В настойчивом труде Хорьковой особенно подкупает ее самостоятельность: всякий раз она ищет своего собственного решения образа, своего собственного понимания роли. Только сроднившись со своим «действующим лицом», она выходит на сцену. Найденное ею «зерно» роли находит и свою естественную внешнюю форму.

У Хорьковой драгоценное чувство меры, и потому она на сцене всегда скромна и собранна. К своим выступлениям Хорькова подходит с тем совнанием нравственной ответственности, которой всегда требовал от актеров Станиславский. Костюм на Хорьковой никогда не выглядит «с чужого плеча». Какое бы платье она ни надевала, оно у нее «свое». И вещи в ее руках «свои». Берет ли она коромысло с ведрами или накидывает косынку на плечи — все это она делает с ощущением подлинности.

Сравнительно много выступает молодая актриса и в классическом и в советском репертуаре. Из классических ролей Хорьковой хочется упомянуть о Полине в «Доходном месте» и о Лизе в «Горе от ума». Полину, жену Жадова, она играет как простушку с недалеким умом, но наделенную добрым сердцем. И зритель верит, что такая Полина преодолеет в конце концов накипь корыстного мещанства, откажется от ожидания доходного места со взятками для своего мужа, хотя об этом все время твердят ее маменька и модница-сестра.

← Аниска — «Нашествие» Л. Леонова.

На сцене Малого театра живы еще воспоминания о том, как мастерски играла Лизу В. Н. Рыжова, как искрился в этой роли талант В. Н. Пашенной. К грибоедовскому образу здесь предъявляются повышенные требования. Из этого испытания Хорькова вышла с честью. Может быть, кое-где еще напряженно звучит смех, веселость ее еще не обрела легкости, но самый облик смышленой и бойкой на язык служанки создан в отличной реалистической манере. Глядя на Лизу-Хорькову, понимаешь, насколько она выше Софьи по своим духовным качествам.

1952 год был особенно счастливым для молодой актрисы. В двух новых постановках театра — в пьесе А. Файко «Дорога свободы» (по Говарду Фасту) и «Северных зорях» Н. Никитина — она сыграла ведущие роли и в каждой из них заслуженно получила общее признание.

В «Дороге свободы» Хорькова играет негритянку Рэчел, мать двух взрослых сыновей, жену мужественного Гидеона — пламенного защитника прав и независимости негритянского народа, живущего под вечной угрозой расправ «Ку-клукс-клана» и «суда Линча». Задача для Хорьковой была исключительно сложной, но она отыскала правильный тон: всеобъемлющее чувство любви и материнства. В нежном голосе Рэчел, кажется, звучит еще мелодия той колыбельной песни, какой она когда-то убаюкивала своих малюток-детей. А к своему Гидеону Рэчел-Хорькова, несмотря на долгие прожитые вместе годы, сохраняет всю раннюю влюбленность.

Иная задача стояла перед Хорьковой в «Северных зорях». Здесь она играет молодую крестьянку русского севера Любу Нестерову. В годы гражданской войны, которым посвящена пьеса, из таких мирных русских женщин вырастали героини-партизанки, так же как они вырастали и потом, в годы Великой Отечественной войны. И Хорькова замечательно просто показывает, как в судьбе людей совершается переход от мира к войне, от домашней светелки к партизанскому костру.

В размашистых, округлых жестах Любы, в звонком голосе, в упругой походке чувствуется сильная и бесстрашная натура. Пафос борьбы, радость и горе Хорькова передает с особой эпической красотой, будто рассказывает какую-то онежскую былину о смелых людях. В великолепно вылепленном образе поражает верно понятая актрисой бытовая его сторона — типичный и крепкий уклад жизни северной деревни.

И когда мысленно оглядываешь хотя и недолгий, но такой творчески-радостный путь Хорьковой-актрисы, то понимаешь, что толь-

Рэчел — «Дорога свободы» по одноименному роману Говарда Фаста.

ко в условиях нашей передовой советской культуры мог так расцвести и засверкать ее солнечный талант.

Ольга Михайловна Хорькова избрана депутатом Московского областного совета депутатов трудящихся. Перед нею открыты перспективы большой и почетной работы избранника и слуги народа. Тесное соприкосновение с жизнью нашей прекрасной столицы, с чаяниями и интересами народа, несомненно, обогатит творчество Хорьковой новыми чертами жизненной правды — основы основ нашего сценического искусства.

Борьба за скорость

И. КАЗАКОВ, А. САБИНИН

Фото В. Довгялло.

В 1898 году под Петербургом был дан старт первым в России автомобильным гонкам. Дистанция была 39 верст (41,6 километра). Победитель в этих гонках Мази достиг рекордной скорости — 24 километра в час.

В 1908 году были проведены гонки крупного для того времени масштаба по маршруту Петербург — Москва. На старт вышло 32 автомобиля различных марок. Вздымая клубы пыли и распугивая крестьянских лошадей, машины устремились по дороге к Москве. Только 10 из них пришли к финишу, остальные застряли в пути.

Машины были иностранных марок: автомобильной промышленности в царской России не было. Только в годы, предшествовавшие первой мировой войне, Русско-Балтийским заводом в Риге было выпущено небольшое количество отечественных легковых автомобилей.

Тогда уже выявился ряд выдающихся русских спортсменов-гонщиков, с успехом выступавших на международных состязаниях. В 1913 году гонщик Иванов на автомобиле Русско-Балтийского завода достиг небывалой для того времени скорости — 129 километров в час на дистанции одна верста с хода. Это было уже высоким достижением.

Но настоящая борьба за скорость началась только в советское время.

Для первых спортивных автомобилей использовались шасси серийных легковых машин «ГАЗ-А», а затем «М-1». На одном из таких автомобилей гонщик ленинградского автомотоклуба Г. Клещев в 1937 году установил всесоюзный рекорд скорости — 143,2 километра в час (на дистанции один километр с хода).

В 1939 году на Горьковском автозаводе имени Молотова был сконструирован специальный спортивный автомобиль «ГЛ-1». Во время испытаний автомобиль развивал скорость до 160 километров в час.

Московский автозавод имени Сталина построил автомобиль со спортивным двухместным кузовом «ЗИС-Спорт», использовав для него основные агрегаты легкового автомобиля «ЗИС-101». Скорость его достигала 162,4 километра в час.

За границей для установления рекордов скорости прибегают к постройке так называемых болидов — специальных машин, снабженных авиационными двигателями мощностью до 5 тысяч лошадиных сил. Эти машины не имеют ничего общего с конструкцией современного автомобиля. Это машины-уникумы, нужные только для установления рекорда. Наши же конструкторы создают гоночные машины, близкие по типу к серийным легковым автомобилям. И не случайно, что автомобильные гонки дают автозаводам богатый экспериментальный материал для дальнейшего усовершенствования конструкций советских автомашин.

С 1946 года Бюро гоночных автомобилей НАМИ (Научно-исследовательский автомобильный и автомоторный институт) выпустило серию гоночных автомобилей типа «Звезда», получивших широкую известность и заслуженное признание в спортивном автомобильном мире.

У машины «Звезда» есть существенная особенность: колея ее передних колес шире задней, что придает автомобилю суженную назад форму, обеспечивающую наилучшую обтекаемость.

В прошлом году московский спортсмен мастер спорта А. Амбросенков на автомобиле «Звезда М-НАМИ» превысил пять официальных мировых рекордов. На дистанции один километр с хода, развив скорость в 215,182 километра в час, Амбросенков перекрыл мировой рекорд немецкого гонщика фон Опеля, установленный в 1951 году.

Особенно показателен результат на длинные дистанции. В последних соревнованиях 100-километровую дистанцию автомобиль прошел со средней скоростью 153,931 километра в час. Это было серьезным испытанием надежности машины, и она его блестяще выдержала.

Созданием гоночных автомобилей в настоящее время занялись различные спортивные организации. Больших успехов в этом добились украинские спортсмены.

В августе 1950 года на первых всесоюзных автомобильных соревнованиях молодой гонщик харьковского спортивного общества «Труд» Б. Никитин обратил внимание на гоночный автомобиль «Победа» с удлиненным кузовом обтекаемой формы. У Никитина возникла мысль построить свой гоночный автомобиль. Вернувшись домой, он принялся за работу. Одному было трудно, но Никитину помогли работники Харьковского автомотоклуба и мастерских автобазы.

Прошло немного времени, и новый гоночный автомобиль был готов.

В ноябре Никитин уже выехал на старт на этом автомобиле, названном по имени родного города — «Харьков». В заездах на один километр с хода и с места он установил два всесоюзных рекорда, показав максимальную скорость 162,381 километра в час. Первые успехи не остановили работу над совершенствованием конструкции автомобиля, и в 1951 году Никитин несколько раз перекрывает свои предыдущие рекорды.

В осенних соревнованиях 1952 года на модернизированном автомобиле «Харьков-6» Никитин показал скорость 203,274 километра в час, доказав возможность завоевания высоких скоростей на автомобиле с серийным двигателем.

В соревнованиях 1952 года появился новый гоночный автомобиль — «Дзержинец», — тоже украинского спортсмена, И. Помогайбо.

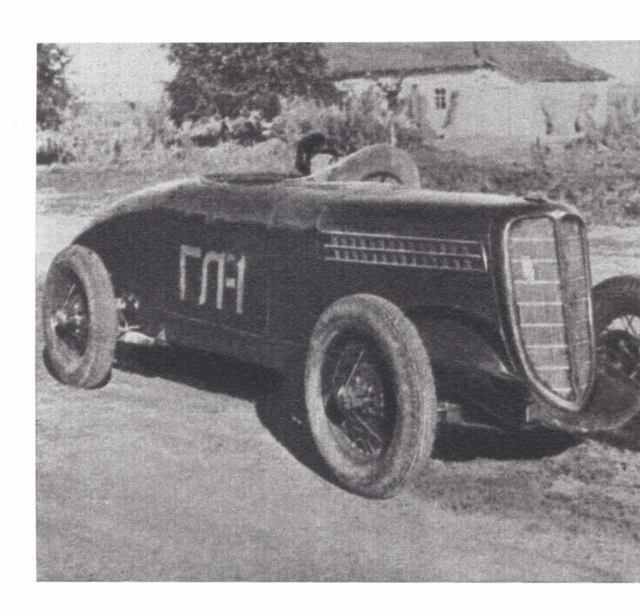
Для этой машины использован двигатель грузовика «ГАЗ-51», подвергшийся некоторым переделкам, позволившим повысить его мощность более чем в два раза. Как и у других гоночных автомобилей, двигатель у «Дзержинца» расположен сзади. Кабина закрывается колпаком из органического стекла. Общая длина автомобиля — 5,5 метра, а высота — немногим больше метра. Кузов имеет обтекаемую, вытянутую форму.

В соревнованиях в ноябре 1952 года под Мелитополем И. Помогайбо на своем автомобиле показал скорость, которой еще никто не достигал в Советском Союзе: 10 километров он прошел за 2 минуты 36,7 секунды, то есть со средней скоростью 230,665 километра в час.

Один из наиболее оригинальных — автомобиль «Л-250» мастера спорта Э. Лорента. Это самая маленькая по размерам рекордно-гоночная машина.

В июле этого года сильнейшие мастера автомобильного спорта вновь встретятся в соревнованиях на первенство Советского Союза. Каждый из них тщательно готовит машины к трудной борьбе на шоссе. Автомобилисты с нетерпением ждут этой встречи.

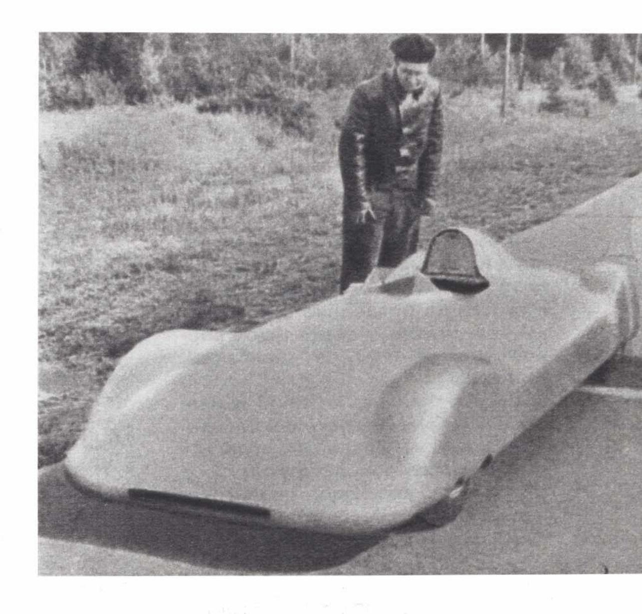
Борьба за скорость продолжается.

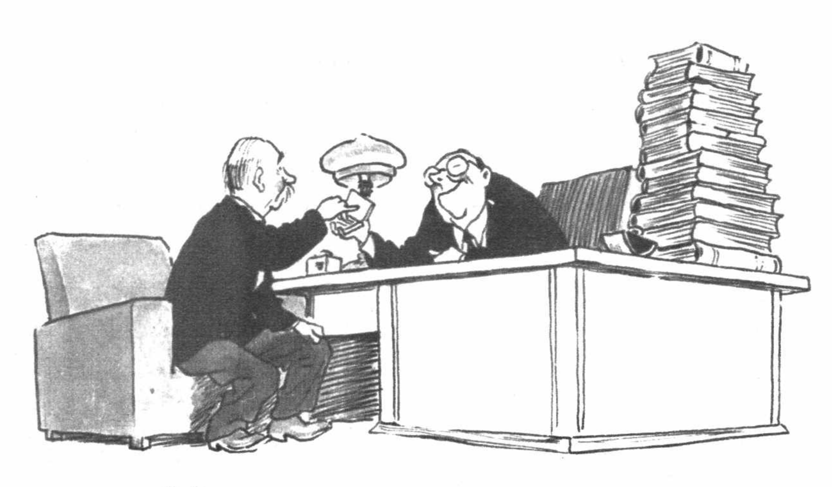
Один из первых советских гоночных автомобилей, «ГЛ-1», Горьковского автозавода имени Молотова.

Автомобиль «Звезда М-НАМИ». Перед посадкой гонщика в машину штурвал руля приходится снимать, а затем снова устанавливать на место: кабина очень мала.

Мастер спорта Э. Лорент у машины своей конструкции.

Авторитет

Борис **ЛАСКИН**

Рисунок Е. Ведерникова.

Вообще говоря, тут было чему удивиться. Неизменно строгий и почти недоступный, заместитель управляющего трестом Сергей Фомич на сей раз являл собою образец радушия и безмерной любезности.

Войдя в кабинет начальства, Василий Васильевич Якушев невольно попятился. Сергей Фомич, улыбаясь, шел ему навстречу, и по выражению его лица можно было подумать, что встречает он не рядового работника треста, а единственного, горячо любимого сына, после долгих лет странствий вернувшегося в отчий дом.

Все это было весьма удивительно и даже в малой степени не походило на обычную процедуру приема, когда Сергей Фомич, не поднимая глаз, грозно отчитывал или наставлял своих подчиненных.

Пожав руку Василию Васильевичу и любезно усадив его в кресло, Сергей Фомич нажал кнопку звонка.

— Зинаида Львовна, — сказал он вошедшей секретарше, — не пускайте ко мне никого и не соединяйте.

— Хорошо, Сергей Фомич.

Провожая взглядом секретаршу, Василий Васильевич озадаченно поднял брови: «Интересно, что бы это могло случиться?..»

Сергей Фомич закурил, угостил Василия Васильевича и, откинувшись на спинку кресла, покачал головой.

— Не нравишься ты мне, Василий Васильевич. Честно тебе скажу: не нравишься!..

— А что такое?.. — удивленно спросил Василий Васильевич, пытаясь вспомнить все содеянное им в тресте за последние дни.

— Ты знаешь, у меня такое впечатление... Может, я ошибаюсь, конечно...

«Да не тяни ты, не тяни! В чем дело?» — подумал Василий Васильевич, глядя на Сергея Фомича, который аппетитно затянулся и с присвистом выдохнул сиреневую струю дыма.

— ...У меня такое впечатление, что ты малость похудел, честное слово!

Слегка растерявшись, Василий Васильевич не ответил. Фразу опередила догадка: «Влепили тебе, голубчик, за чванство. Теперь чуткость проявляешь. Перестраиваешься!»

— Отдыхал в этом году? — заботливо спросил Сергей Фомич.

— Да. В Кисловодске был. В санатории...

— Кисловодск — волшебное место. Красное солнышко. Храм воздуха. Нарзан. Шашлыки... Знаешь, некоторые предпочитают море, а лично мне, я тебе скажу, горы нравятся. Помню, как-то встречал я рассвет на Большом Седле. Вид — забыть нельзя! Облака розовеют, Кавказский хребет, как на ладони. Просто, знаешь, красота! Поэзия!..

Рассеянно слушая лирические излияния начальства, Василий Васильевич продолжал размышлять: «Может, снимать его хотят, друзей подбирает?.. А может, под управляющего подкоп начал — помощников ищет? Попробуй догадайся!..»

— Ну, вот что,— Сергей Фомич обстоятельно погасил папиросу,— очень у тебя, Василий Васильевич, вид удивленный. Сидишь, а сам, небось, догадки строишь: «Зачем меня вызвали?» Верно?..

— Правильно.

— Ну, вот видишь, я же чувствую. А ты мне скажи: можешь ты себе представить такое положение: вызывает тебя начальник, как говорится, без особого дела, а просто так, побеседовать? Можешь ты это себе представить?

— Конечно. А почему же?..

— Вот и считай, что я тебя просто так вызвал, как товарища по работе. Одним словом, как сослуживца.

— Что ж, очень приятно, — ответил Василий Васильевич.

— Много работаешь? — спросил Сергей Фомич.

— Это, я думаю, вам известно.

— Знаю. Много работаешь. Много. Молодец! Ну, а как у тебя с учебой?

— Вроде неплохо. Посещаю, занимаюсь.

— Да... политическая учеба — дело серьезное. Ты-то ведь, кажется, беспартийный?..

— Пока беспартийный. Готовлюсь, Сергей Фомич.

— Ну и правильно. А ты где занимаешься, в нашем клубе?

— Да, там...

Сергей Фомич помолчал, пристально посмотрел на собеседника, как бы взвешивая все «за» и «против», и Василий Васильевич почувствовал, что вот сейчас-то и пойдет речь о главном.

— Видишь?—заместитель управляющего показал на высокую стопку книг. — Все первоисточники. Все, понимаешь ли, прочитать нужно. Ведь расти надо, а?

— Безусловно.

— А когда расти? Работы ведь хватает, слава богу. Да и о наших кадрах думать надо. За их ростом следить. Вот секретарша моя, Зинаида Львовна, здорово вперед продвинулась. Конспекты она мне составляет исключительно хорошо. И главное — на машинке перепечатывает, вот что дорого.

Сергей Фомич снова умолк. «Хочет что-то сказать, — подумал Василий Васильевич,— хочет, но не решается».

— Послушай-ка, Василий Васильевич,— продолжал заместитель управляющего и почему-то оглянулся на дверь, — ты понимаешь, что такое авторитет? Авторитет для руководящего работника — все. А если у руководящего работника по части политического образования долги, и притом солидные, то кто от этого страдает? А?..

— Думаю, руководящий работник страдает.

— Авторитет. Авторитет страдает. А к чему я это говорю? Я только прошу, чтобы ты меня правильно понял. Я тут извещение получил о том, что завтра итоговое занятие. А я на трех предыдущих не был. Понял, какое положение?

«К чему это он?» — прищурился Василий Васильевич.

— Так вот что, — продолжал Сергей Фомич,— я только прошу, чтобы ты меня правильно понял. Мне говорили, что в клубе у нас занятиями в сети партпросвещения новый человек руководит... Якушев...

Василий Васильевич утвердительно кивнул.

— Дело такое... — Сергей Фомич достал из ящика письменного стола тетрадь.— Всего по этой теме восемь вопросов, но лично я подработал два вопроса: первый и второй...

— Ну и что?

— Сейчас поймешь. Только я прошу, чтобы ты меня правильно понял... — Сергей Фомич виновато улыбнулся и вдруг спросил: — Кстати, как зовут твоего сына?

— Костя. А что?

— Константин Васильевич, значит? И давно он в клубе работает?..

— С месяц примерно, — ответил Василий Васильевич, не понимая, к чему клонит начальство.— Костя, он руководит в клубе занятиями...

— Минуточку, — поднял руку Сергей Фомич,— я тебя еще раз прошу: самое главное, чтобы ты меня правильно понял. Поговори с сыном, пусть он меня, понимаешь, завтра вызовет и проверит, как говорится, при всем честном народе, как я усвоил это дело. И пусть спрашивает со всей строгостью в полном объеме... этих вот... двух вопросов... Понятно? Вопрос первый и вопрос второй. И все.

Лицо Василия Васильевича выразило такую высокую степень изумления, что Сергей Фомич даже чуточку испугался.

— Прошу тебя, Василий Васильевич,— торопливо сказал он,— если не согласен, не говори с сыном. Не говори. Я понимаю, дело щекотливое, но я все же хочу, чтобы ты меня правильно понял. Нам с тобой, товарищ Якушев, не один день вместе работать, и я думаю, что и для тебя мой авторитет не последнее дело...

— Сергей Фомич...— растерянно начал было Василий Васильевич, но его тут же перебил взволнованный заместитель управляющего.

— Все! Все понятно! Не объясняй! Если Якушев-старший не может договориться с Якушевым-младшим, ничего не сделаешь...

— Сергей Фомич, дайте я все же скажу. Тут, наверно, небольшая неувязка получилась или информировали вас неточно. Якушев Костя, сын мой, руководит в клубе занятиями... в этом... в кружке бального танца. А руководитель политзанятий — это другой Якушев, не мой сын, а, как говорится, однофамилец. Вот какое положение...— Василий Васильевич с улыбкой развел руками.

Густо покраснев, Сергей Фомич опустил глаза и с преувеличенным старанием начал перебирать какие-то бумаги.

— Ах, вот как! Значит, это — просто совпадение? — произнес он внезапно изменившимся голосом.— В таком случае... гм... прошу извинить, товарищ Якушев. Можете идти.

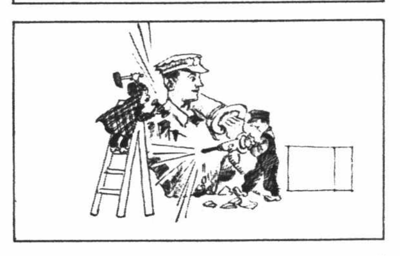
Он встал, подтверждая, что разговор окончен.

Василий Васильевич кивнул куда-то в сторону книжного шкафа и, стараясь не глядеть на Сергея Фомича, вышел из кабинета.

В МАСТЕРСКОЙ СКУЛЬПТОРА

Изошутка Ю. Черепанова.

ШАХМАТЫ

Под редакцией гроссмейстера М. БОТВИННИКА

ПАРТИЯ БОРИСА СПАССКОГО

На Международном шахматном турнире в Бухаресте советские шахматисты добились нового большого успеха. Все пять наших представителей попали в шестерку победителей. С большим подъемом играл Александр Толуш, завоевавший первое место. А. Толуш неоднократно занимал высокие места в чемпионатах СССР, и его считали «без пяти минут гроссмейстером». После победы в Бухаресте А. Толушу официально присвоено звание гроссмейстера СССР.

С большим интересом шахматная общественность следила также за выступлением в Бухаресте ленинградского школьника Бориса Спасского. Шестнадцатилетний юноша добился превосходного результата. Он победил гроссмейстера В. Смыслова, гроссмейстера Л. Сабо и других. Вместе с гроссмейстерами И. Болеславским и Л. Сабо Борис Спасский поделил 4—6-е места. Ленинградский школьник начал турнир кандидатом в мастера, а закончил его признанным мастером.

Приводим партию, в которой Б. Спасский победил норвежского мастера О. Барда. Молодому мастеру за эту победу был присужден первый специальный приз за лучшую партию.

Староиндийская защита

Белые: О. Барда
Черные: Б. Спасский

1.	d2—d4	Кg8—f6
2.	Кg1—f3	c7—c5
3.	d4—d5	g7—g6
4.	g2—g3	Сf8—g7
5.	Сf1—g2	0—0
6.	0—0	d7—d6
7.	h2—h3	. . .

Излишний ход. Не теряя времени, следовало играть 7. c4 и 8. Кc3

7.	. . .	b7—b5
8.	a2—a4	Сc8—b7
9.	Кf3—h2	a7—a6
10.	a4 : b5	a6 : b5
11.	Лa1 : a8	Сb7 : a8
12.	Кb1—a3	Фd8—d7
13.	b2—b3	. . .

Белые слабо разыграли дебют, и у них создались некоторые затруднения на ферзевом фланге и в центре — пешка d5 является лишь мишенью для обстрела.

Недостаточно было для уравнения игры и немедленное 13. b3 ввиду b : c4 14. К : c4 Фb5, и черные фигуры расположены активнее.

13.	. . .	Кb8—a6
14.	Сc1—b2	Кa6—c7
15.	e2—e4	Сa8—b7
16.	Фd1—e2	Лf8—a8
17.	Сb2—c1	. . .

Черные грозили ударом 17. ... К : e4. Вместо хода в партии белые не могли продолжать, как 17. c4 b4 18. Кc2 Лa2 19. Лb1 ввиду 19. . . . Л : b2! 20. Л : b2 К : e4 и 21. . . . С : b2 (либо 21. . . . Кc3), так и 17. Лa1 К : e4! 18. Ф : e4 b4.

Пожалуй, следовало решиться на ход 17. c3, что отражало непосредственные угрозы.

17.	. . .	Лa8—a7
18.	f2—f4	. . .

Неуместная активность, приводящая только к ослаблению позиции короля.

18.	. . .	e7—e6
19.	c2—c4	b5—b4
20.	Кa3—c2	e6 : d5
21.	e4 : d5	Лa7—a2
22.	g3—g4	. . .

Белые не хотят допустить ход 22. ... Фf5. Но он все же был менее опасен, чем последовавшая разменная комбинация, которую можно было предотвратить ходом 22. Лd1 (22. . . . Фf5 23. Лd2 и Кh2—f1—e3).

22.	. . .	Кf6 : d5!
23.	c4 : d5	Сb7—a6
24.	Фe2—d1	Сa6 : f1
25.	Сg2 : f1	. . .

Интереснее могла сложиться борьба после 25. К : f1. В этом случае черные продолжали бы 25. ... Кb5 с хорошими атакующими возможностями. Теперь белые теряют свою центральную пешку.

25.	. . .	Кc7 : d5
26.	Фd1 : d5	Лa2 : c2

В результате комбинации, начатой на 22-м ходу, Б. Спасский добился решающего преимущества. Ладья и две пешки черных сильнее двух легких фигур белых ввиду неудачного расположения белых фигур.

27.	Сc1—e3	Фd7—e6
28.	Фd5—a8+	. . .

Безнадежен, конечно, переход в эндшпиль после 28. Ф : e6 — у черных слишком много пешек на ферзевом фланге.

28.	. . .	Сg7—f8
29.	Сe3—f2	Фe6 : h3
30.	g4—g5	Лc2—c1

Как указал Б. Спасский, точнее было 30. ... Фa2!, вынуждая белого ферзя занять пассивную позицию на f3.

31.	Крg1—g2	. . .

На 31. Кg4 можно было продолжать 31. ... Ф : h3, и у белых нет удовлетворительных ходов.

31.	. . .	Фh3—a3
32.	Фa8—d5	. . .

Ошибочный ход, который остроумно опровергается черными. Правильно было 32. Фe4! — и ввиду маневра Кh2—g4—f6 + —d5 белые не допускали размена ферзей на поле a8.

32.	. . .	Лc1—a1!

Теперь защиты нет. Черный ферзь попадает на поле a8, и понятно, что после размена ферзей игра окончена: остановить лавину трех связанных проходных пешек белые не могут.

33.	Кh2—g4	Фa3—a8
34.	Сf1—c4	Сf8—g7
35.	Фd5 : a8	Лa1 : a8
36.	Кg4—f6+	Сg7 : f6
37.	g5 : f6	Лa8—a3
38.	Сf2—e1	b4—b3
39.	Сe1—c3	Лa3—a2+
40.	Крg2—f3	Лa2—c2

Белые сдались. Хорошее достижение юного мастера!

Примечания гроссмейстера С. ФЛОРА.

Положение после 22-го хода белых.

Первый теплоход

Пятьдесят лет назад, 21 мая 1903 года, в Петербурге было закончено строительство первого в мире теплохода — судна, приводимого в движение двигателем внутреннего сгорания.

Специальной установкой, состоявшей из трех таких двигателей, изготовленных на заводе «Русский дизель», была оборудована нефтеналивная баржа «Вандал» для навигации по Волге и Ладожскому каналу.

Россия стала родиной нового вида водного транспорта, который получил всеобщее признание и распространился во всем мире.

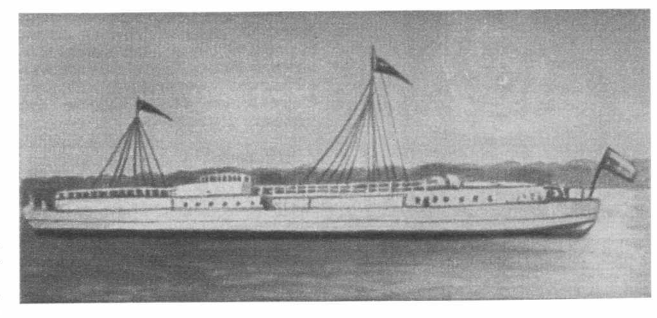
По сравнению с пароходом теплоход имел серьезные преимущества. Понизился расход топлива, машинное отделение заняло меньшую площадь, сократилось количество обслуживающего персонала.

Уже на следующий год в России был построен новый теплоход — «Сармат», совершавший рейсы между Петербургом и Рыбинском. Так как в те времена не знали дизелей обратного хода, то на теплоходе была применена электрическая передача от двигателей к гребному валу. Но вскоре инженер Р. Корейво изобрел реверс-механизм для обратного хода, и был построен теплоход с «муфтой Корейво».

Русские ученые решили ряд серьезнейших принципиальных задач, связанных с проблемами сжигания низкосортного топлива. Известный русский конструктор В. Гриневецкий разработал теорию рабочего процесса в двигателях внутреннего сгорания. Он создал тепловой двигатель, который при тяговой работе был свободен от многих недостатков, присущих конструкции Дизеля.

Двигатели внутреннего сгорания произвели переворот в судостроении и прославили русских судостроителей.

С. НИКОНОВ

Первый в мире теплоход — «Вандал». 1903 год.

Кипящие озера

Из записок участницы экспедиции на Камчатке.

Встав до зари, на восходе солнца мы уже спускались в кальдеру Узона. Это была почти круглая, несколько километров в диаметре впадина, провальная воронка кратера вулкана.

Срединная часть провала была занята большим озером. На противоположной от нас стороне поднимались к ярко-голубому небу высокие колонны пара.

Мы обошли озеро и осторожно стали продвигаться вперед. Ландшафт был голый, безжизненный. Горячая на ощупь земля была покрыта хрупкой, ломающейся и хрустящей под ногами грязной, желтовато-белой коркой из кремнезема.

Повсюду кипели небольшие с совершенно плоскими берегами озерца диаметром в один, два, три метра. Вода в них бурлила и высоко всплескивалась вверх, поднимая столбы пара, которые мы и видели сверху.

Между кипящими озерами виднелись небольшие ямки с невысокими бортами, в которых булькала и хлюпала густая серая глинистая масса, выпуская лопающиеся на воздухе пузыри.

Кипение воды и шипение пара сливались в неясный шум, напоминающий бульканье какого-то кипящего варева во множестве кастрюль на гигантской плите.

Внезапно мой спутник, стоявший у края одного из кипящих озер, как-то осел, затем упал и покатился по земле. Оказалось, что он подошел слишком близко к озерцу и провалился сквозь хрупкую корку в кипящую воду. Он резко повалился на землю и откатился от озера. Это спасло его, но все же он сильно обварил ногу.

На другой день мы были в знаменитой долине гейзеров, открытой в 1941 году геологом Т. И. Устиновой.

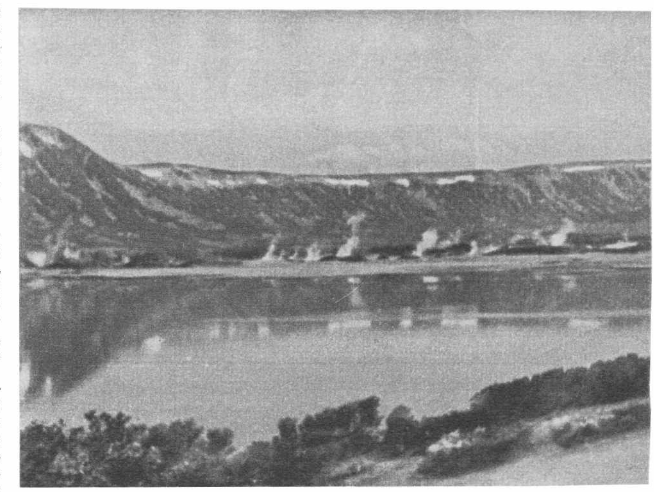
Узкое, сжатое скалами ущелье. По его дну бурлит река Гейзерная. Все склоны сверху донизу «парят». Одновременно видны 30—40 струй пара, высокими столбами и нередко с большим шумом выходящих из отверстий в земле.

Залюбовавшись величественным зрелищем, мы прислонились к обрыву склона. Спине стало жарко: откос был горячий.

Перед нами среди облаков пара то тут, то там извергались гейзеры. Эффектные фонтаны горячей воды разнообразной формы, окруженные облаками пара, высоко взлетали в воздух. Они «играли» несколько минут, затем постепенно угасали, но их тотчас же сменяли извержения новых соседних гейзеров.

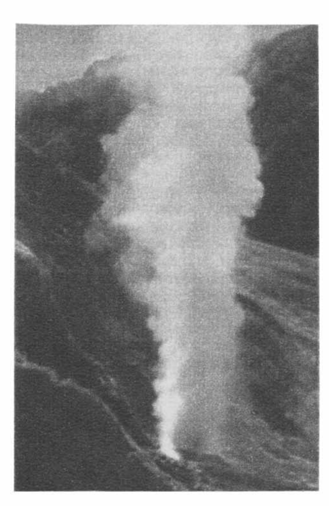
Н. СУШКИНА, доктор биологических наук.

Камчатка.

Кальдера Узона. За озером поднимаются столбы пара от кипящих озер.

Фото А. Куракина.

Извержение гейзера.

Фото Т. Устиновой.

Кипящее озеро.

Фото автора.

Из почты «Огонька»

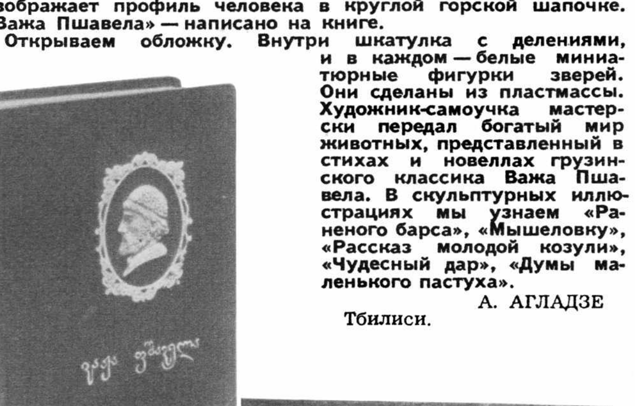
ДЕРЕВЯННАЯ «КНИГА»

Среди произведений искусства, выставленных в Доме народного творчества Грузии, обращает на себя внимание работа инженера Г. Александрова. Это объемистая книга в обложке из лавровишневого дерева. Барельеф из белой кости изображает профиль человека в круглой горской шапочке. «Важа Пшавела» — написано на книге.

Открываем обложку. Внутри шкатулка с делениями, и в каждом — белые миниатюрные фигурки зверей. Они сделаны из пластмассы. Художник-самоучка мастерски передал богатый мир животных, представленный в стихах и новеллах грузинского классика Важа Пшавела. В скульптурных иллюстрациях мы узнаем «Раненого барса», «Мышеловку», «Рассказ молодой козули», «Чудесный дар», «Думы маленького пастуха».

А. АГЛАДЗЕ

Тбилиси.

Необыкновенная охота

Этот любопытный случай произошел в предгорьях Кавказа. В тех местах, где расположены аулы Хабез, Инжик-Чукун и Али-Бердуковский, где над быстрой и светлой водой Малого Зеленчука вот уж сколько веков молчат развалины старинной крепости Адиюх.

Черкесский мальчик Пака Бетуханов ехал по долине верхом. Справа и слева громоздились холмы предгорий, покрытые густым кустарником и лесом. Далеко впереди долина упиралась в зубчатую снеговую гряду Кавказа. Утро было солнечное, и горы были видны так хорошо, как будто до них рукой подать. Настроение солнечного утра передалось и мальчику и коню. Обоим им хотелось проскакать так, чтобы только ветер свистел в ушах. Такой случай скоро представился. Шагах в ста впереди вдруг выскочил из кустарника матерый кабан. Конечно, безоружный мальчик ничего с ним не мог сделать, но все же он привстал на стременах и отпустил поводья.

Кабардинской породы лошадь сразу пошла полным галопом.

Кабан нападает на преследователей в двух случаях: когда он ранен или когда положение свое считает безвыходным. А такое положение для него наступило быстро. Через несколько минут скачки лошадь настигла зверя. Тогда он круто обернулся и с такой же быстротой, с какой только что убегал, бросился на преследователей. Его острое и мощное оружие — клыки были готовы нанести смертельный удар или в лучшем случае перебить ногу лошади. Лошадь так резко шарахнулась в сторону, что мальчик не усидел в седле и упал на землю. Кабан, проскочивший в своем яростном разбеге далеко вперед, повернулся и кинулся снова, теперь уже на мальчика. Как произошло все дальнейшее, не может объяснить и сам Пака Бетуханов. Ясно только одно: он очутился на спине кабана. Теперь мальчик снова сидел верхом, а для джигита это главное. Пака намертво вцепился в уши разъяренного вепря, и началась небывалая скачка. Одинаково перепуганные зверь и мальчик около двух часов носились по долине. Чего не делал кабан, чтобы сбросить неожиданного седока, но не тут-то

было! Пака хорошо понимал, что его спасенье только в одном: усидеть во что бы то ни стало. Одновременно он звал на помощь. Из ближайших аулов подоспели колхозники. Но как убить зверя, если он мечется туда и сюда? Стрелять нельзя: можно попасть в седока. Только тогда, когда кабан обессилел, его удалось прикончить вилами. В нем оказалось более двухсот килограммов.

В. АЛЕКСЕЕВ

«Конский волос»

В Казахстане, в районе отгонного животноводства Баян-Аул, летом прошлого года в речке Шитырде появились черные и коричневые нитеобразные черви длиной в тридцать — пятьдесят сантиметров, возбудившие опасения местных жителей. Кто-то вспомнил, что в народе эти черви носят название «конского волоса», а «конский волос», как гласит предание, будто бы может проникать в человеческое тело, отчего человек умирает. Случилось, что один мальчик запутался ногой в таком «конском волосе», который с трудом сняли. После этого случая дети и даже взрослые боятся купаться в речке.

Обо всем этом, по поручению отгонщиков Баян-Аула, пишет в редакцию Т. И. Висиевская и просит разъяснить, опасен ли этот червь для жизни человека, как он правильно называется и каково его происхождение.

Мы ознакомили с письмом Т. И. Висиевской доктора биологических наук, профессора Н. Н. Плавильщикова (Зоомузей МГУ), который сообщил следующее:

— Червь этот называется волосатиком, он обитает в неглубоких стоячих и проточных водах в иле, среди растений, между корнями и камнями, достигая 70 и более сантиметров в длину и 0,5—2 миллиметров в толщину; самцы окрашены темнее, самки — светлее. Тонкий и длинный, он действительно напоминает конский волос, чем и объясняется его народное название. По выходе из яйца, в личиночном состоянии, волосатик паразитирует в насекомых, но для человека и домашних животных он не опасен.

Рассказы о том, что волосатик попадает в человеческое тело, не более, как выдумки. Поводом для них, вероятно, послужило то, что личинка лошадиного овода иногда проникает под кожу человека и, продвигаясь под ней, оставляет след в виде тонкой ниточки.

Запутаться в длинном волосатике рукой или ногой не более опасно, чем запутаться в обрывке какой-нибудь водоросли.

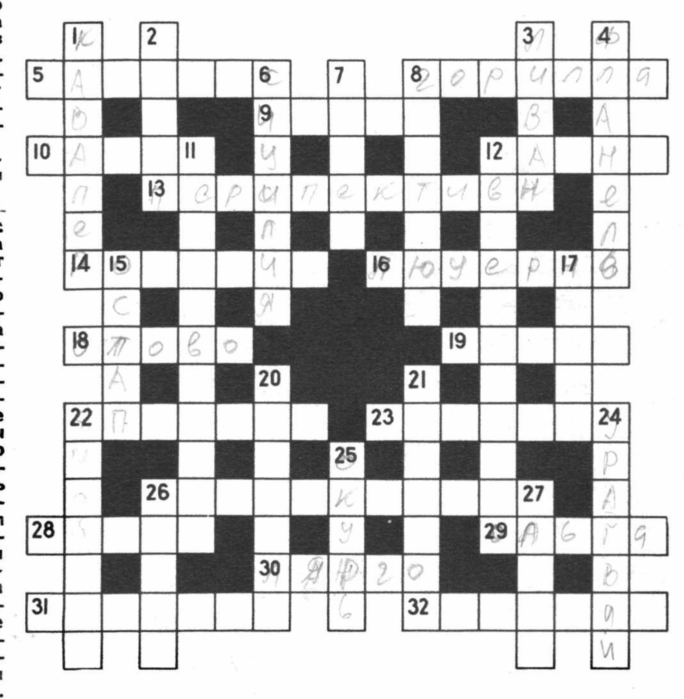
КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Скопление воды от таяния снега или ливней. 8. Обезьяна. 9. Приток Северного Донца. 10. Рассказ А. П. Чехова. 12. Город в Киевской области. 13. Виды на будущее. 14. Цветок. 16. Травянистое растение. 18. Металл. 19. Разумное основание. 22. Роман Р. Джованьоли. 23. Картина художника И. Шишкина. 26. Наука, изучающая водные объекты. 28. Отходы конопли при обработке. 29. Персонаж комедии А. Н. Островского «Сердце не камень». 30. Обозначение очень медленного темпа в музыке. 31. Советский живописец и искусствовед. 32. Духовой музыкальный инструмент.

По вертикали:

1. Человек, награжденный орденом. 2. Морское неподвижное животное. 3. Государство в Азии. 4. Ткань. 6. Остров в Средиземном море. 7. Общественный сад. 8. Ледник. 11. Отрасль промышленности. 12. Извещение. 15. Персонаж в повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба». 17. Французский писатель, философ. 20. Танец. 21. Участник и организатор ряда экспедиций на Новую Землю. 22. Остров в Малайском архипелаге. 24. Государство в Америке. 25. Рыба. 26. Большой обломок твердого вещества. 27. Вид товарного знака.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 19

По горизонтали:

3. Шабер. 6. Сарабанда. 9. Происхождение. 12. Приклад. 15. Запонка. 16. Деканат. 17. Смерч. 18. Пепел. 19. Симптом. 21. «Портрет». 22. Ремарка. 25. Прямоугольник. 26. Антология. 27. Шашки.

По вертикали:

1. Налайха. 2. Беранже. 4. Маринад. 5. Адресат. 7. Прокуратура. 8. Киномеханик. 10. Тромбон. 11. Уклейка. 13. Дебит. 14. Рампа. 15. Задор. 19. Сегмент. 20. Мельник. 23. Чусовая. 24. Поковка.

Ответ на задачу «Неравный груз» (№ 19)

Если второй водитель переложит к первому 1 тюк, их грузы сравняются,— следовательно, у второго было на 2 тюка больше, чем у первого. Если же первый водитель переложит ко второму 1 тюк, то у последнего станет уже на 4 тюка больше, а в целом его груз, по условиям задачи, составит 4 × 2 = 8 тюков против 4 у первого водителя. Таким образом, на первую машину было погружено 5 тюков, на вторую — 7.

В этом номере на вкладках: репродукции картин Рафаэля «Автопортрет» и «Мадонна Конестабиле», Л. И. Бродской «Соловьиная ночь», Б. Ф. Федорова «После лыжного перехода» и четыре страницы акварелей К. К. Купецио и А. А. Ромодановской.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора), А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление Л. Шумана.

А 02250. Подп. к печ. 12/V 1953 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,625 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 550 000. Изд. № 391. Заказ 906. **Рукописи не возвращаются.**

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

В колхозной чайной Чулковского сельпо, Раменского района, Московской области. На переднем плане (слева направо): колхозный пасечник Р. П. Никифоров, колхозница М. Ф. Попова и электрик колхоза В. А. Андреев.

Фото Э. Евзерихина.

МИНИСТЕРСТВО ЛЕГКОЙ И ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР

НАТУРАЛЬНЫЙ ЧАЙ

Вкусный, ароматный и приятный напиток. Чай бодрит, устраняет усталость, улучшает пищеварение и повышает жизнедеятельность организма.

ПЕЙТЕ НАТУРАЛЬНЫЙ СОВЕТСКИЙ ЧАЙ.